

ISSN 2587-6953

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НЕОФИЛОЛОГИЯ NEORPHILOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

2018

ТОМ 4

№ 13

ISSN 2587-6953

9 772587 695009

1 8 0 0 1

>

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина»
(392000, г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33)

Главный редактор

д. филол. н., проф. А.С. Щербак
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор

д. филол. н., д. ист. н. А.А. Бурыкин
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Ответственный секретарь

И.В. Ильина (г. Тамбов, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. К.М. Абишева
(г. Астана, Казахстан)
д. филол. н., проф. Н.Н. Болдырев
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. М.В. Горбаневский
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Р. Гольдт
(г. Майнц, Германия),
д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Е.Г. Задворная
(г. Минск, Беларусь)
д. философии, доц. Дж. Куртис
(г. Оксфорд, Великобритания)
д. филол. н., доц. О.Н. Новикова
(г. Уфа, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Полякова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Н.Л. Потанина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Л.А. Пронина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Рацибурская
(г. Н. Новгород, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг
(г. Пенза, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. В.И. Супрун
(г. Волгоград, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. З.К. Темиргазина
(г. Павлодар, Казахстан)
д. филол. н., доц. А.Б. Туманова
(г. Алматы, Казахстан)
д. филол. н., проф. В.К. Харченко
(г. Белгород, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Адрес редакции: 392000, г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33.
Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440.
E-mail: vestnik1@tsu.tmb.ru
[http://www.journals.tsutmb.ru/neofilology-
about.html](http://www.journals.tsutmb.ru/neofilology-about.html)

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС 77-70137
от 16.06.2017 г.

Подписной индекс 80303 в каталоге
АО Агентства «Роспечать».

© ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина», 2018
© Журнал «Неофилология», 2018

НЕОФИЛОЛОГИЯ

2018
Т. 4, № 13

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С МАРТА 2015 Г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

3

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Щербак А.С.** Универсальное свойство урбанонимической категории 5
- Баудер Г.А., Полунина Л.И.** Воплощение психолого-педагогической самобытности национального характера в русских обрядовых играх 12
- Ягодниченко Е.А.** Оценочный профиль концептуальной области «восприятие» как реализация интерпретирующего потенциала лексических категорий, объективирующих область «растительный мир» (на материале немецкого языка) 18

ТЕКСТОЛОГИЯ

- Бурыкин А.А.** Еще раз о двух «темных местах» «Слова о полку Игореве» 23

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Потанина Н.Л.** Актуальные способы конструирования текста в современном западноевропейском романе 30
- Бегинина С.А.** Проблема импрессионизма в литературе: историко-теоретический аспект 39

Редакторы:
А.А. Манаенкова,
М.И. Филатова
Редакторы английских текстов:
С.Ю. Можаров, Т.А. Сустина
Компьютерное макетирование
Т.Ю. Молчановой
Дизайн обложки
Т.О. Прокофьевой

Для цитирования:
Неофилология. 2018. Т. 4, № 13. 80 с.
ISSN 2587-6953.

Подписано в печать 12.03.2018.
Выход в свет 16.04.2018.
Формат 60×84 1/8.
Гарнитура «Times New Roman».
Печать офсетная.
Печ. л. 10,0.
Усл. печ. л. 9,7.
Тираж 1000 экз.
Заказ № 18041.
Свободная цена.

Адрес издателя:
392000, г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме
Тамбовского государственного
университета имени Г.Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.

Колчанов В.В. «Троцкисты»: литературно-политический
фарс и сатирические средства его выражения в повести
М.А. Булгакова «Роковые яйца» 45

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Журавлева Е.А. Национальные стереотипы и ритуалы:
устойчивость и модификация в полиэтничном социуме ... 59

К 100-ЛЕТИЮ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ТАМБОВЩИНЕ

Дронова Н.П. Из Коканда в Тамбов: топология жизни.
К столетию профессора, доктора филологических наук
Лии Соломоновны Кауфман (17.04.1918–23.04.2016) 64

РЕЦЕНЗИЯ

Потанина Н.Л. Рецензия на монографию О.В. Лебедевой
«Английская новелла: история и современность» (Вели-
кий Новгород: Изд-во НОВГУ им. Ярослава Мудрого,
2016. 158 с.) 71

ХРОНИКА

Первова Г.М. Мысли вслух в День славянской письмен-
ности и культуры 76

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education "Tambov State University
named after G.R. Derzhavin"
(392000, Tambov, 33 Internatsionalnaya Street)

Editor-in-Chief

A.S. Shcherbak, Doctor of Philology, Professor
(Tambov, Russian Federation)

Scientific Editor

Doctor of Philology, Doctor of History
A.A. Burykin
(St. Petersburg, Russian Federation)

Executive Editor

I.V. Ilyina (Tambov, Russian Federation)

Editorial Board

Doctor of Philology, Professor K.M. Abisheva
(Astana, Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor N.N. Boldyrev
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor
M.V. Gorbanevskiy
(Moscow, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor R. Goldt
(Mainz, Germany)
Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva
(Moscow, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor E.G. Zadornaya
(Minsk, Belarus)
Doctor of Philosophy, Associate Professor
J. Curtis
(Oxford, Great Britain)
Doctor of Philology, Associate Professor
O.N. Novikova
(Ufa, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor N.L. Potanina
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor L.A. Pronina
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Ratsiburskaya
(Nizhny Novgorod, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor N.V. Rozenberg
(Penza, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor V.I. Suprun
(Volgograd, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor Z.K. Temirgazina
(Pavlodar, Kazakhstan)
Doctor of Philology, Associate Professor
A.B. Tumanova
(Almaty, Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor V.K. Kharchenko
(Belgorod, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin
(Tambov, Russian Federation)

Editorial address: 33 Internatsionalnaya St.,
Tambov, 392000
Editorial telephone: (4752)-72-34-34 extension
tel. 0440.
E-mail: vestnik1@tsu.tmb.ru
[http://www.journals.tsutmb.ru/neophilology-
eng.html](http://www.journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html)

The mass media registration certificate
ПН № ФС 77-70137 of June 16, 2017.

Subscription index in the catalogue of the Stock
company Agency "Rospechat" is 80303

© FSBEI of HE "Tambov State
University named
after G.R. Derzhavin", 2018
© The journal "Neophilology", 2018

NEOPHILOLOGY

2018
Vol. 4, No. 13

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

PUBLISHED SINCE MARCH 2015
ISSUED 4 TIMES A YEAR

CONTENTS

LINGUISTICS

	3
Shcherbak A.S. Universal property of urbanonymical categorization	5
Bauder G.A., Polunina L.I. Embodiment of psychological and pedagogical national character originality in Russian ritual games	12
Yagodnitsena E.A. Estimation profile of conceptual domain of "perception" as a realization of interpreting potential of lexical categories, included in the "flora" area (basing on the material of the German language)	18

TEXTOLGY

Burykin A.A. Once more about two unclarities in "The Tale of Igor's Campaign"	23

STUDIES OF LITERATURE

Potanina N.L. Actual methods of the text constructing in the modern West European novel	30
Beginina S.A. The problem of the Impressionism in literature: historical and theoretical aspect	39

Editors:

A.A. Manaenkova, M.I. Filatova

English texts editors:

S.Y. Mozharov, T.A. Sustina

Computer layout

T.Y. Molchanova

Cover design

T.O. Prokofeva

For citation:

Neophilology. 2017. Vol. 4, no. 13. 80 p.

ISSN 2587-6953.

Podpisano v pechat' 12.03.2018.

Vykhod v svet 16.04.2018.

Format 60×84 1/8.

Garnitura «Times New Roman».

Pechat' ofsetnaya.

Pech. list 10,0.

Usl. pech. list 9,7.

Tirazh 1000 ekz.

Zakaz № 18041.

Svobodnaya tsena.

Adres izdatel'ya:

392000, g. Tambov,

ul. Internatsional'naya, d. 33.

FGBOU VO «Tambovskiy

gosudarstvennyy universitet

imeni G.R. Derzhavina».

Otpechatano v Izdatel'skom dome

Tambovskogo gosudarstvennogo

universiteta imeni G.R. Derzhavina.

392008, g. Tambov, ul. Sovetskaya, d. 190g.

- Kolchanov V.V.** “Trotskyists”: literature and political farce and satirical means of its expression in the novel by M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs” 45

INTERCULTURAL COMMUNICATION

- Zhuravleva E.A.** National stereotypes and rituals: stability and modification in a polyethnic society 59

ON THE OCCASION OF 100 ANNIVERSARY OF HIGHER EDUCATION AT TAMBOV LAND

- Dronova N.P.** From Kokand to Tambov: topology of life. To the 100th anniversary of the Professor, Doctor of Philology Lia Solomonovna Kaufman (17.04.1918–23.04.2016) 64

REVIEWS

- Potanina N.L.** Review of the monograph by O.V. Lebedeva “English Short Story: History and Present Time” (Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2016. 158 p.) 71

CHRONICLE

- Pervova G.M.** Thoughts aloud on the Slavic Writing and Culture Day 76

УДК 81.373.2

УНИВЕРСАЛЬНОЕ СВОЙСТВО УРБАНОНИМИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

Антонина Семеновна ЩЕРБАК

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: ant_scherbak@mail.ru

Аннотация. Доказывается, что на современном этапе ономастических исследований ощущается недостаток интеграционных исследований обобщающего характера, необходимость систематизации и дополнения полученных в современной ономастике результатов с когнитивных позиций, позволяющих уделить внимание прежде всего участию урбанонимической лексики в представлении знаний; опубликованная в 2016 г. первая хрестоматия по когнитивной ономастике, включающая статьи ученых из Австрии, Венгрии, Германии, Польши, Финляндии за 2004–2014 гг., содержит обоснование когнитивного направления исследования имен собственных. Устанавливается, что обращение к изучению урбанонимов в когнитивном контексте позволяет задуматься, что понимается под когнитивной ономастикой и может ли когнитивная ономастика помочь ответить на многие вопросы в области познания окружающих человеком названий линейных внутригородских объектов. Выявляется, что обращение к проблемам именования урбанонимов в когнитивном аспекте определяется двумя основными причинами. Во-первых, недостаточной изученностью когнитивной составляющей ономастики, которая способна заимствовать идеи когнитивной лингвистики и порождать свои собственные когнитивные теории. Во-вторых, значимостью для современного общества обоснованных научных данных о когнитивной обусловленности выбора, изобретения и употребления имен собственных на территории города. Обосновывается теория ономастической категоризации.

Ключевые слова: когнитивная ономастика; номинация; урбанонимическая лексика; категоризация урбанонимов

Названия адресных линейных внутригородских объектов складываются в процессе взаимодействия основных компонентов: природного (ландшафта), экономического развития города, общественных и культурно-исторических условий. Эти факторы находят отражение в планировочной структуре города (рукотворной деятельности человека) и во многом определяются хозяйственной деятельностью человека, его мирозерцанием и мировидением, то есть коллективным субъектом. В связи с этим в настоящее время особый интерес ученых проявляется к изучению урбанонимов как единиц городского пространства, тесно связанных со стратегией создания имиджевой концепции города. С позиций современного маркетинга территории города оцениваются М.В. Голомидовой как «информационно-коммуникативный ресурс». Ученый вводит в научный обиход понятие «урбанонимическое строительство», которое включает в себя нормотворческое урбанонимическое наречение, определяющее имидж города, его ключевые номинативные

темы для вербального представления смысловых имиджевых доминант [1].

Обращает на себя внимание тот факт, что когнитивный подход к описанию, например, адъективных урбанонимов, восходящих к фамилиям известных деятелей (писателей, поэтов и т. п.), представляется весьма эффективным, поскольку позволяет проанализировать механизмы концептуальной интеграции, разработанной Ж. Факонье и М. Тернером на основе теории ментальных пространств и получившей дальнейшее развитие в работах Л.В. Бабиной, Н.Н. Болдырева [2–4]. В основе теории концептуальной интеграции лежат образования сложных когнитивных структур из более простых мыслительных структур.

В рамках теории концептуальной интеграции имеет место действие когнитивного механизма «соединение», который находит отражение в выборе, изобретении и употреблении имени собственного (урбанонима). Речь идет о том, что элемент из одного исходного пространства соединяется с элементом другого ментального пространства. Ср.:

улица Красная, Красная площадь, Красный проспект, Красный переулок, Красный тупик. Данные примеры свидетельствуют, что производное название адресного линейного внутригородского пространства образовано при помощи общеупотребительного нарицательного существительного и названия географического объекта (улица, площадь, проспект, переулок, тупик и др.). «Знание о пространственном положении объекта – это информация о его форме, размере и структуре частей. О признании за объектом статуса такового свидетельствует наделение его именем. Наричательное имя, данное объекту, – это базовый уровень категоризации» [5, с. 8].

Актуализация значения урбанонимической единицы всегда соотносится с названием самого линейного объекта, без которого, как правило, название внутригородского объекта не употребляется. Ср.: название кинофильма «Весна на Заречной улице», песня Л. Утесова под названием «Брянская улица», песня Ю. Антонова под названием «На улице Каштановой», песня под названием «Большая Астраханская», написанная тамбовским журналистом А.Е. Мачульским.

Незаметно и тихо уходит
старинный Тамбов...
Вот знакомые окна, как в юности
мне улыбнулись,
Чтоб потом, растворившись
в свободном теченье веков,
Лишь порой отражаться
в забытых названиях улиц.

...Большая Астраханская,
Вторая Комендантская,
Кадетская, Дворянская,
Никольская, Солдатская.
Архангельская, Флотская,
Кузнецкая, Покровская,
Конюшенная, Хлебная,
Река моя целебная.

Любой урбаноним именуется дважды (географический объект и его название), что позволяет обратить внимание на признаковую семантику имен собственных и считать, что имена собственные не являются лексико-грамматическим разрядом существительных, «это, скорее всего, самостоятельный класс слов, особая часть речи, имеющая свое категориальное значение». «Имена собственные

в узком смысле слова не называют предметов, а определяют предмет, который назван существительным. Но это определение, которое в грамматике квалифицируется как приложение, стремится к уникальности, к тому, чтобы по этому определению в сознании носителей языка возникал и сам предмет (субъект, субстанция)» [6, с. 121]. При этом род существительных (городских объектов) задает согласовательную функцию и «определяет формат языковых знаний, связанных с согласованием существительных с атрибутами... выраженными изменяющимися по роду лексемами» [7, с. 446]. Обратим внимание на включенное в первую хрестоматию по когнитивной ономастике сочинение предвестника когнитивного подхода к осмыслению статуса имен собственных в языке Т. Гоббса «О наименованиях», в котором содержится определение имени собственного: «Имя есть слово, произвольно выбранное нами в качестве метки, чтобы возбуждать в нашем уме мысли, сходные с прежними мыслями, и одновременно, будучи вставленным в предложение и обращенным к кому-либо другому, служить признаком того, какие мысли были и каких не было в уме говорящего» (цит. по: [8, с. 212]).

Особенность структуры урбанонимического знания проявляется в том, что оно служит признаком отражения того, какие мысли были в уме номинатора, отражением через стоящую за ним структуру знания и информации как результата особой познавательной деятельности человека. Процесс урбанонимической номинации – это вербализация мыслительного процесса, направленного на освоение городского пространства с целью выделения общих и отличительных когнитивных признаков. Ср.: переулок, проулок, тупик всегда меньше улицы, площадь – «незаостренное большое и ровное место (в городе, селе), от которого обычно расходятся в разные стороны улицы»; проспект – «большая широкая и прямая улиц», аллея – «улица с рядом деревьев, посаженных по обеим ее сторонам».

При наименовании адресных линейных внутригородских объектов одним из главных концептуальных признаков является признак «персонификация», который отражает антропоцентрическую направленность: название

внутригородского объекта восходит к антропониму. В пределах этого концептуального признака выделяются так называемые мемориальные названия, являющие собой урбаноминатии-посвящения в честь выдающихся личностей (государственные и исторические деятели, представители науки, культуры, искусства и т. д.). Известно, что первый урбаноним-посвящение появился в Санкт-Петербурге. 22 декабря 1881 г. по ходатайству городской Думы одному из проездов города было присвоено имя А.С. Пушкина.

Специфику тамбовских урбанонимов-посвящений и особенности их создания в других российских больших и малых городах отражают адъективные антроурбанонимы. Например, *Державинская*, *Лермонтовская*, проезд *Лермонтовский* (по фамилиям известных русских поэтов), улица *Булгаковская* (по фамилии генерал-губернатора, служившего во второй половине XIX века в Тамбове), улица *Носовская* (по фамилии купца Андрея Михайловича Носова) и ряд других.

Однако в большинстве своем в словаре тамбовских урбанонимов преобладают номинатии названий в форме родительного падежа: улицы *Чичерина*, *Августа-Бебеля*, *Сергеева-Ценского*, *Демьяна Бедного*, *Николая Вирты*, *Ивана Франко*, *Крылова*, *Ломоносова*, *Куйбышева*, *Лаврова*, *Энгельса*, *адмирала Нахимова*, *адмирала Ушакова*, *академика Вавилова*, *академика Островитянова*, площадь *Ленина*, улица и переулок *академика Боткина* и целый ряд др.

Начало целенаправленного наименования улиц Тамбова по антропоцентрическому принципу восходит к 1910 г., когда Ученая архивная комиссия обратилась с прошением в городскую Думу: «Некоторые улицы Тамбова носят названия ничего ни уму, ни сердцу не говорящие, между тем в Тамбове был целый ряд деятелей, имена которых всегда должны оставаться в памяти жителей, и было бы крайне желательно увековечить именами их улицы, носящие общие названия»¹. На это Тамбовская дума дала ответ: «Управа, тем не менее, находит, что присвоение улиц того или иного имени должны иметь хотя какую-либо связь с данным лицом или событием»².

¹ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 17. Оп. 1. Д. 4161. Л. 1.

² Там же. Л. 3.

Результаты количественного анализа тамбовского урбанонимикона свидетельствуют об андроцентрической направленности городской урбанонимики, поскольку «мужские имена и фамилии топонимизируются чаще, чем женские» [9, с. 78]. До Октябрьской революции женские имена в тамбовском урбанонимиконе были единичны, например, *Варваринская* площадь (ныне Первомайская), на которой до 1935 г. располагался один из тамбовских храмов – *Варваринская* церковь. Возможно, это обстоятельство объясняется тем, что в сельской местности изначально православные храмы в честь святых-женщин были исключительной редкостью. На карте современного г. Тамбов из 564 урбанонимов, среди которых выделяются женские имена, отмечены улица и проезд *Марины Расковой*, улицы *Зои Космодемьянской*, *Тамары Дерунец*, *Лизы Чайкиной*.

Таким образом, урбанонимы-посвящения эксплицируют содержания концепта 'МЕСТО' и отражают определенные корреляции между концептуальными и языковыми структурами знания, лежащие в основе формирования таких урбанонимов, – знания о выдающихся личностях, прославившихся государственной, общественной и политической деятельностью.

Понятие «урбанонимическая система» до сих пор не находит однозначного толкования в ономастической литературе. Учитывая территориальный, временной и национальный факторы, Н.В. Подольская отмечает, что топонимическая система являет собой определенным образом организованную совокупность топонимных структур определенного этноса для определенного времени на определенной территории. Э.М. Мурзаев подчеркивает, что для топонимической системы свойственная совокупность тех признаков, которые закономерно повторяются в результате формирования названий географических объектов. А.В. Суперанская считает, что в топонимической системе происходит перестройка отдельных топонимов, подчиняющаяся общим закономерностям. Следовательно, и урбанонимическая система представляет собой не простую сумму урбанонимических единиц, а некую иерархически организованную совокупность названий адресных внутригородских объектов, для которых

характерен параметр времени, ландшафтное, историческое, культурное, хозяйственно-экономическое единство территории, формирующее своеобразный городской менталитет. Из сказанного следует, что названия городских объектов выполняют *ядерные* (обязательные) и *периферийные* функции, что является весьма существенным для осмысления урбанонимов в когнитивном аспекте, позволяющем рассматривать урбанонимы как средство категоризации. Ядерные функции выполняют официальные названия внутригородских объектов (собственно урбанонимы), в то время как периферийные функции присущи неофициальным названиям (так называемы микроурбанонимы, местные названия).

Развивая идеи категоризации урбанонимических единиц, в основе которой лежат положения Н.Н. Болдырева о моделировании пространства и пространственных отношений в языковой деятельности, можно считать, что общекогнитивные механизмы категоризации распространяются и на урбанонимическую категорию, с помощью которой человек отражает урбанонимические знания о внутригородских объектах. Урбанонимическая категория – это совокупность урбанонимов, в число которых входят названия внутригородских объектов: аллеи, проспекты, проезды, площади, переулки, набережные, улицы, тупики, шоссе (*годонимы*), неофициальные названия городских линейных объектов, которые употребляются только в сфере устного общения (*микроурбанонимы, или микротопонимы*), названия коммерческих предприятий (*эргонимы*), названия коммерческих предприятий, зданий (*ойкодонимы*), названия парков (*микродримонимы*), названия городской площади, рынка (*агоронимы*) [10, с. 10, 27, 52, 83, 139, 151].

Под категоризацией урбанонимических единиц понимается осмысление объектов внутригородского пространства в рамках урбанонимической категории, отражающей как общее категориальное значение появляющегося названия, так и его компонента, дающего представление о категориальном значении производящего слова. Например, *улица Красная, Красный переулок*, в которых номинации с компонентом *красный* имеют два основных значения:

1) «красивый», «лучшего качества» – представления о красоте объектов;

2) идеологический диктат в урбанонимии, например: *Комсомольская улица, Комсомольская площадь, Комсомольский проезд, Первый Комсомольский проезд, Второй Комсомольский проезд, Комсомольский переулок*.

Категоризация урбанонимических единиц отражается на трех уровнях: базовом, суперординатном и субординатном.

Суперординатный уровень передает знания общего порядка в виде категории МЕСТО в пространстве города.

Базовым уровнем урбанонимической категоризации служит срединный уровень, он предусматривает наибольшую информацию о содержании урбанонимических единиц. В процессе ментального процесса категоризации люди классифицируют слова-названия, выделяя существенные признаки и сохраняя смысловозначительные признаки концептуализированной категории [4; 11].

В системе урбанонимической категоризации субординатный уровень отражает информацию о неофициальных наименованиях внутригородских объектов, которые доминируют в устной разговорной речи. Речь идет о так называемых микроурбанонимах, не имеющих письменной фиксации и имеющих отличительные особенности от собственно урбанонимов, например, площадь *Комса* в г. Тамбов. Подобного рода урбанонимы имеют ряд особенностей, к числу которых относятся:

- отсутствие фиксации в официальных документах;
- локальная индивидуальность акта номинации;
- функционирование в условиях специализированной коммуникации;
- тесная связь именования с именуемым городским объектом;
- отсутствие непосредственной связи наименования с понятием (связь осуществляется через понятие именуемого адресного объекта в городе);
- наличие разговорной коннотации с речевым воздействием на социальные отношения между говорящими.

Именно концептуальное сходство географических линейных объектов, которое

устанавливает человек, и есть то универсальное свойство урбанонимической категории, которое отличает ее от других форматов знания и обеспечивает разнообразие естественных и языковых категорий (ср.: в широком значении урбанонимы включают в себя названия земного пространства, относящиеся к неживой природе: *топоним, годоним, гидроном, агроним, эргоним, хремотоним, хрононим, ороним, экклезионим, ойконим, дромонимы* и т. д.).

Любой человек может представить себе улицу как образ страны: *Бродвей* Нью-Йорка – это Америка, *Елисейские поля* Парижа – Франция, *Тверская улица* Москвы – это Россия. Однако образ *места* мы себе представить не можем. Если даже представляем себе *улицу* или *проулок*, то делаем это при помощи представителя базовой категории – *улица, проулок*. На этом уровне отражаются наши способности к восприятию гештальтов, ср.: *Красная площадь, улица Арбат, Тверской бульвар, Васильевский спуск, Воробьевы горы, Китай-город* – это Москва; *Дворцовая площадь, Невский проспект, Сенная площадь, Марсово поле, Летний сад* – это Санкт-Петербург.

В структуре урбанонимической категоризации *базовый уровень* является определяющим, он сосредотачивает в статистическом отношении наибольшую часть наших ономастических знаний и общепринятых именований, являясь центральной областью урбанонимикона. Именно поэтому категории базового уровня известны человеку с детства, они раньше усваиваются, быстрее распознаются в процессе речевой практики.

Учитывая сказанное, можно считать, что язык не отражает, а интерпретирует мир. Урбанонимические категории базового уровня сосредотачивают в себе большую часть наших знаний о конкретных названиях географических объектов, нежели о названии места вообще.

Список литературы

1. Голомидова М.В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3. С. 185-203.
2. Бабина Л.В., Бочкарева И.В. Исследование производных слов в рамках когнитивного подхода // Мегународен дијалог: исток – запад (култура, славјанство и економија). Втора Мегународна научна конференција. Свети-Николе, Р. Македонија–Тамбов, Руска Федерација, 2011. С. 29-32.
3. Болдырев Н.Н. Роль языка в структурировании сознания // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. 22. С. 34-39.
4. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Minds Hidden Complexities // Basic Books. N. Y., 2002. P. 17-31.
5. Молчанова О.Т. Пропримальная номинация в свете когнитивизма // Вопросы ономастики. 2006. № 3. С. 7-18.
6. Шарандин А.Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка. Морфология. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та им. Г.Р. Державина, 2001. 313 с.
7. Шарандин А.Л. Категория рода существительных в аспекте теорий концептуализации и категоризации // Когнитивные исследования языка. Вып. 30. Когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследований: материалы Междунар. конгресса по когнитивной лингвистике 20–22 сентября 2017 г. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 445-448.
8. Васильева Н.В. Когнитивная ономастика: взгляд из Европы. Рец. на кн.: Cognitive Onomastics: A Reader / ed. by S. Brendler. Hamburg: Baat, 2016. 204 с. // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3.
9. Уразметова А.В. Топонимическая система США: первичная и вторичная номинация. М.: Флинта: Наука, 2017.
10. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988.
11. Щербак А.С. Когнитивная специфика урбанонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 110-113.

Поступила в редакцию 08.12.2017 г.
Отрецензирована 13.01.2018 г.
Принята в печать 08.02.2018 г.

Информация об авторе

Щербак Антонина Семеновна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: ant_scherbak@mail.ru

Для цитирования

Щербак А.С. Универсальное свойство урбанонимической категории // Неофилология. 2018. Т. 4, № 13. С. 5-11.

UNIVERSAL PROPERTY OF URBANONYMICAL CATEGORIZATION

Antonina Semenovna SHCHERBAK

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: ant_scherbak@mail.ru

Abstract. It is proved that at the modern stage of onomastics researches there are lack of integrative researches of generalized nature, necessity of systematization and supplement of the received results in the modern onomastics from cognitive points of view, which draw the attention, first of all, to urbanonymical lexicon in the knowledge representation; in 2016 the first chrestomathy on cognitive onomastics was published, it includes articles by scholars from Austria, Hungary, Germany, Poland, Finland for 2004–2014 and give grounds for the cognitive direction in proper names research. It is proved that urbanonyms research in the cognitive context allows reflecting on the subject of cognitive onomastics and whether it can help to answer many questions in the field of human cognition of surrounded names of linear interurban objects. It is revealed that addressing the urbanonyms naming issues in the cognitive aspect are determined by two main reasons. Firstly, it is insufficient coverage of studies of the cognitive element of onomastics, which is able to borrow ideas of cognitive linguistics and generate its own cognitive theories. Secondly, it is significance of proved scientific data about cognitive dependence of the choice, invention, and the use of proper names on the city territory for modern society. Onomastic categorization theory is proved.

Keywords: cognitive onomastics; nomination; urbanonymical lexicon; categorization of urbanonyms

References

1. Golomidova M.V. Sovremennaya urbanonimicheskaya nominatsiya: strategicheskie podkhody i prakticheskie resheniya [Modern urban naming practices: strategic approaches and practical solutions]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2017, vol. 14, no. 3, pp. 185-203. (In Russian).
2. Babina L.V., Bochkareva I.V. Issledovanie proizvodnykh slov v ramkakh kognitivnogo podkhoda [Derivatives words research in the framework of cognitive approach]. *Megunaroden dijalog: istok – zapad (kultura, slavyanstvo i ekonomika)*. Vtora Megunarodna nauchna konferentsiya. Sveti-Nikole, Tambov, 2011, pp. 29-32. (In Russian).
3. Boldyrev N.N. Rol' yazyka v strukturirovani soznaniya [The role of language in structuring cognition]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*, 2015, no. 22, pp. 34-39. (In Russian).
4. Fauconnier G., Turner M. The way we think: conceptual blending and the minds hidden complexities. *Basic Books*. New York, 2002, pp. 17-31.
5. Molchanova O.T. Proprial'naya nominatsiya v svete kognitivizma [Proprial nomination in the context of cognitivism]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2006, no. 3, pp. 7-18. (In Russian).
6. Sharandin A.L. Kurs lektsiy po leksicheskoy grammatike russkogo yazyka. Morfologiya [Course of Lectures on Lexical Grammar of the Russian Language. Morphology]. Tambov, TSU named after G.R. Derzhavin Publ., 2001, 313 p. (In Russian).
7. Sharandin A.L. Kategoriya roda sushchestvitel'nykh v aspekte teorii kontseptualizatsii i kategorizatsii [Category of gender of a noun in the aspect of conceptualization and categorization theories]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*, 2017, no. 30, pp. 445-448. (In Russian).

8. Vasileva N.V. Kognitivnaya onomastika: vzglyad iz Evropy [Cognitive onomastics: a look from Europe]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2017, vol. 14, no. 3, pp. 210-221. (In Russian).
9. Urazmetova A.V. *Toponimicheskaya sistema SSHA: pervichnaya i vtorichnaya nominatsiya* [Toponymical System of the USA: Primary and Secondary Nomination]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2017. (In Russian).
10. Podolskaya N.V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of the Russian Onomastics Terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1988. (In Russian).
11. Shcherbak A.S. Kognitivnaya spetsifika urbanonimov [The cognitive specificity of urban names]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2016, no. 4 (49), pp. 110-113. (In Russian).

Received 8 November 2017

Reviewed 13 December 2017

Accepted for press 8 February 2018

Information about the author

Shcherbak Antonina Semenovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Russian Language Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: ant_scherbak@mail.ru

For citation

Shcherbak A.S. Universal'noe svoystvo urbanonimicheskoy kategorii [Universal property of urbanonymical categorization]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 13, pp. 5-11. (In Russian).

УДК 81+398.54

ВОПЛОЩЕНИЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ САМОБЫТНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В РУССКИХ ОБРЯДОВЫХ ИГРАХ

Галина Анатольевна БАУДЕР, Людмила Игоревна ПОЛУНИНА

ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет»

393760, Российская Федерация, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101

E-mail: tatmila@yandex.ru

Аннотация. В условиях обычного школьного обучения у большинства учащихся учебно-познавательные мотивы находятся на низком уровне. Теоретический курс русского языка достаточно труден, поэтому часто неинтересен, непривлекателен для школьника, что отражается на его учебной деятельности по усвоению данного предмета, поэтому необходимо использование на уроках русского языка дополнительных средств, способствующих возникновению познавательного интереса у учащихся. Любой, даже самый трудный материал, запоминается учащимися без особого труда, если при его объяснении на уроке использовать принцип занимательности, разнообразные игровые моменты, вызывающие у учеников положительную мотивацию к изучению русского языка.

Ключевые слова: учебно-познавательные мотивы; принцип занимательности; игровые моменты; духовная культура

Напряженные социальная, экономическая, демографическая и экологическая ситуации обуславливают нарастание негативных тенденций в становлении личности подрастающего поколения. У них особую тревогу вызывают прогрессирующая отчужденность, повышенная тревожность, возрастание их жестокости, агрессивности, потенциальной конфликтности.

В условиях обычного школьного обучения у большинства учащихся учебно-познавательные мотивы находятся на низком уровне. Теоретический курс русского языка достаточно труден, поэтому часто неинтересен, непривлекателен для школьника, что отражается на его учебной деятельности по усвоению данного предмета, поэтому необходимо использование на уроках русского языка дополнительных средств, способствующих возникновению познавательного интереса у учащихся.

Интерес к русскому языку соотносится с мотивами учения. Выделяются несколько этапов в развитии у учащихся интереса к русскому языку: 1) занимательно, поэтому и интересно; 2) вера в слово учителя о значимости предмета; 3) осознание практической потребности в знаниях по предмету [1].

Любой, даже самый трудный материал запоминается учащимися без особого труда, если при его объяснении на уроке использо-

вать принцип занимательности, разнообразные игровые моменты, вызывающие у учеников положительную мотивацию к изучению русского языка.

Игровая лексика – один из составляющих элементов традиционной духовной культуры, это уникальный памятник истории народа, идеальный источник древнейшей информации. Использование на уроках материалов, связанных с изучением русских обрядовых игр и игровой лексики, актуально и своевременно. Большого внимания заслуживают материалы, посвященные изучению русского характера, русской ментальности.

В исследованиях В.В. Иванова, В.Н. Топорова рассматривались проблемы реконструкции древнейших семиотических систем и связанных с ними социальных представлений. Типологический метод изучения ареального аспекта духовной культуры представлен в трудах ученых Н.И. Толстого, С.М. Толстой, А.В. Гуры, А.Ф. Журавлева, О.А. Седаковой и др.

В понятие «языковая культура» мы вкладываем не только явления, относящиеся к языку, но и отражение в диалектной речи их переживаний и настроений, народно-психологических представлений, тех или иных чувств через игровой контекст, в котором участвует лексика, отражающая сведения о человеке, «который играет».

Игра и игровая лексика рассматриваются как некий текст, который усваивался с детства и сохранялся в памяти диалектоносителей. Под текстом такого рода мы понимаем «речевое произведение», которое существует самостоятельно. Это текст «традиций», лежащий в основе духовной культуры русского народа.

Проблема изучения русской игровой культуры привлекала внимание видных отечественных этнографов В.Н. Всеволодского-Гернгросса, Д.К. Зеленина, А.И. Терещенко, И.М. Снегирева и др. Интересен и поучителен сборник материалов, составленный В.Н. Всеволодским-Гернгроссом, В.С. Ковалевой, Е.И. Степановой, «Игры народов СССР» [2]. Сборник материалов, составленный Л.В. Былеевой, В.М. Григорьевым, «Игры народов СССР» также представляет интерес [3]. Значительна в плане изучения народных игр работа В.Г. Марц «Беседы по методике и теории игры» [4]. Изучению семантико-структурной характеристики названий лиц (на материале лексики русских народных игр) посвящены работы А.М. Батенок. На материале имен существительных осмысливается семантическая и структурная характеристика лексики русских народных игр, однако, только спортивных, Л.М. Овдей [5]. Исследователь ставит целью показать особенности семантической и структурной организации лексики русских народных спортивных игр в свете решения проблем ономазиологии как науки о названии при использовании методов словообразования как науки о структуре слов и законов их образования.

Отдельно осмысливаются обрядовые игры. Интерес вызывает коллективный труд рязанских ученых Б.В. Горбунова, А.В. Ефимова, Е.А. Ефимовой «Традиционные народные игры и забавы Рязанского края» [6]. Данная работа представляет собой попытку обобщения имеющихся у авторов сведений по обрядовым народным играм. Авторы освещают следующие аспекты: название, место, время проведения игры, количество, возраст и пол играющих, игровую задачу, способ разделения игроков на партии, ход игры, способ определения победителя, наказание для нарушителя правил, характерные для игры термины, шутки, дразнилки, чурания, приуроче-

ние игр к народным праздникам, район бытования игры.

В.П. Аникин [7] осмысливает народную игру как художественный феномен, доказывая проявление «игровых свойств» во всех жанрах фольклора. Ученый считает, что игру можно изучать в содержании, идущем от Я (субъекта, игрока, творца), и можно рассматривать в содержании того не-Я, кто представит в речи, действии и других моментах изображения.

Таким образом, большинство ученых признают, что игру можно изучать, анализируя исходное содержание игры и разбирая вторичное. Первичное содержание – это те мысли, чувства, действия, которые волновали игроков. Особый интерес представляет тот комплекс идей, который традиционно воплощается в этих играх, проявляя мировоззренческие представления. Ср.: на святках рядились козой, медведем или волком.

Соответственно, разделяется изучение формы игры на изучение формы внутренней и формы внешней. Под внутренней формой понимается форма замысла, исходная мысль играющих. Внешняя форма – это форма воплощения и исполнения замысла, форма и вид играющих.

Игровая лексика как предмет исследования этнокультурных контактов наряду с пищей и жилищем, одеждой и трудовой деятельностью является важнейшим и необходимым элементом материальной культуры. Поскольку данный компонент входил в систему материального «жизнестояния» народа, он содержит в себе богатейшую информацию. Это сведения о лексике говоров, представляющих упорядоченную систему связанных между собой языковых факторов. Это информация об обрядовых традициях, традициях так называемого «нетрудового времяпрепровождения» человека. Игры были обрядовые и повседневные, детские и юношеские, уличные и проходившие в помещении, игры зимние, осенние и летне-весенние, развлекательные и интеллектуальные.

Словосочетания «русский характер», «русская душа» ассоциируются в нашем сознании с чем-то загадочным, неуловимым, таинственным и грандиозным. Характер проявляется скрыто и незаметно: в отношении к окружающему миру, манере поведения, спо-

собах общения, склонностях и пристрастиях, образе жизни, традициях и привычках.

В современной этнопсихологии понятие национального характера является до сих пор наиболее дискутируемым. Большинство исследователей соглашается, что национальный характер по необходимости должен включать в себя не только внешне проявляемые привычки и поведение, но и в первую очередь особенности эмоциональных реакций на явления привычной и непривычной среды, а также ценностной ориентации и потребностей.

Феномен русского национального характера во всей его сложности и противоречивости всегда притягивал к себе внимание тех, кто с ним соприкасался. Неоценимый вклад в изучение русского национального характера внесла книга русского философа Н.О. Лосского «Характер русского народа», где ученый дает следующий перечень основных черт, присущих русскому национальному характеру: религиозность русского народа, высокое развитие нравственного опыта, чувство и воля, свободолюбие, доброта, жестокость.

По мнению философа Н.О. Лосского, «основная, наиболее глубокая черта русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра...». Исходя из этого, Н.М. Лебедева выделяет два абсолютно, казалось бы, противоположных по значению комплекса свойств русского народа.

1. Проявление духовно-душевных свойств русских людей. Сюда можно отнести доверчивое смирение с судьбой, готовность помогать другим, делясь своим насущным, способность к самоотвержению и самопожертвованию, вера, эпическое спокойствие в приятии смерти, непогоня за внешним жизненным успехом, непогоня за богатством, довольство умеренным достатком.

2. Пассивность, бездейственность. Сюда можно отнести неразвитое правосознание, заменяемое тягой к живой справедливости, вековое отчуждение русского народа от политики и общественной деятельности, отсутствие стремления к власти, соблазны и грехи, жажда чуда, отсутствие дисциплины и другие, которые могут привести к расстройствам частной и общественной жизни, преступлениям, бунтам, терроризму.

С православием на русскую почву была перенесена идея соборности, под которой обычно подразумеваются коллективное житие, нетворчество и согласие, единодушное участие верующих в жизни мира и церкви.

Генезис формирования русского национального характера определялся расово-этническим, историко-географическим, геополитическими аспектами.

Игровые тексты, как правило, представляют один текстовый блок, который нами рассматривается как речевое произведение. Оно содержит предикативную конструкцию с глаголом повелительного наклонения, которая выражает доброе пожелание и является информационно-смысловым центром высказывания. Ср.:

- а) Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло...
- б) Не умри, Курилка,
Не умри, дымилка...
- в) Кума, кума, продай дитя...
- г) Чарли-Чаплин, выйди аплин...
- д) Колечко, колечко, выйди на крылечко...
- е) Бери косу, молоток,
Отправляйся в городок...
- ж) Полетайте, разузнайте,
Прилетите, расскажите...
- з) Гори, гори масло, гори, гори ясно...
- и) Стой подоле, гляди в поле...

Согласно игровым представлениям, между миром слов и миром вещей ребенок (любой играющий) находит некую связь. Для него слово предметно: оно передвигается вместе с игроком, оно видит и слышит.

В своей структуре игра предполагает несколько обязательных свойств, без которых она не может существовать. Игроки передают чувства, мысли, переживания, суждения не свои, а того, кого изображают, в «кого играют». Игроки как бы скрываются в «актерской плоскости». Русская ментальность отражается в играх. Одной из характерных черт обрядовых игр является пронизывающая их идея продолжения жизни, бессмертие человеческого рода, призыв к счастью, благополучию, долголетию, богатому урожаю, хорошему приплоду скота и т. д. Жизнь человека и человеческого коллектива всегда были неотделимы от жизни природы.

В.Ф. Кудрявцев считает, что игра есть осознанная потребность человека [8].

Обрядовые игры оптимистичны. Заложенный в них эстетический, нравственный, эмоциональный заряд противостоит, даже не допускает саму мысль о победе зла, возможности гибели человека.

Например, в игре «Коршун» «нас'этка далжна спас'ты ат коршуна самъва кра'н'ывъ цыплака. Коршун к'ыдаи'ыца нъ цыплака, штобы атарват' пасл'эдн'ыва. Штобы коршун н'ъ па'мал цыплака, нас'этка р'ыстапыр'ывы'ыг' крыл'и'а 'ы к'ыдаи'ыца то в адну стор'ну, то в дру'уи'у. Вм'эс'ты с н'э' дв'ы'ы'ыца ф'с'а л'ын'ы'и'а цыплакоф, з'ыкрываи'ыг' пасл'эдн'ыва так, штобы коршун н'ы схват'ыл i'аво» (Никифоровский р-н, с. Озерки, П.С. Фокин, 1931 г. р., запись 2002 г.).

Непрерывность жизни подчеркивается в календарной обрядности той ролью, которая принадлежит в ней старикам и особенно детям. Участие в народных праздниках представителей всех поколений символизирует вечное продолжение человеческого рода. Приведем пример.

Этъ 'ы'ура х'ыдаваи'а. i'эи'у рук'ывад'ыг' взрослы'а жэн'шш'ына. Дв'э жэн'шш'ыны станов'аца р'ад'м 'ы б'аруца за рук'ы, п'ыдымаи'ут' 'ых к'в'эр'х'у. Как бы вароты д'элы'ут'. Д'эт'ы тож' б'аруца за рук'ы 'ы рас'т'ау 'ываи'уца ф пр'амуи'у л'ын'ы'и'у. Фп'ыр'ыд'ы н'ых станов'ыца старш'ы'а д'эвушка. Б'ар'от' таво р'аб'онка, што р'ад'м стаи'ыг' за рук'ы, праход'ыг' пат п'эн'ы'и'м п'эс'н'ы вакрух эт'ъ пары. (Бондарский р-н, с. Максимовка, А.С. Кириллов, 1930 г. р., запись 1993 г.).

Гуманистическая идея утверждения жизни и ее непреходящей ценности является доминирующей. Это пафос подавляющего большинства русских обычаев и обрядов. В широком философском плане данная идея противостоит пропаганде насилия над личностью, человеконенавистнических взглядов, что тоже является характерной чертой русского характера [9–10].

В сельской местности глагольная лексема «играть» повсеместна и до сих пор активна в употреблении среди других «обрядовых лексем». Ср.: «играть крестины», «играть проводы», «играть песни», «играть похороны», «играть мотаню».

Слово «играть» в говорах чаще всего выступает в значении «веселиться», «шутить», «баловаться», «миловаться», «целоваться».

Например: М'ылады'и'а 'ы'ура'и'уца – цалу'и'уца.

Невозможно не признать талант русского человека. Обращает на себя внимание поэтическая образность, эмоциональная окрашенность, риторичность, что подчеркивает принадлежность игровых текстов к произведениям народно-поэтического творчества. Это, прежде всего, касается наличия рифмы в считалках, которые используются игроками.

Ср.:

Чар'ы Ч'апл'ын,

Вы'эд'ы апл'ын.

Туфл'а, бота, с'ыпа'у.

Ч'и'а п'эсл'эдн'ы'а на'уа,

Тот сн'ымаи'ыг' с'ыпа'у! (Бондарский р-н, с. Шилово, А.А. Ворфоломеева, 1930 г. р., запись 1994 г.).

Или:

у'ар'ы, у'ар'ы i'асн'ь,

Штобы н'ы па'уасл'ь.

Сто'ъ падол'ы,

у'л'ад'ы ф пол'ы –

i'эдут' там трубач'ы,

Да i'ад'ат' к'ылач'ы.

П'у'л'ад'ы на н'эб'ь –

Зв'озды у'ар'ат' –

Журавл'ы кр'ыч'ат' –

уу,уу,уу, уб'а'уу –

Рас, два н'ы варон'.

Б'а'у'ы, как а'уон'. (Бондарский р-н, с. Чернавка, В.Н. Попов, 1924 г. р., запись 1994 г.).

Этнический язык, его история неотделимы от этноса и его истории. Разные языки по-разному отражают свой менталитет. Русский менталитет трансформирует тот тип, который может быть назван открытым по мере движения к нашему времени. Русская игровая «самобытность», реализуясь в материальных языковых формах, категориях, всей структуре языка, сама оказывается силой, энергией, называющей определенную точку зрения, тип поведения в игре, дающей направление творчества всем играм, кто к ней причастен.

Русский национальный характер имеет свои специфические черты, отличные от черт, присущих иным народам. Внутренняя

сила, духовность и жертвенность народа, его доброта, душевная простота, сострадание и бескорыстие и вместе с тем инертность, нелогичность и нерациональность поступков, поведение, оправданное чаще всего лишь интуицией, делают русский народ непохожим ни на один народ в мире.

Список литературы

1. Подгаецкая И.М. Воспитание у учащихся интереса к изучению русского языка. М.: Просвещение, 2005. 263 с.
2. Игры народов СССР / сост. В.Н. Всеволодский-Гернгросс, В.С. Ковалева, Е.И. Степанова. Москва; Ленинград, 1931. 270 с.
3. Игры народов СССР / сост. Л.В. Былеева, В.М. Григорьев. М., 1985. 137 с.
4. Марц В.Г. Беседы по методике и теории игры. М., 1925. 176 с.
5. Овдей Л.М. Семантическая и структурная характеристика лексики русских народных спортивных игр (на материале имен существительных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1979. 18 с.

6. Горбунов Б.В., Ефимов А.Ф., Ефимова Е.А. Традиционные народные игры и забавы Рязанского края. Рязань, 1994. 142 с.
7. Аникин В.П. Народная игра как художественный феномен // Филологические науки. 1996. № 3. С. 14-25.
8. Кудрявцев В.Ф. Детские игры и песенки в Нижегородской губернии. Этнографические материалы, собранные В.Ф. Кудрявцевым. Н. Новгород, 1971. 70 с.
9. Толстой Н.И., Толстая С.М. К реконструкции древнеславянской духовной культуры (лингвоэтнографический аспект) // Славянское языкознание. 8 Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1978. С. 364-385.
10. Толстой Н.И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 41. № 5. С. 397-405.

Поступила в редакцию 15.10.2017 г.

Отрецензирована 17.11.2017 г.

Принята в печать 08.02.2018 г.

Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

Баудер Галина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии. Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская обл., Российская Федерация. E-mail: tatmila@yandex.ru

Полунина Людмила Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии. Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская обл., Российская Федерация. E-mail: tatmila@yandex.ru

Для корреспонденции: Полунина Л.И., e-mail: tatmila@yandex.ru

Для цитирования

Баудер Г.А., Полунина Л.И. Воплощение психолого-педагогической самобытности национального характера в русских обрядовых играх // Нефилология. 2018. Т. 4, № 13. С. 12-17.

EMBODIMENT OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL NATIONAL CHARACTER ORIGINALITY IN RUSSIAN RITUAL GAMES

Galina Anatolevna BAUDER, Lyudmila Igorevna POLUNINA

Michurinsk State Agrarian University

101 Internatsionalnaya St., Michurinsk 393760, Tambov Region, Russian Federation

E-mail: tatmila@yandex.ru

Abstract. In the conditions of ordinary school education the most pupils have their educational and cognitive motives at the low level. Theoretical course of the Russian language is rather diffi-

cult, not entertaining, not appealing to the schoolchildren, it could be seen from their educational progress in this discipline, and therefore the use of additional resources at the Russian language lessons is necessary, as they provoke educational interest among pupils. Any material, even the most difficult, could be memorized better if when explaining it at the lesson the teacher uses the entertainment principle, different game moments, that stimulate positive motivation for learning Russian among pupils.

Keywords: educational and cognitive motives; entertainment principle; game moments; spiritual culture

References

1. Podgaetskaya I.M. *Vospitanie u uchashchikhsya interesa k izucheniyu russkogo yazyka* [Education of Interest among Pupils to Learn the Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2005, 263 p. (In Russian).
2. Vsevolodskiy-Gerngross V.N., Kovaleva V.S., Stepanova E.I. (compilers). *Iгры народов СССР* [Games of the USSR Peoples]. Moscow, Leningrad, 1931, 270 p. (In Russian).
3. Byleeva L.V., Grigorev V.M. (compilers). *Iгры народов СССР* [Games of the USSR Peoples]. Moscow, 1985, 137 p. (In Russian).
4. Marts V.G. *Besedy po metodike i teorii igrы* [Conversations about Methods and Theory of Game]. Moscow, 1925, 176 p. (In Russian).
5. Ovdey L.M. *Semanticheskaya i strukturnaya kharakteristika leksiki russkikh narodnykh sportivnykh igr (na materiale imen sushchestvitel'nykh): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic and Structural Characteristics of Russian Folk Sports Games Lexicon (On the Material of Nouns). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Saratov, 1979, 18 p. (In Russian).
6. Gorbunov B.V., Efimov A.F., Efimova E.A. *Traditsionnye narodnye igrы i zabavy Ryazanskogo kraя* [Traditional Folk Games and Amusements of the Ryazan Region]. Ryazan, 1994, 142 p. (In Russian).
7. Anikin V.P. *Narodnaya igra kak khudozhestvennyy fenomen* [Folk game as artistic phenomenon]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1996, no. 3, pp. 14-25. (In Russian).
8. Kudryavtsev V.F. *Detskie igrы i pesenki v Nizhegorodskoy gubernii. Etnograficheskie materialy, sobrannye V.F. Kudryavtseym* [Childish Games and Songs in the Nizhny Novgorod Governorate. Ethnographic Materials Collected by V.F. Kudryavtsev]. Nizhny Novgorod, 1971, 70 p. (In Russian).
9. Tolstoy N.I., Tolstaya S.M. *K rekonstruktsii drevneslavianskoy dukhovnoy kul'tury (lingvoetnograficheskiy aspekt)* [To the reconstruction of the Old Slavic Spiritual Culture (linguistic and ethnographic aspect)]. *Doklady sovetskoy delegatsii na 8 Mezhdunarodnom s"ezde slavistov «Slavyanskoe yazykoznanie»* [The Soviet Delegation Reports on 8 International Slavists Congress "Slavic Linguistics"]. Moscow, 1978, pp. 364-385. (In Russian).
10. Tolstoy N.I. *Nekotorye problemy i perspektivy slavyanskoy i obshchey etnolingvistiki* [Some issues and prospects of Slavic and general etnolinguistics]. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Seriya Literatury i Yazyka*, 1982, vol. 41, no. 5, pp. 397-405. (In Russian).

Received 15 October 2017

Reviewed 17 November 2017

Accepted for press 8 February 2018

There is no conflict of interests.

Information about the authors

Bauder Galina Anatolevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Pedagogy and Psychology Department. Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: tatmila@yandex.ru

Polunina Lyudmila Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Pedagogy and Psychology Department. Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: tatmila@yandex.ru

For correspondence: Polunina L.I., e-mail: tatmila@yandex.ru

For citation

Bauder G.A., Polunina L.I. *Voploshchenie psikhologo-pedagogicheskoy samobytnosti natsional'nogo kharaktera v russkikh obryadovykh igrakh* [Embodiment of psychological and pedagogical national character originality in Russian ritual games]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 13, pp. 12-17. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 81-26

ОЦЕНОЧНЫЙ ПРОФИЛЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ «ВОСПРИЯТИЕ» КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕГО ПОТЕНЦИАЛА ЛЕКСИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ, ОБЪЕКТИВИРУЮЩИХ ОБЛАСТЬ «РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР» (на материале немецкого языка)

Елена Александровна ЯГОДНИЧЕНА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: e.a.samsonkina@gmail.com

Аннотация. Проведен анализ концептуальной области «восприятие» и вторичной репрезентации данной области посредством лексических категорий, входящих в область «растительный мир» на материале немецкого языка. Актуальность обусловлена возрастающим интересом лингвистов к изучению процессов интерпретации и концептуализации, что подтверждают многочисленные работы в данной области исследования. Целью является анализ лексических единиц, объективирующих область «растительный мир» в их интерпретирующей функции относительно концептуальной области «восприятие», а также выявление и анализ основных интерпретирующих форматов знания, стоящих за данными лексическими единицами. Основными методами являются метод концептуального анализа, метод компонентного анализа. Подробно описаны основные признаки интерпретирующих форматов знания лексических категорий области «растительный мир». В ходе исследования фактического материала были выявлены интерпретирующие признаки формата перцепции и наблюдения, ассоциативного формата, свойственные категориям данной области. Был проанализирован ряд лексических единиц, входящих в область «растительный мир», и сделаны основные выводы о способах интерпретации данными лексическими единицами концептуальной области «восприятие» в немецком языке.

Ключевые слова: интерпретация; интерпретирующий потенциал; интерпретируемая область; лексическая категория; формат знания

Понимание – важнейший процесс, свойственный человеку. Правильное восприятие человеком событий, действительности, речи и информации является необходимым фактором существования в социуме. В связи с этим изучению процессов понимания и восприятия отводится важное место в современном мире.

В языке процесс восприятия может выступать объектом интерпретации. Под **интерпретацией** в настоящем исследовании понимается «языковая познавательная активность преимущественно отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации» [1, с. 11]. Необходимо отметить, что Н.Н. Болдырев выделяет два типа интерпретации: первичную, которую он условно называет «объективной интерпретацией», и вторичную – «субъективную интерпретацию» [2, с. 22]. Переход от первичной интерпретации к вторичной происходит за счет использования элементов одной категории применимо к другим областям в рамках дру-

гих категорий. Исследование вторичной репрезентации несет в себе попытку определить, каким образом единицы, объективирующие одну концептуально-тематическую область, могут быть применимы к другим концептуально-тематическим областям. Нами рассмотрены случаи вторичной репрезентации области «восприятие» посредством единиц лексических категорий, объективирующих область «растительный мир», на материале немецкого языка.

Далее исходное для интерпретации знание, стоящее за лексическими категориями, будем рассматривать как **интерпретирующую область**, а структуры знания, которые получают интерпретацию в «рамочном осмыслении» категорий интерпретирующих когнитивных областей, будем рассматривать как **интерпретируемую область**. При этом под **интерпретирующим потенциалом** мы понимаем признаки онтологических объектов, спроецированные в концептуальное основание лексической категории, которые активизируются в ходе интерпретации и слу-

жат формированию интерпретирующих смыслов в речевой деятельности на основе установления соответствующих межконцептуальных связей [3, с. 109].

Важное место в исследовании занимает идея о том, что опытное знание представляет собой базу для формирования оценочных смысловых структур [4, с. 90]. В ходе интерпретации лексических категорий, объективирующих область «растительный мир», необходимо выявить основные оценочные представления относительно концептуальной области «восприятие».

Наряду с понятием «интерпретация» следует дать определение понятию **формат знания**. Под интерпретирующим форматом знания понимается «определенная форма или способ представления знаний на мыслительном или языковом уровнях» [5, с. 5]. В ходе исследования области «растительный мир» были обнаружены форматы перцепции и наблюдения и ассоциативный формат в качестве доминирующих форматов. Формат перцепции представляет собой интерпретацию признаков объекта, доступных чувственному восприятию человека. Формат наблюдения определяется как интерпретация знания об объектах, полученного в ходе наблюдения за ними во временном или ситуативном контексте. Формат ассоциативного знания определяется социумом и формируется как результат включения объекта в контексты жизнедеятельности индивида.

Анализ фактического материала показывает, что вторичное осмысление единиц лексических категорий области «растительный мир» в устойчивых выражениях немецкого языка характерно для интерпретации таких сегментов области «восприятие», как: «искажение восприятия», «трудности восприятия», «результаты познания», «результат деятельности». Далее проанализируем примеры, включающие в себя лексические единицы указанных категорий.

Обратимся к исследованию сегмента «искажение восприятия», получающему интерпретацию в рамках области «растительный мир». Сегмент «искажение восприятия» мы можем наблюдать в сочетании: *Er sieht den Wald vor Bäumen nicht*¹ (букв. «он не

видит лес перед деревьями»). Интерпретация данной предметной ситуации посредством активизации знания о соответствующих природных объектах, а именно за счет активизации признаков перцептивного формата, приводит к формированию следующей структуры знания интерпретирующего характера: в ходе искажения восприятия человек не видит что-то важное, что скрывается за менее важным, не видит целого за мелочами. При этом человек может как случайно не увидеть сути, так и намерено ввести самого себя в заблуждение. Зрительная перцепция в данном примере предполагает разграничение по размерам (лес – большой – важное; дерево – маленькое – незначительное). В следующем примере интерпретация сегмента «искажение восприятия» как структуры знания происходит за счет активизации опытного знания человека, вытекающего из его взаимодействия с объектами растительного мира: *jemanden hinter/um die Fichte führen*² (букв. «кого-то водить за/вокруг ели»). Данное выражение означает «кого-то обманывать/обхитрить/вводить в заблуждение». Интерпретирующее значение выражения формируется в результате реализации признака «траектория движения», представляющего формат наблюдения. Оценка вероятности восприятия по траектории движения находит языковую репрезентацию лексической единицей *um* («вокруг»). Таким образом, движение, не имеющее прямого направления, следует интерпретировать как обман.

Обратимся к сегменту «трудности восприятия» и рассмотрим его на следующем примере: *die Trauben hängen für ihn zu hoch*³ (букв. «виноград висит слишком высоко»). Расположение винограда на большой высоте определяет его недоступность для человека, таким образом, признак формата перцепции «место расположения» характеризует процесс понимания. Интерпретация сегмента «трудности восприятия» демонстрируется в

on. Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 1999.

² Deutsches Sprichwörter-Lexicon von Karl Friedrich Wilhelm Wander. URL: <http://woerterbuchnetz.de/Wander/> (accessed: 02.05.2017).

³ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <http://www.dwds.de/> (accessed: 02.05.2017).

¹ Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 10 Bd. / hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredakti-

выражении: etwas durch die **Blume** sage⁴ (букв. «сказать что-то посредством цветов»). Речь идет о завуалированном высказывании, содержащем скрытый смысл, затрудняющем восприятие. Интерпретирующее значение данного выражения базируется на активизации знания ассоциативного формата. Предположительно появление этой фразы восходит к языку цветов (символике, которой наделяют различные цветы, чтобы выразить настроение, чувство, какую-либо идею). Лексическая единица “unverblümt”, не имеющая дословного перевода, напротив, означает «не приукрашено», то есть выражаться доступно для восприятия, прямо, без скрытого смысла.

Сегмент «трудности восприятия» получает интерпретацию за счет активизации признака формата наблюдения: das ist, um auf die **Akazien** zu klettern⁵. Влезать на акацию – процесс бессмысленный и трудный. Таким образом, фраза означает сомнение в каком-то деле, трудности, возникающие при выполнении дела или в процессе восприятия. Примечательно, что аналогичное действие, описываемое выражением, включающим единицу ‘Baum’, имеет схожий смысл: Es ist zum **Auf-die-Bäume-klettern!**⁶ (букв. «это как лазание по деревьям», то есть невыносимо).

Обратимся к сегменту «результаты познания», неразрывно связанному с аспектом «восприятие». Von dem **Apfel** der Erkenntnis essen⁷ (букв. «есть с яблони познания») означает «быть знающим, осведомленным». В библии Древо познания, находящееся наряду с Древом жизни в Эдемском саду, символизирует познание, умение различать добро и зло. Согласно библейской истории, Адам и Ева попробовали запретный плод с Древа познания, за что были изгнаны из Эдемского сада, а вскоре умерли. Несмотря на исход библейской истории, исследуемое выражение получает положительную интерпрета-

цию в немецком языке благодаря знанию ассоциативного формата, лежащего в основе интерпретации.

Выражение Jetzt ist die Axt am **Baum**⁸ (букв. «теперь топор в дереве») в немецкоязычном дискурсе представляет собой вторичную репрезентацию сегмента «результат деятельности», конечный пункт познания. Исходным для интерпретации следует считать такой признак формата наблюдения, как профессиональная деятельность дровосека, который по окончании работы вставляет топор в дерево.

Таким образом, в ходе исследования были выявлены следующие сегменты: «искажение восприятия», «трудности восприятия», «трудности положения», «результаты познания», «результат деятельности». Анализ единиц лексических категорий области «растительный мир» позволяет заключить, что объекты лексических категорий данной области используются для интерпретации в немецкоязычном дискурсе аспекта «восприятие» посредством активизации признаков форматов перцепции, наблюдения и ассоциативного формата.

Список литературы

1. *Болдырев Н.Н.* Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 1 (93). С. 9-16.
2. *Болдырев Н.Н.* Язык как интерпретирующий фактор познания // Бабина Л.В., Безукладова И.Ю., Беляевская Е.Г., Беседина Н.А., Берзина Г.П., Болдырев Н.Н., Гольдберг В.Б., Дубровская О.Г., Магировская О.В., Маслово Ж.Н., Панасенко Л.А., Фурс Л.А., Чистякова Е.В., Шарандин А.Л. Интерпретация мира в языке: коллектив. моногр. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 19-81.
3. *Панасенко Л.А.* Интерпретирующий потенциал лексических категорий: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2014. 351 с.
4. *Панасенко Л.А.* Оценочный профиль области «человек» как реализация интерпретирующего потенциала лексических категорий (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 2. С. 90-95.

⁴ Duden Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: in 11 Bd. / hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. Mannheim: Bibliographisches Institut, 2002.

⁵ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache.

⁶ Duden Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten.

⁷ Die Bibel: Altes und Neues Testament. Einheitsübersetzung / hrsg. Bischöfe Deutschlands und Österreichs und der Bistümer Bozen-Brixen und Lüttich. Freiburg im Breisgau: Verlag Herder, 1999. 1472 S.

⁸ Duden Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten.

5. *Болдырев Н.Н.* Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.

Поступила в редакцию 10.11.2017 г.
Отрецензирована 15.12.2017 г.
Принята в печать 08.02.2018 г.

Информация об авторе

Ягодниченко Елена Александровна, аспирант, кафедра зарубежной филологии и прикладной лингвистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: e.a.samsonkina@gmail.com

Для цитирования

Ягодниченко Е.А. Оценочный профиль концептуальной области «восприятие» как реализация интерпретирующего потенциала лексических категорий, объективирующих область «растительный мир» (на материале немецкого языка) // Неофилология. 2018. Т. 4, № 13. С. 18-22.

ESTIMATION PROFILE OF CONCEPTUAL DOMAIN OF "PERCEPTION" AS A REALIZATION OF INTERPRETING POTENTIAL OF LEXICAL CATEGORIES, INCLUDED IN THE "FLORA" AREA (basing on the material of the German language)

Elena Aleksandrovna YAGODNITSENA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: e.a.samsonkina@gmail.com

Abstract. The analysis of the conceptual domain of "perception" and the secondary representation of this area is made by means of lexical categories, included in the "flora" area on the basis of the German language. The relevance is due to the never-ending interest of linguists in studying the process of interpretation and conceptualization, which is confirmed by the numerous works on these topics. The purpose is the analysis of the interpreting functions of lexical units that objectify the "flora" area in relation to the conceptual domain of "perception", as well as the identification and analysis of the main interpretative formats of knowledge of these lexical units. The main methods are the method of conceptual analysis, the method of component analysis. The main features of the interpretative formats of knowledge of the lexical categories of the "flora" area are described in detail. During the study of the actual material, interpretative features of the perception and observation format, associative format, peculiar to the categories of the given field were revealed. A number of lexical units included in the "flora" area were analyzed, and the main conclusions were drawn on the ways of their interpreting the conceptual domain of "perception" in the German language.

Keywords: interpretation; interpretive potential; interpretation area; lexical category; format of knowledge

References

1. Boldyrev N.N. Rol' interpretiruyushchey funktsii v formirovanii yazykovykh kategoriy [The role of an interpretative function in linguistic category formation]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Reviews. Series: Humanities*, 2011, no. 1 (93), pp. 9-16. (In Russian).
2. Boldyrev N.N. Yazyk kak interpretiruyushchiy faktor poznaniya [Language as an interpreting factor of knowledge]. In: Babina L.V., Bezukladova I.Y., Belyaevskaya E.G., Besedina N.A., Berzina G.P., Boldyrev N.N., Goldberg V.B., Dubrovskaya O.G., Magirovskaya O.V., Maslova Z.N., Panasenko L.A., Furs L.A., Chistyakova E.V., Sharandin A.L. *Interpretatsiya mira v yazyke* [World interpretation in language]. Tambov, Publ. House Tambov State University named after G.R. Derzhavina, 2017, pp. 19-81. (In Russian).
3. Boldyrev N.N. Yazykovye kategorii kak format znaniya [Linguistic categories as a format of knowledge]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2006, no. 2, pp. 5-22. (In Russian).
4. Panasenko L.A. *Interpretiruyushchiy potentsial leksicheskikh kategoriy: dis. ... d-ra filol. nauk* [Interpretation Potential of the Lexical Categories. Dr. philol. sci. diss.]. Tambov, 2014, 351 p. (In Russian).
5. Panasenko L.A. Otsenochnyy profil' oblasti «chelovek» kak realizatsiya interpretiruyushchego potentsiala leksicheskikh kategoriy (na materiale angliyskogo yazyka) [Evaluative profile of the field “human being” as realisation of interpretative potential of lexical categories (evidence from English)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2014, no. 2, pp. 90-95. (In Russian).

Received 10 November 2017

Reviewed 15 December 2017

Accepted for press 2 February 2018

Information about the author

Yagodnitsena Elena Aleksandrovna, Post-Graduate Student, Foreign Philology and Applied Linguistics Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: e.a.samsonkina@gmail.com

For citation

Yagodnitsena E.A. Otsenochnyy profil' kontseptual'noy oblasti «vospriyatie» kak realizatsiya interpretiruyushchego potentsiala leksicheskikh kategoriy, ob"ektiviruyushchikh oblast' «rastitel'nyy mir» (na materiale nemetskogo yazyka) [Estimation profile of conceptual domain of “perception” as a realization of interpreting potential of lexical categories, included in the “flora” area (basing on the material of the German language)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 4, no. 13, pp. 18-22. (In Russian).

УДК 881/886

ЕЩЕ РАЗ О ДВУХ «ТЕМНЫХ МЕСТАХ» «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Алексей Алексеевич БУРЫКИН

ФГБУН Институт лингвистических исследований РАН
199053, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., 9
E-mail: albury@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрены два фрагмента «Слова о полку Игореве», памятника древнерусской литературы конца XII века. Первый фрагмент имел несколько вариантов чтений, где авторы пытались понять и адекватно перевести непонятный глагол при слове Дивъ – названии демонического существа, которое встречается в древнерусских текстах. Исследователи думали, что в данном случае при переписке рукописи «Слова» в текст попала запись на полях рукописи, привлекающая внимание к незнакомому слову «зри», при этом отмечалось, что начертания букв Б и Р могли быть сходными. Нами отмечено, что во фрагменте произведения XV века «Задонщина», скопированном из «Слова о полку Игореве», мы встречаем параллельные варианты пробилъ и прорылъ, объясняемые как разные прочтения сходных начертаний букв, что представляет аргумент в пользу исправления написания збина зри. После этого, основываясь на показаниях лексики украинского языка, предложено читать непонятный фрагмент как *узрися* (появился) Дивъ. Во втором фрагменте в сочетании «синее вино съ трудомъ смешено» при обращении к фактам диалектов украинского языка показано, что вино в этом фрагменте «Слова о полку Игореве» является названием ягод винограда, а не напитка. Слова трудъ и туга в древнерусском языке имели значение «горе, печаль», но слово туга было сходно с названием риса или пшена, заимствованным из тюркских языков, и, вероятно, было заменено более понятным синонимом. В этом случае слова «синее вино съ трудомъ смешено» должны обозначать особое блюдо, приготавливаемое для славянских поминальных трапез, что согласуется с мотивами смерти в этом контексте произведения.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве»; «Задонщина»; «темные места»; критика текста; палеография; буквы; заимствования

Критика текста «Слова о полку Игореве» представляет собой такое направление в изучении этого памятника древнерусской литературы, которое, хотя и не является особо популярным, тем не менее оказывает существенное влияние на процесс и итоги исследования лексики и синтаксиса «Слова» и в особенности на переводы «Слова» на современный русский язык. Итоги исследования «Слова» как в плане обзоров имеющихся изданий памятника, содержащих конъектуры к тексту, так и в плане учета собственных чтений издателей обычно обобщаются в научных изданиях «Слова» [1], монографиях по «Слову», включающих издания текста [2–5], реже – в специальных работах исследователей [6].

Дадим определение «темных мест» в «Слове»: «ТЕМНЫЕ МЕСТА» В «СЛОВЕ». Т<емными> М. <местами>. принято называть чтения, неясные по смыслу или содержанию, явные нарушения грамматичес<ких>. норм древнерус<ского>. яз<ыка> (неверные флексии, отсутствие согласования и т. д.). Т. М.

могли возникать в процессе воспроизведения текста древнерус <скими>. переписчиками и в новое время – в результате неверного прочтения текста издателями или как следствие типограф<ских>. опечаток [7, с. 106]. Понимание «темных мест» у отдельных авторов расширяется, и к ним бывают относимы случаи изменения пунктуации или разбивки текста на предложения [2; 6], а также порядка слов или порядка частей текста.

Основная масса тех фрагментов «Слова», которые большинством исследователей относятся к «темным местам», давно определена и имеет установленные и принятые большинством научного сообщества варианты прочтения. И съ хотию на кровать – исходи юна кровь, а тыи; утръ же возни стрикусы – утръже вазни с три кусы и т. п. Тем не менее в тексте памятника остаются не вполне ясные места или фрагменты, для которых в литературе имеется или неожиданно обнаруживается новое чтение.

Обратимся к фактам «Слова».

1. «Свистъ зверинъ въстазби. Дивъ кличетъ...».

Первые издатели перевели «ревут звери стадами, кричит филин на вершине дерева»¹. Наши комментарии: «1985: В первом издании: «свистъ зверинъ въстазби». Надо полагать (вслед за Н.С. Тихонравовым, В.Н. Щепкиным, А.С. Орловым), что «зби» представляет собой внесенную в текст маргиналию «зри»: «перевернутое» р, сходное с б, характерно для скорописных почерков XVI–XVII веков – времени, которым обычно датируется Мусин-Пушкинская рукопись «Слова...» В данном случае маргиналия могла относиться к слову «Дивъ». 2017: А.А. Зализняк оставляет чтение въстазби [8, с. 462, примеч. 3], указывая на известные конъектурные варианты. <...> В издании А.Ю. Чернова предполагается, что так была обозначена ссылка на летописную или хронографическую статью [9, с. 100-101]» [5, с. 320]; «54–55. Дивъ кличетъ върху древа. ... 2017: В.Г. Складенко, прорабатывая дальнейшие возможности исправления написания зби, предлагает читать «свистъ звѣринъ въста: зби(т) дивъ кличетъ върху древа» («свистъ звѣриний піднявся: зігнаний (потривожений) Див кричить наверху древа» [2, № 5; 5, с. 320-321].

То, что в каком-то раннем списке «Слова» в данном случае при слове див могла быть поставлена маргиналия зри, было принято Н.А. Мещерским и нами в 1985 г. [6], и в новых изданиях наших комментариев к «Слову» [5; 10] не было подвергнуто сомнению. Более того, для такого чтения обнаруживались дополнительные аргументы: отмечено, что зри – самая частая из маргиналий в древнерусских рукописях [11, с. 100], другие исследователи указывали, что «Наряду с обычной буквой Р встречается Р в строке и Р с высокой мачтой и головкой в виде спирали» [12, с. 22], сходство букв Б и Р отмечалось и другими авторами [13, с. 46-47], причем указывалось на особую вариативность начертаний буквы Р [14, с. 20]. Для скорописи XVII века Л.В. Черепнин показывает идентичные знаки для Б и Р [15, с. 362, 365],

что заметно и по более ранним исследованиям, которыми должен был пользоваться Л.В. Черепнин [16, с. 14]. В одном из пособий приведено начертание Р почти идентичное греческой бете², хотя буква «бета» и имела иное чтение в среднегреческом.

Изучение начертаний букв Б и Р в полууставных и скорописных почерках показывает, что сходные и по существу одинаковые начертания этих букв характерны для скорописи начала XVII века. С известной долей вероятности, учитывая неопределенность даты переписки Мусин-Пушкинского сборника и полную неясность характера почерка других копий «Слова», на основе которых составлялась «Задонщина», можно предполагать, что внешнее сходство этих букв характерно для Мусин-Пушкинской рукописи «Слова», отдельные написания которой были неверно прочитаны издателями.

Неожиданно на сходство начертаний букв Б и Р заставляют обратить внимание данные «Задонщины», материалы которой пока еще не привлекаются для решения проблем текстологии и критики текста «Слова». Варианты написаний слов, различающиеся буквами Б и Р, причем присутствующие во фрагменте, заимствованном из «Слова», находятся в пяти списках «Задонщины», приведем их.

«Слово о полку Игореве»: *Ты пробилъ еси каменныя горы сквозъ землю половецкую*³.

«Задонщина», Кирилло-Белозерский список: *Восплачется жена Микулина М(а)рия, а ркучи таково слово: «Доне, П Доне, быстрыи Доне, прошелъ еси землю Половецкую, пробилъ еси берези хараужныя, прилелъи моего Микулу Васильевич(а)»*⁴.

«Задонщина», список Ундольского В.И.: *Федосья да Дмитриева жена Марья рано плакала у Москвы града на забралах стоя, а ркут тако: «Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменныя горы и течещи в землю Половецкую»*⁵.

² Азбука и скоропись XVII века для наглядного изучения. М., 1875. С. 4.

³ Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода Северского Игоря Святославича... С. 39.

⁴ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. Москва; Ленинград: Наука, 1966. С. 550.

⁵ Там же. С. 538.

¹ Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800. С. 9.

«Задонщина», список ГИМ И2: *Феодосья Микулина жена Васил(ь)евич(а) да М(а)рь я Дмитриева жен(а) Волынског(о) рано сплакашася у Москвы град(а) на заборолех: «Донѣ, Донѣ, быстрая рѣка, прорыла еси каменные горы, а теч(е)ши в землю Половецкую»*⁶.

«Задонщина», список ГИМ И1: *Микулина жена Васил(ь)евич(а) да Мар(ь) я Дмитриева рано плакашас(я) у Москвы у берега на забралах, а ркучи: «Доне, Доне, быстрая рѣка, прирылаеси горы каменные, течеша в землю Половецкую»*⁷.

«Задонщина», Синодальный список: *Микулина жена Мар(ь) я рано плакаше у Москве града на заборолех, а рекучы такъ: «Доне, Доне, быстрая река, прорыла ест(ь) каменя горы, течеша в землю Половецкую»*⁸.

Итак, в «Слове» читается *ты пробилъ еси*, в Кирилло-Белозерском списке Задонщины – *прошелъ еси* и *пробилъ еси* (возможно, текст выправлен по «Слову»), в списках И2 и У *прорыла еси*, в списке С – *прорыла ест(ь)* – с нарушением согласования глагола в лице, в списке И1 *прирыла еси* – с сохранением согласования глагола в лице, но с искажением причастия.

Здесь, как и в других случаях разночтений между списками «Задонщины», наглядно видно, как в списках Пространной редакции Русской правды аккумулируются искажения написаний фрагментов, заимствованных из «Слова». Разночтения форм *пробилъ* – *прорыла* в свете палеографических наблюдений могли отражать сомнения в чтении начертаний букв Б ~ Р. Думается, иными причинами изменение текста, читаемого в «Слове» при составлении «Задонщины», вызвано быть не могло.

А.А. Зимин, отметив интересующий нас фрагмент «Слова» в своем построении «Слова» как вторичного текста, пишет просто «Мотив близкий к Задонщине и Сказанию по списку ГБЛ, собр. Тихонравова, № 238» [17, с. 496]. Налицо в высшей степени странное отношение и к тексту «Слова», и к редакциям «Задонщины», показывающим разночтения, частично совпадающие со «Словом» –

проблемы, принципиальные для жизнеспособности, а не то что убедительности концепции А.А. Зимина о создании «Слова» на основе «Задонщины».

Мы не беремся обсуждать здесь то, какой именно глагол – *пробил* или *прорыл* – присутствовал в протографе «Слова». Нам здесь важнее, что для последней копии «Слова» чтение сомнительных двусмысленных знаков Б ~ Р как Б могло быть предпочтительным, поскольку то, что было принято за маргиналию ЗРИ (мы высказываем серьезные сомнения в этом чтении) – было прочитано как «зби» и в таком виде без выделения пробелами внесено в текст первыми издателями.

Впрочем, одно из решений проблемы выглядит так: Кирилло-Белозерский список «Задонщины», самый ранний список памятника по времени работы писца, явно многократно сверявшийся со «Словом» (поскольку сверки требовал любой фрагмент, который в тексте «Задонщины» не соответствовал линейному порядку следования воспроизводимых фрагментов в «Слове» [18, с. 39]), сверялся с таким списком «Слова», который мог быть более поздним, чем список «Слова», имевшийся у автора «Задонщины» Софония Рязанца. Однако могло быть и наоборот.

А.А. Потебня в своем издании текста «Слова» предлагал чтение *узбися Дивъ* ([19, с. 26-27], видя в этом фрагменте глагол *узбити ся*. Похожее чтение предложил В.Г. Складенко: *збит дивъ*)⁹.

Найдя аргументы в пользу того, что в данном «темном месте» «Слова» присутствовал знак для Р, а не для Б, и вспомнив про приведенное здесь чтение А.А. Потебни, мы предполагаем, что это место должно читаться как *узрися Дивъ*. Глагол *уздриватися*, *уздритися* ‘видеться, увидиться, казаться, показаться’ зафиксирован словарем Б. Гринченко [20, т. 4, с. 324] и словарем староукраинского языка: *оузрѣти се*, *оузрѣтися* ‘видатися, бачитися’ с вариантами *оузрети*, *оузрити*¹⁰. Чтение *узри сядивъ* (с вероятным выносным *ся*) «показался (появился, явился) Див» – полностью отвечает ситуации и особенно в

⁶ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 546.

⁷ Там же. С. 541.

⁸ Там же. С. 554.

⁹ «Свистъ звѣринъ въ стазби». URL: <http://litopys.org.ua/sklar/sk06.htm> (дата обращения: 15.09.2017).

¹⁰ Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.: у 2 т. Т. 2: Н–О. Київ: Наукова думка, 1978.

том ее аспекте, что Див появляется в повествовании впервые. На архаический характер лексем указывает вариантность возвратной частицы *ся* и *се*.

Таким образом, чтение данного места как «узрися Дивъ» – «появился (показался) Див», предлагавшееся А.А. Потебней, находит поддержку одновременно как в том, что мы знаем о палеографических особенностях рукописи «Слова», так и в лексике староукраинских памятников и словарном составе современного украинского языка.

2. «Чърпахуть ми синее вино съ трудомъ смешено».

Данное место вообще не выглядело «темным» и казалось понятным, поскольку все слова этого фрагмента имеют соответствия в современном русском языке. Только недавно у нас появились серьезные основания взять под сомнение знакомые прочтения этого фрагмента: «2017: Ни в одном из известных нам ныне комментариев к «Слову...» не учтено то, что слово *вино* в украинском языке имеет значение ‘виноград, ягоды винограда, виноградная лоза’ и ‘виноградное вино’ [5, с. 108-109]. Таким образом, с учетом данных украинских говоров, *синее вино* в «Слове...» – не обязательно алкогольный напиток, это могут быть и черные виноградные ягоды, возможно, использовавшиеся в обряде».

Перевод ‘со скорбью смешанное’, данный в издании 1985 г. и даже повторенный в монографии 2012 г. [10, с. 236], верен только если понимать слова «синее вино» как напиток. Известно, что прилагательное *трудный* в «Слове...» имеет семантику ‘скорбный, печальный’, но синонимом слова *печаль* в памятнике является слово *туга*, встречающееся 7 раз в одном и том же значении. Слово *трудъ* встречается всего один раз – причем после двух употреблений слова *туга* [5, с. 344]. Напрашивается предположение, что в авторском тексте «Слова...» читалось «...синее вино съ *тугою* смешено», где виноград или изюм («синее вино») смешивался с зернами какого-то злакового растения – видимо, в нем присутствовало слово, эквивалентное древнетюркскому *tögi* ‘пшено’, ср.: ногайское *дъги*, кумыкское *дюгю* ‘рис’, слово, оказавшееся паронимом или омонимом слова *туга*, в этом значении не понятое пе-

реписчиком Мусин-Пушкинской тетради и замененное синонимом. Тогда слова «синее вино съ *тугою* смешено» должны пониматься как ягоды винограда, смешанные с рисом или пшеном, и таким образом в тексте среди символов смерти говорится о славянской куте, блюде поминального ритуала.

Нам известен еще по крайней мере один пример, когда утрата одного из значений слова, встречающегося в тексте, меняет его смысл или придает ему двусмысленность. Хорошо известные куплеты столетней давности «Эх, яблочко, куда *котишься*. В Губче-ка *попадешь*, не *воротиться*», как будто бы не требующие пояснений, воспринимаются иначе, если знать, что *яблочко* – это жаргонное название ручной гранаты; еще один пример куплетов с той же игрой значений – «Эх, яблочко, с *горы* *скокнуло*, *Комиссар* *кричит* – *пузо* *лопнуло*». По некоторым данным, значение «граната» у слова *яблочко* сохраняется в современных жаргонах.

Итак, чтение слов *синее вино съ трудомъ смешено* с доминированием русской лексики как «вино с горем смешанное» явно уступает в органичности включения в текст и надежности соотнесения с современной лексикой чтению с доминированием украинской лексики «черный виноград (изюм), смешанный с рисом (или пшеном)».

Наши наблюдения даже после достаточно объемного исследования лексики «Слова» в сравнении со словарным составом украинских говоров [5, с. 105-128] показывают, что работа в этой области требует продолжения. Очевидно, что учет славянских диалектных параллелей к лексике «Слова» должен будет стать особым сюжетом нового словаря «Слова о полку Игореве» или сводного словаря всех памятников, входивших в состав Мусин-Пушкинской рукописи со «Словом о полку Игореве» на предмет внимательного изучения языка автора «Слова».

Примечания

1. У – список Ундольского В.И.
2. И1 – список из собрания Государственного исторического музея (ГИМ).
3. И2 – список из собрания Государственного исторического музея (ГИМ).
4. С – Синодальный список.

Список литературы

1. Слово о полку Игореве / вступ. ст. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева. Л., 1985.
2. Складенко В.Г. «Темні місця» в «Слові о полку Ігоревім». Київ: Довіра, 2003.
3. Шевченко Л.І., Ніка О.І. Часовий і етичний дискурс «Слово о полку Ігоревім»: Стаття-рецензія на монографію В.Г. Складенка «Темні місця в «Слові о полку Ігоревім». К.: Довіра, 2003. 147 с. // Актуальні проблеми української лінгвістики: теорія і практика. 2004. Вип. 10. С. 165-170.
4. Подлипчук Ю.В. Слово о полку Игореве: Научный перевод и комментарий. М.: Наука, 2004.
5. Бурыкин А.А. «Слово о полку Игореве»: текст, язык, автор. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017.
6. Мещерский Н.А., Бурыкин А.А. Проблема критического текста «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1986. С. 91-105.
7. Творогов О.В. «Темные места» в «Слове» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 5. Слово Даниила Заточника–Я. Дополнения. Карты. Указатели. 1995. С. 106-110.
8. Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М.: Наука, 2008.
9. Чернов А.Ю. Слово о полку Игореве. СПб.: Летний сад, 2010.
10. Олядыкова Л.Б., Бурыкин А.А. «Слово о полку Игореве»: современные проблемы филологического изучения. Исследования и статьи. Реконструкция древнерусского текста, перевод. Комментарии. Элиста: КалмГУ, 2012. 265 с.
11. Левочкин И.В. Основы русской палеографии. М.: Круг, 2003.
12. Тихомиров М.Н., Муравьев А.В. Русская палеография. М.: Высшая школа, 1982.
13. Городилова Л.М. Русская скоропись XVII века. Хабаровск: ХГПУ, 2000.
14. Санников А.П. Русская палеография. Иркутск: ИГУ, 2014.
15. Черепнин Л.В. Русская палеография. М.: Изд-во полит. лит., 1956.
16. Беляев И.С. Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV–XVIII столетий. М., 1907.
17. Зимин А.А. Слово о полку Игореве. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
18. Бурыкин А.А. Слово о полку Игореве» и Кирилло-Белозерский список «Задонщины»: сколько раз и какие редакции «Задонщины» сверялись с текстом «Слова»? // Нефилология. 2017. Т. 3. № 4 (12). С. 35-41.
19. Потебня А.А. Слово о полку Игореве. Воронеж, 1878.
20. Гринченко Б.Д. Словарь української мови. Т. 1–4. Київ, 1907–1909.

Поступила в редакцию 24.11.2017 г.

Отрецензирована 18.12.2017 г.

Принята в печать 01.02.2018 г.

Информация об авторе

Бурыкин Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий специалист словарного отдела. Институт лингвистических исследований, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: albury@rambler.ru

Для цитирования

Бурыкин А.А. Еще раз о двух «темных местах» «Слова о полку Игореве» // Нефилология. 2018. Т. 4, № 13. С. 23-29.

ONCE MORE ABOUT TWO UNCLARITIES IN “THE TALE OF IGOR’S CAMPAIGN”

Aleksey Alekseevich BURYKIN

Institute of Linguistic Researches of RAS

9 Tuchkov Ln., St. Petersburg 199053, Russian Federation

E-mail: albury@rambler.ru

Abstract. The subject of paper consists of discussion of two fragments of “The Tale of Igor’s Campaign”, a monument of the Ancient Russian literature of the late 12th century. The first fragment had some variants of readings where we tried to understand and translate adequately not clear verb near the word Div – the name of demonic beings which occurs in the Old Russian texts. Researchers thought that in this case at correspondence of the manuscript of “The Tale...” record has got to the text on the manuscript fields, drawing attention to an unfamiliar word «зри» (‘please, look (at)’), it was thus noticed that tracings of Cyrillic letters *Б* and *Р* could be similar at that time. We notice that in a fragment of story of the 15th century “Zadonshchina” copied from “The Tale of Igor’s Campaign”, we meet parallel variants *пробилъ* (‘broke through’) and *прорылъ* (‘dug through’), explained as different perusals of similar tracings of letters that represents argument in favour of writing correction *збу* on *зпу*. After that, being based on indications of lexicon of the Ukrainian language, we suggest to read this unclear fragment as “there appeared Div”. In the second fragment in a combination “dark blue wine mixed with greaf” we, addressing to the facts of dialects of the Ukrainian language, show that the word *вино* (wine) in this fragment of “The Tale of Igor’s Campaign”, is the name of grapes, instead of a drink. Words *мръдъ* mean in the Old Russian language ‘the grief, pity’ and its synonym *мъга* is similar to the name of rice or millet name borrowed from Turkic languages, and, possibly, has been replaced by more clear synonym. In this case words “dark blue berries mixed with rice (millet)” should designate the special dish prepared for Slavic funeral repasts that will be coordinated with motives of death in this context of product.

Keywords: “The Tale of Igor’s Campaign”; “Zadonshchina”; unclarities; criticism of the text; paleography; letters; loanwords

References

1. Likhachev D.S., Dmitrieva L.A. (introductory art.). *Slovo o polku Igoreve* [The Tale of Igor’s Campaign]. Leningrad, 1985. (In Russian).
2. Skljarenko V.G. «*Temni miscja*» v «*Slovi o polku Igorevim*». Kyïv, Dovira, 2003. (In Ukrainian).
3. Shevchenko L.I., Nika O.I. Chasovj i etychnyj dyskurs «*Slovo o polku Igorevim*»: Stattja-recenzija na monografiju V.G. Skljarenka «*Temni miscja v «Slovi o polku Igorevim*». K.: Dovira, 2003. 147 s. *Aktual'ni problemy ukrai'ns'koi' lingvistyky: teorija i praktyka*, 2004, no. 10, pp. 165-170. (In Ukrainian).
4. Podlipchuk Y.V. *Slovo o polku Igoreve: Nauchnyj perevod i kommentarij* [The Tale of Igor’s Campaign: Scientific Translation and Commentary]. Moscow, Nauka Publ., 2004. (In Russian).
5. Burykin A.A. «*Slovo o polku Igoreve*»: tekst, yazyk, avtor [“The Tale of Igor’s Campaign”: Text, Language, Author]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2017. (In Russian).
6. Meshcherskiy N.A., Burykin A.A. Problema kriticheskogo teksta «*Slova o polku Igoreve*» [The problem of critical text of “The Tale of Igor’s Campaign”]. *Issledovaniya «Slova o polku Igoreve»* [Studies on the “The Tale of Igor’s Campaign”]. Leningrad, Nauka Publ., Leningrad branch, 1986, pp. 91-105. (In Russian).
7. Tvorogov O.V. «*Temnye mesta*» v «*Slove*» [“Unclarities” in “The Tale”]. *Entsiklopediya «Slova o polku Igoreve»: v 5 t. T. 5. Slovo Daniila Zatochnika–Y. Dopolneniya. Karty. Ukazateli* [Encyclopedia of “The Tale of Igor’s Campaign”: in 5 vols. Vol. 5. Praying of Daniel the Immured–Y. Supplements. Maps. Guides]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1995, pp. 106-110. (In Russian).
8. Zaliznyak A.A. «*Slovo o polku Igoreve*»: vzglyad lingvista [“The Tale of Igor’s Campaign”: a Linguist’s View]. Moscow, Nauka Publ., 2008. (In Russian).
9. Chernov A.Y. *Slovo o polku Igoreve* [The Tale of Igor’s Campaign]. St. Petersburg, Letniy sad Publ., 2010. (In Russian).
10. Olyadykova L.B., Burykin A.A. «*Slovo o polku Igoreve*»: sovremennye problemy filologicheskogo izucheniya. *Issledovaniya i stat'i. Rekonstruktsiya drevnerusskogo teksta, perevod. Kommentarii* [“The Tale of Igor’s Campaign”: Modern Problems of Philological Studies. Studies and Articles. Reconstruction of the Old Russian Text, Translation. Commentary]. Elista, Kalmyk State University Publ., 2012, 265 p. (In Russian).

11. Levochkin I.V. *Osnovy russkoy paleografii* [Bases of Russian Paleography]. Moscow, Krug Publ., 2003. (In Russian).
12. Tikhomirov M.N., Muravev A.V. *Russkaya paleografiya* [Russian Paleography]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1982. (In Russian).
13. Gorodilova L.M. *Russkaya skoropis' XVII veka* [Russian Cursive Writing of the 17th Century]. Khabarovsk, Khabarovsk State Pedagogical Institute Publ., 2000. (In Russian).
14. Sannikov A.P. *Russkaya paleografiya* [Russian Paleography]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2014. (In Russian).
15. Cherepnin L.V. *Russkaya paleografiya* [Russian Paleography]. Moscow, Political Literature Publ., 1956. (In Russian).
16. Belyaev I.S. *Prakticheskiy kurs izucheniya drevney russkoy skoropisi dlya chteniya rukopisey XV–XVIII stoletiy* [Practical Course of Studying Russian Cursive Writing for Reading Manuscripts of the 15–18th Centuries]. Moscow, 1907. (In Russian).
17. Zimin A.A. *Slovo o polku Igoreve* [The Tale of Igor's Campaign]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2006. (In Russian).
18. Burykin A.A. «Slovo o polku Igoreve» i Kirillo-Belozerskiy spisok «Zadonshchiny»: skol'ko raz i kakie redaktsii «Zadonshchiny» sverialis' s tekstom «Slova»? [“The Tale of Igor's Campaign” and Kirillo-Belozersky list of “Zadonshchina”: how often and which editorial versions were compared with the text of “The Tale”?]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 4 (12), pp. 35–41. (In Russian).
19. Potebnya A.A. *Slovo o polku Igoreve* [The Tale of Igor's Campaign]. Voronezh, 1878. (In Russian).
20. Grynchenko B.D. *Slovar' ukraïn'skoï movy. T. 1–4*. Kyïv, 1907–1909. (In Ukrainian).

Received 24 November 2017

Reviewed 18 December 2017

Accepted for press 1 February 2018

Information about the author

Burykin Aleksey Alekseevich, Doctor of Philology, Doctor of History, Leading Specialist of Lexicographic Department. Institute of Linguistic Researches, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: albury@rambler.ru

For citation

Burykin A.A. Eshche raz o dvukh «temnykh mestakh» «Slova o polku Igoreve» [Once more about two unclarities in “The Tale of Igor's Campaign”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 13, pp. 23–29. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 82-1/-9

АКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ТЕКСТА В СОВРЕМЕННОМ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ РОМАНЕ

Наталья Леонидовна ПОТАНИНА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Аннотация. Поставлена актуальная проблема смены художественной парадигмы в новейшей литературе и обусловленных этим изменений в способах организации художественного текста. Цель состояла в выявлении особенностей актуальной поэтики в современном западноевропейском романе, в описании обновленных способов реализации авторской стратегии и тактики. На основе проведенного поэтологического анализа обоснована специфика палимпсеста как имманентного свойства неклассического текста в романах С. Фолкса и Б. Шлинка, ведущих современных прозаиков Великобритании и Германии. Показано, что палимпсест конструируется либо по принципу агглютинации, когда текст «склеивается» из относительно самостоятельных частей, каждая из которых «просвечивает» сквозь последующие (С. Фолкс), либо по принципу «нанизывания» «вставных конструкций» на основную сюжетную линию (Б. Шлинк). Описаны функции «вставных конструкций», воспроизводящих жанровые черты античного мифа об Одиссее, «рассказанной истории», мемуаров, викторианского романа, журнальной рецензии, публицистической статьи, газетного очерка и др., которые вступают во взаимодействие с основной жанровой парадигмой романа, что определяет сложную, многоголосую и многосмысленную структуру текста. Обоснована взаимосвязь поэтики проанализированных романов с принципами неклассической художественности, базирующейся на акцентировании коммуникативной природы искусства.

Ключевые слова: художественная парадигма; роман; неклассическая художественность; «вставная конструкция»; палимпсест

Специфика современной литературы состоит в том, что она с необходимостью отражает напряженный поиск новых способов художественного осмысления человека и мира, представления о которых существенно изменились в последние десятилетия. При этом литературный процесс с очевидностью демонстрирует черты неклассической художественности как «последовательного осознания и творческого усвоения коммуникативной природы искусства» [1, с. 139], в качестве создателей которого рассматриваются, наряду с автором, и реципиенты. Кроме того, для литературы сегодня характерна значительно более выраженная, чем ранее, склонность к самоабстрагированию и саморефлексии, проистекающая из ее «контактов с современной наукой» [2, с. 15]. Вследствие этого «нового уровня научности» в недрах самой литературы нарабатывается тот инновационный опыт, который нуждается в осмыслении и согласовании с уже сложившимися литературоведческими представлениями. Это и позволяет исследователям обосно-

ванно заявлять о совершающейся на наших глазах «смене художественной парадигмы» [2, с. 3].

Сегодня все отчетливее становятся те поэтологические особенности текста, которые дают основания для такого заключения. Среди них называют палимпсест. Наряду с другими авторскими формами интертекстуальности он может быть рассмотрен в двух аспектах: 1) во взаимоотношениях между различными текстами; 2) как имманентное свойство неклассического текста, пример и проявление текстовой поэтики. В исследовании нас будет преимущественно интересоваться второй из указанных аспектов.

Цель состоит в описании признаков палимпсестной организации романов, написанных двумя ведущими современными авторами, которые представляют английскую и немецкую литературы и тем самым выявляют в них тенденции неклассической художественности. Речь пойдет о романах Б. Шлинка («Возвращение», 2006) и С. Фолкса («И пели птицы...», 1993; «Неделя в декабре», 2009).

В рассматриваемых нами романах палимпсест выступает и как метафора памяти (исторической и экзистенциальной), и как принцип введения в нарратив «чужого» текста. В этом последнем качестве палимпсест остается наименее изученным и сегодня, хотя в формирующейся на наших глазах современной теории интертекстуальности это понятие уже приобретает терминологический характер. «Привилегированный образ интертекстуальности» [3, с. 167], «метафора интертекстуальности» [4, с. 243], «память текста» и «порождающее устройство модели жизни» [2, с. 206] – таковы лишь немногие значительные интерпретации палимпсеста текста. Палимпсест, наряду с другими аспектами актуальной поэтики, детально рассмотрен в недавно появившейся монографии новгородских ученых С.Г. Исаева и Н.Г. Владимировой «Актуальная поэтика: Смена художественной парадигмы» (2017).

Как известно, возникновение палимпсеста было исторически связано с поисками возможностей сохранения памяти о прошлом – далеком и недавнем. Письменность способствовала такому сохранению. Однако недостаточность и дороговизна материалов для записывания (папируса, пергамента и др.) диктовала необходимость его многократного использования, для чего нужно было соскабливать или смывать предшествующий текст. Поверх него – впрочем, до конца не уничтоженного – создавалась новая запись. При этом предшествующая запись просвечивала через вновь нанесенную. Так и возник палимпсест (буквально – «вновь соскобленный»).

В интересующем нас ракурсе актуальной поэтики продуктивно обращение к генезису представлений о палимпсесте как о зафиксированной в памяти/сознании пространственно-временной модели мира, бытовавшей в европейской мысли со времен античности. Многослойная история происхождения и развития жизни на Земле запечатлена во многих палимпсестных построениях прошлого. Один из ярких примеров этого рода – Театр памяти Дж. Камилло (XVI век). В XVIII веке неаполитанским ученым Дж. Вико обосновано представление о памяти как о многослойном хранилище тропов, метафор и метонимий, возникавших в процессе абстрагирования по мере развития сознания чело-

века. Как справедливо заметил П.Х. Хаттон в своем комментарии по этому поводу, память языка может быть уподоблена палимпсесту, включающему в себя «тропологические пласты», возникавшие в разное время. При этом древнейшие из них могут быть восстановлены только после того, как произойдет дешифровка всех позднейших метафорических напластований [5, с. 155-165]. На основе этой идеи, многократно интерпретированной в разных сферах гуманитарного знания, включая и филологию (М.М. Бахтин, М. Тэлбот, Ж. Женетт, Н. Пьеге-Гро, Ю.М. Лотман, И.П. Смирнов, Г. Косиков, Р. Барт, С.Г. Исаев, Н.Г. Владимирова и др.), сформулировано понятие о палимпсесте как о «порождающем устройстве модели жизни», складывающейся из «многообразных вариаций памяти и рассказываемых историй, вызванных ими авторских, персонажных размышлений и отражений в сознании» [2, с. 206-207].

Именно это происходит в романе Б. Шлинга (р. 1944) «Возвращение». Палимпсестное устройство текста базируется здесь на сочетании основного повествования (которое здесь может быть названо так лишь с большой долей условности) и «рассказанных историй», или «вставных конструкций» (термин предложен и обоснован С.Г. Исаевым, Н.Г. Владимировой [2, с. 192-207]). По справедливому мнению исследователей, использование «вставных конструкций» стало сегодня «своего рода опознавательным знаком» неклассической поэтики конца XX – начала XXI века [2, с. 248]. При этом роль «вставных конструкций» современного романа существенно отличается от роли давно известного «текста в тексте», который традиционно являлся лишь вспомогательным элементом сюжета. Сегодня же возникла ситуация, когда значимость «основного» повествования романа редуцируется до «рамочной», а «вставная конструкция» выходит на первый план, становясь сюжетообразующей.

Жанровые черты античного мифа об Одиссее, «рассказанной истории», мемуаров, семейного романа, мелодрамы, публицистической статьи, газетного очерка и др., накладываясь друг на друга, вступают во взаимодействие с основной жанровой парадигмой романа, что определяет сложную, многоголосую и многосмысленную структуру этого

текста. Так, на воспоминания центрального героя о своем детстве в Швейцарии наслаиваются «мемуары» его деда», «беседы» с ним и рассказанные им истории из полулегендарного прошлого Швейцарии. Аксиология национальной памяти в этих «вставных конструкциях» вступает в диалог с ее сегодняшним восприятием. На этой основе возникают коллизии общего и индивидуального, эпического и лирического, возвышенного и обыденного («рассказанные истории» о «битве при Моргартене», «битве при Земпахе», «битве при Санкт-Якобе-на-Бирсе»). Уже в первой части романа объектом напряженной рефлексии становятся и вопросы права: в частности, — о «несправедливости» и ее «справедливых последствиях» («рассказанные истории» о судебных ошибках: «Процесс графа Шметтау против мельника Арнольда», «Суд над Орлеанской девой» и др.). А это, в свою очередь, приглашает читателя к размышлению о коллизиях между памятью исторической и памятью экзистенциальной. С этой целью в роман вводятся тексты, либо стилизованные под публикации в нацистской прессе времен Второй мировой войны, либо представляющие собой изложение «монографии» «Одиссея права», а также «лекций», «бесед» и «дискуссий» со студентами Колумбийского университета. Все они, согласно сюжету романа, восходят к одному и тому же персонажу — нацистскому преступнику, носящему разные имена (Дебауер — Фолькер фонланден — Джон де Баур) и выступающему то в роли давно разыскиваемого отца героя, то в роли автора развлекательной серии романов (создавшего между тем тот самый загадочный романный сюжет, ради которого герой и предпринимает изначально свое личное «возвращение» к истокам, перерастающее в итоге в осмысление макро-истории XX века), то в роли харизматичного университетского профессора, разглагольствующего о «естественном праве» и «достоинствах» зла. Центральной среди «вставных конструкций» на темы фашизма является «статья» Фолькера фонландена «Железное правило», содержащая «обоснование» ксенофобии и нацистской жестокости с позиций так называемого «естественного права»: «Причиняй другим то, что по силам вынести тебе самому <...>. Той опасности, которой ты готов подверг-

нуть себя, ты имеешь право подвергнуть и других, тем, чем жертвуешь ты, должны жертвовать и другие <...>. Евреи на нас не нападают? Они хотят вести свой грязный гешефт, ловчить и обманывать? Славяне хотят обрабатывать свои убогие надель, печь хлеб и гнать самогон? Это не защитит их. Германия вступила с ними в битву не на жизнь, а на смерть...» [6]. «Вставные конструкции» «Битва» и «Не разрушить», представленные как статьи Фолькера фонландена в нацистской прессе Второй мировой войны, демонстрируют преступную изощренность псевдоинтеллектуального «оправдания» антисемитизма и жестокости по отношению к другим народам, подвергшимся военной агрессии фашистской Германии.

Далее действие романа возвращается в наши дни. Изображение успешной карьеры Джона де Баура как ученого и университетского профессора, блистательного лектора и талантливого полемиста демонстрирует опасность трансляции «интеллектуального фашизма» в молодежной аудитории. В связи с этим закономерно возникает вопрос об угрозе «возвращения» нацизма. Однако этот вопрос, кажется, остается в романе без ответа. Ведь «сын» (Иоганн Дебауер) не хочет (или не может? или не считает нужным?) отвечать за «отца» (Джона де Баура). Он включает телевизор, транслирующий интервью с де Бауром, и избегает думать о нем иначе, как только о предмете собственных сыновних мечтаний. Без ответа остается и вопрос его матери о том, какую из фамилий он собирается в будущем оставить в качестве своей. История о «возвращении» оканчивается «молчанием» молодого героя. Между тем как старший «вернулся» и продолжает говорить, не меняя при этом свою позицию. Тем самым создаются основания для постановки вопросов, осознаваемых современным человеком как особенно острые. К ним относятся вопросы о сохранении памяти прошлого и опасности ее искажения — хроноциде. Мотив «возвращения», организованный как палимпсест и положенный в основу этого романа, связан с попытками постичь истоки нацизма и осмыслить опасности его «возвращения», особенно те, что концентрируются сегодня в сфере интеллектуальной. Согласимся с мнением, что здесь «писатель вы-

ходит к глобальной проблеме послевоенного немецкого общественного сознания – противостоянию «поколения отцов», развязавших Вторую мировую войну, и первого послевоенного «поколения детей», судят или пытаются их понять» [7, с. 271].

Как видим, идея «возвращения» носит в романе концептуальный характер, что выражается и еще в одном важном обстоятельстве. Автор романа обращается к мифу об Одиссее (уже не раз в истории искусства интерпретированному как метафора человеческого существования; «Улисс» Дж. Джойса – самый значительный из примеров этого рода), что выступает здесь в качестве значимой приметы актуальной поэтики. Герой романа Иоганн Дебауер на определенном этапе своей биографии пытается строить жизнь, соотносясь с мифологическим сюжетом. Он буквально соотносит каждый свой шаг и каждое очередное решение с перипетиями судьбы Одиссея. Отец героя, идеолог «интеллектуального фашизма» Джон де Баур называет свою монографию об истории юридических концепций «Одиссеей права», утверждая тем самым историческую укорененность, неизменность и «вечное возвращение» идеологемы, оправдывающей насилие над человеком. Тем самым создается ситуация, в которой реальность человеческой жизни определяется мифом, конструируется по его подобию, и «культурный текст», в силу этого, обретает жизнестроительные функции.

Разнообразные по тематике и сюжетно относительно самостоятельные, «вставные конструкции» «нанизываются», как на стержень, на сюжетную линию «поисков отца» и тем самым образуют многослойную текстовую организацию романа «Возвращение».

В романах современного английского писателя С. Фолкса (р. 1953) «И пели птицы...» и «Неделя в декабре» признаки палимпсестной организации присутствуют эксплицитно и имплицитно. «Вставные конструкции» в этих романах менее влиятельны, чем у Б. Шлинка. К тому же они, как правило, не могут быть с полным основанием охарактеризованы как таковые – поскольку сменны субъекта наррации в них не происходит. Тем не менее, они несут в себе черты данного внутритекстового образования, так как обладают определенной самостоятельностью

и при этом «работают» на метатекстовую проблематику – что значимо для нон-классики.

Здесь палимпсестный образ конструируется по принципу агглютинации: повествование «склеивается» из относительно самостоятельных частей, каждая из которых воспроизводит либо определенный период жизни персонажей на фоне мирной и воюющей Европы (как в романе «И пели птицы...»), либо один из семи дней пред рождественской недели в жизни людей начала XXI века (как в романе «Неделя в декабре»). Тема мировой катастрофы и сама Первая мировая война – эксплицитно представленная «скрепа», объединяющая между собой все семь частей романа «И пели птицы...», действие которых попеременно перемещается из Франции 1910 и 1916 гг., в Англию 1978 г., а потом опять во Францию 1917 г. и снова в Англию 1978–1979 гг. Такой «скрепой» в романе «Неделя в декабре» становится рождественская тема. Тема мировой войны и тема Рождества «проецируются» сквозь все остальные темы этих романов, возникающие в каждой из их частей. Все слои романного текста корреспондируют друг другу – не в малой степени, потому, что персонажи здесь являются «переходящими» и могут спорадически «возникать» в разных частях повествования, тем самым «высвечивая» в памяти читателя проблемы и обстоятельства, связанные с ними в предшествующих фрагментах. Кроме того, в романе «И пели птицы...» в качестве такой «скрепы», связывающей разные слои палимпсестной конструкции, выступает мотив «дневника героя». Он возникает уже в первой части романа, повествующей о предвоенной эпохе, когда становится известно, что герой романа молодой англичанин Стивен Рейсфорд ведет этот дневник уже многие годы («Дневник Стивен вел уже пять лет <...>» [8]). Он остается верен этой привычке и во время Первой мировой войны, куда уходит добровольцем, и после ее окончания. Через много лет, уже в 1978 г., его внучка обнаруживает этот дневник среди старых бумаг на чердаке родного дома. Читатель не имеет возможности ознакомиться с его текстом как таковым. По замыслу писателя, дневник будет прочтен внучкой героя Элизабет только после расшифровки. Но при этом «военные»

слои сюжетного палимпсеста воссоздают события из перспективы Стивена Рейсфорда и тех, кто воюет рядом с ним в 1916–1917 гг. В тексте романа «И пели птицы...» имеются и собственно «вставные конструкции», несущие концептуальную нагрузку и имеющие сюжетообразующее значение. Это переписка Джека Файбрейса и его жены Маргарет и пять писем фронтовиков, написанных родным и близким перед решающим боем. Центральное место среди них занимает история, отраженная в письмах Джека и Маргарет, финалом которой является сообщение жены о смерти их маленького сына Джона. Именно после этого знавший о содержании письма Стивен начинает осознавать мужчин, воюющих рядом с ним, как отцов, гибель которых оставит сиротами множество маленьких детей. Уже этим устанавливается связь между военным настоящим и мирным будущим, которое все-таки когда-нибудь наступит. Джеку не суждено дожить до конца войны, потому Стивен дает ему обещание «родить новых детей» за него [8]. Так образуется еще одна нить, связывающая «военный» и «мирный» слои сюжетного палимпсеста. Прочитав об этом в расшифрованном дневнике своего деда Стивена Рейсфорда, Элизабет назовет своего сына, родившегося в 1978 г., Джоном – в память о сыне фронтового товарища деда. Тем самым реализуется важная идея «обращения к прошлому с любовью», которую С. Фолкс, как он сам признается в комментарии к роману, считал для себя одной из важнейших [8].

В другом романе С. Фолкса «Неделя в декабре», написанном шестнадцатью годами позже, палимпсестная организация изображаемого мира представлена уже в экспозиции, что соответствующим образом направляет читательские ожидания. Последовательно вводя в повествование своих персонажей, автор располагает их в едином времени, но в разных стратах изображаемого пространства: 1) в лондонской квартире; 2) в лондонской подземке, прямо под только что описанным местом; 3) в другом жилом районе все того же городского пространства:

«Габриэль Нортвуд, барристер, тридцати с чем-то лет, читал в своей челсийской квартире Коран и дрожал от холода. <...> (здесь и далее курсив мой. – Н. П.).

Несколькими ярдами ниже квартиры Габриэля, погруженного в чтение Корана, проносится поезд метро; его машинист – молодая женщина по имени Дженни Форчун – выключает в кабине свет, поскольку ее отражение в переднем стекле мешает ей сосредоточиться <...>.

Как раз в этот самый миг в богатом «внутреннем» пригороде Норд-парк, который «размещается», как выразился агент по недвижимости, «между природными достоинствами Хата и Грина», Софи Топпинг наливала чай себе и Лансу – ее мужу, работавшему у себя в кабинете <...>.

В эти мгновения владелец хедж-фонда Джон Вилс вглядывался в один из четырех плоских мониторов, висевших над его рабочим столом» [9].

Тем самым формируется не только первоначальное представление о персонажах романа, но и многослойный образ городского мира, в котором все страты существуют в явном или латентном взаимодействии. Палимпсестный принцип организации текста «пронизывает» их все, как рентгеном, позволяя тем самым одновременно «считывать» содержание этого противоречивого единства.

Справедливо мнение, что возрождение памяти речевых жанров становится сегодня ведущей тенденцией в развитии современного зарубежного романа. В анализируемом тексте обращение к памяти жанра викторианского романа (и шире – викторианской литературы) определяет функционирование одного из значимых слоев палимпсестной структуры. Благодаря приему аллюзии это происходит уже в названии романа: «Неделя в декабре». Вместе с названиями глав («День первый. Воскресенье, 16 декабря. День второй. Понедельник, 17 декабря...») – и так до сочельника, 23 декабря) оно отсылает к теме Рождества, в читательском сознании прочно связанной с «великим викторианцем» Ч. Диккенсом.

Кто-то из первых критиков уже назвал «Неделю в декабре» «диккенсовским романом». И для этого есть некоторые основания, главное из которых, на наш взгляд, состоит как раз в обращении к памяти жанра. В числе примет «диккенсовского романа» здесь, у С. Фолкса, можно назвать многое: стремление к всеохватности в постановке актуаль-

ных проблем, критицизм, социально-временной детерминизм и вместе с тем – акцентуация личностного начала путем детализированной разработки отдельных характеров, как бы «выхваченных» из общего социального ландшафта, наконец, поэтика «благополучного финала», – как и у Ч. Диккенса, не вполне убедительного.

Мотив викторианства поддерживается неоднократными указаниями на читательские пристрастия ряда персонажей: Дженни Форчун, Габриэля Нортвуда, Ральфа Трантера. Эти пристрастия кажутся анахронизмом на фоне общей погруженности их современников в виртуальные миры, созданные цифровыми технологиями, а упоминания о любви персонажей к чтению уже сами по себе отсылают в ту давно ушедшую эпоху, когда книга значила столь многое.

Восстановление памяти жанра происходит, в частности, в связи с персонажем, названным Ральфом Трантером – литературным критиком и рецензентом. В популярной лондонской прессе этот тайный враг всех новых авторов публикуется под инициалом «Р». Делом его жизни является исследование творчества некоего викторианского писателя по имени А.Р. Эджертон, о котором он написал книгу. А рецензии, публичные выступления и беседы «Р» с другими персонажами вызывают из небытия такие знаковые фигуры викторианской эпохи, как Ч. Диккенс, У. Теккерей, Р. Браунинг, Р. Киплинг, Э. Тrollop и др. Суждения о них лапидарны и нередко грешат банальностью, что вовсе не соответствует действительному представлению о них Трантера – человека весьма образованного и остроумного, не лишенного к тому же литературного вкуса. Возникающий на этой почве конфликт показного и истинного, с одной стороны, является поэтологической характеристикой самого данного персонажа, а с другой – будит у читателя ассоциации с известными своим лицемерием персонажами викторианских романов и вообще – с темой лицемерия, так характерной для них.

Важно заметить, что рассуждения по поводу читательских пристрастий, писательских опытов и профессиональных амбиций персонажей, связанных с литературным трудом, составляют особый слой текстового па-

лимпсеста этого романа С. Фолкса. Они представляют собой либо краткие характеристики романов, авторами которых являются Трантер или Седли, с сопутствующими авторскими суждениями о качествах, необходимых писателю, и иронической трансляцией расхожих оценок художественности, либо не менее ироническое изложение биографии персонажа. Особенно развернуто представлена история жизни Ральфа Трантера – что вполне способно породить читательские ассоциации с традиционными «историями молодого человека», служившими, как известно, структурными основаниями для многих викторианских (и вообще классических) романов, от Ч. Диккенса и Э. Тrolloпа до Э. Уилсона и С. Барстоу (чьи имена неоднократно здесь упоминаются). Тем самым, не вполне удовлетворяя критериям «вставной конструкции», только что охарактеризованные эпизоды несут в себе существенные черты данного внутритекстового образования: относительную сюжетную самостоятельность и обращенность к метатекстовой проблематике, к «саморефлексии» литературы.

Таким образом, все три романа, рассмотренных здесь, обнаруживают палимпсестную организацию текста. При этом в романах С. Фолкса «вставные конструкции» как характерная примета современной прозы используются гораздо реже, чем в романе «Возвращение», где они играют первостепенную роль в образовании палимпсеста. Здесь уместно добавить, что С. Фолкс вообще нередко обнаруживает склонность к комментированию собственного художественного замысла, а также авторской стратегии и тактике его реализации. Так, в предисловии к русскому изданию романа «И пели птицы...» писатель подробно рассказывает об истории возникновения замысла романа, его центральной идее – «настоящее неразрывно связано с прошлым, равно как и общественное с личным» [8] – о складывании сюжетной схемы, о сюжетных функциях отдельных персонажей, «фактуре прозы», различавшейся в зависимости от предмета изображения, и о своих «литературных предшественниках», среди которых названы Г. Флобер, А.Б. Стендаль и Э. Золя [7; 8]. Это еще раз свидетельствует о том, что создатели современного романа испытывают потребность в самореф-

лекции, стремятся не только выражать себя в художественных образах, но и рассуждать о стратегии и тактике их создания.

В заключение следует отметить, что многочисленные и многослойные ассоциации, составляющие основу палимпсестной организации рассмотренных романов, могут быть осознаны далеко не каждым читателем. Для этого нужен определенный гуманитарный кругозор. Доверие к интеллектуальным возможностям и историко-культурному опыту реципиента, его способности стать полноправным участником освоения – а значит, в известной мере, и соиздания – художественного дискурса, в совокупности с повышенным вниманием современных авторов к метапроблематике и пристрастием к метапрозе, как нельзя более убедительно свидетельствуют об установке современного романа на реализацию коммуникативной природы искусства, что и является базовым признаком неклассической художественности.

Список литературы

1. Тюпа В.И. Неклассическая художественность // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. М.: Intrada, 2008. 358 с.
2. Исаев С.Г., Владимирова Н.Г. Актуальная поэтика: Смена художественной парадигмы. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2017.
3. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
4. Новикова В.Г. Британский социальный роман в эпоху постмодернизма. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2013. 369 с.
5. Hutton P.H. The new science of Giambattista Vico: historicism in its relations to poetics // Journal of Aesthetic and Criticism. 1972. № 30. P. 155-165.
6. Шлинка Б. Возвращение / пер. с нем. А. Белобратова. СПб.: Азбука-классика, 2010. 320 с.
7. Шарыпина Т.А. Немецкая «Одиссея» Бернхарта Шлинки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1 (2). С. 267-271.
8. Фолкс С. «И пели птицы...» / пер. с англ. С. Ильина. М.: Синдбад, 2014. 600 с.
9. Фолкс С. Неделя в декабре. URL: <http://lit-resp.ru/chitat/ru/%D0%A4/folks-sebastjyan/nedelya-v-dekabre/> (дата обращения: 20.09.2017).

Поступила в редакцию 23.11.2017 г.

Отрецензирована 29.12.2017 г.

Принята в печать 08.02.2018 г.

Информация об авторе

Потанина Наталия Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Для цитирования

Потанина Н.Л. Актуальные способы конструирования текста в современном западноевропейском романе // Неофилология. 2018. Т. 4, № 13. С. 30-38.

CURRENT METHODS OF THE TEXT CONSTRUCTING IN THE MODERN WEST EUROPEAN NOVEL

Nataliya Leonidovna POTANINA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Abstract. The current problem of changing the artistic paradigm in the modern literature and the resulting changes in the ways of organizing literary text. The aim is to identify the features of the current poetics in the modern Western European novel, in the description of the updated methods of implementation of the author's strategy and tactics. The specificity of palimpsest as an immanent property of non-classical text in the novels of S. Folks and B. Schlink, leading contemporary prosaic writers of great Britain and Germany, is proved on the basis of the conducted poetological analysis. It is shown that palimpsest is constructed either on the principle of agglutination, when the text is “glued” of relatively independent parts, each of which “shines” through the next (S. Folks), or on the principle of “stringing” of “plug-in constructions” on the main storyline (B. Schlink). The functions of “plug-in constructions” that reproduces the features of the ancient genre of the Odysseus myth, “stories”, memoirs, Victorian novel, magazine reviews, publicist articles, newspaper essays, etc., which interact with the main genre of the novel paradigm that identifies complex, multi-voiced and multivalued structure of the text are described. The interrelation of the poetics of the analyzed novels with the principles of non-classical artistry based on the accentuation of the communicative nature of art is substantiated.

Keywords: Artistic paradigm; novel; non-classical artistry; “plug-in construction”; palimpsest

References

1. Tyupa V.I. Neklassicheskaya khudozhestvennost' [Non-classical artistry]. *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: Dictionary of Actual Terms and Concepts]. Moscow, Intrada Publ., 2008, 358 p. (In Russian).
2. Isaev S.G., Vladimirova N.G. *Aktual'naya poetika: Smena khudozhestvennoy paradigmy* [Actual Poetics: the Change of Artistic Paradigm]. Velikiy Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2017. (In Russian).
3. Pege-Gro N. *Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti* [Introduction to the Theory of Intertextuality]. Moscow, LKI Publ., 2008, 240 p. (In Russian).
4. Novikova V.G. *Britanskiy sotsial'nyy roman v epokhu postmodernizma* [British Social Novel During the Postmodern Era]. Nizhniy Novgorod, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod Publ., 2013, 369 p. (In Russian).
5. Hutton P.H. The new science of Giambattista Vico: historicism in its relations to poetics. *Journal of Aesthetic and Criticism*, 1972, no. 30, pp. 155-165.
6. Schlink B. *Vozvrashchenie* [Homecoming]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2010, 320 p. (In Russian).
7. Sharypina T.A. Nemetskaya “Odisseya” Bernkharta Shlinka [The German “Odyssey” by Bernhard Schlink]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo – Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2012, no. 1 (2), pp. 267-271. (In Russian).
8. Folks S. *I peli ptitsy...* [And birds were singing]. Moscow, Sindbad Publ., 2014, 600 p. (In Russian).
9. Folks S. *Nedelya v dekabre* [A week in December]. (In Russian). Available at: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A4/folks-sebastjyan/nedelya-v-dekabre/> (accessed 20.09.2017).

Received 23 November 2017

Reviewed 29 December 2017

Accepted for press 8 February 2018

Information about the author

Potanina Nataliya Leonidovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

For citation

Potanina N.L. Aktual'nye sposoby konstruirovaniya teksta v sovremennom zapadnoevropeyskom romane [Current methods of the text constructing in the modern West European novel]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 13, pp. 30-38. (In Russian).

УДК 82.0

ПРОБЛЕМА ИМПРЕССИОНИЗМА В ЛИТЕРАТУРЕ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Светлана Анатольевна БЕГИНИНА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: onceawake@rambler.ru

Аннотация. Поставлена актуальная проблема литературного импрессионизма, до сих пор нуждающаяся в теоретическом и историко-литературном исследовании, в том числе – и на материале творчества конкретных авторов, связанных с разными национальными культурами и разными этапами литературного развития. Обозначены те аспекты этой проблемы, которые по-прежнему сохраняют дискуссионный характер. Реализованы цель и задачи описания сложившихся подходов к интерпретации импрессионизма как эстетического феномена с учетом результатов взаимодействия импрессионистических явлений в живописи, музыке и литературе. Сделаны выводы о значимости данных явлений для развития интерпретирующей и миметической функций искусства. На этой основе предложена трактовка литературного импрессионизма как совокупности импрессионистических приемов, направленных на воссоздание субъективных впечатлений от мира, сообщающих тексту повышенную динамичность и существенно обогащающих выразительные возможности слова, состоящие в фиксации мгновенных изменений, происходящих в мире: в живой природе, в эмоциональном состоянии человека и т. п. Определен статус литературного импрессионизма как специфической характеристики творчества писателей, которые при этом могут быть связаны с разными литературными направлениями и творческими методами (реализмом, натурализмом, символизмом и др.), разными родами и жанрами (роман, новелла, лирическое стихотворение и др.).

Ключевые слова: проблема импрессионизма; братья Гонкур; Э. Золя; Ж.-К. Гюисманс; художественная выразительность; импрессионистические приемы

Проблема импрессионизма продолжает сохранять свою актуальность в гуманитарных исследованиях, несмотря на большое количество работ, посвященных ее изучению. Наиболее подробно изучена проблема импрессионизма в живописи, тогда как литературный импрессионизм по-прежнему нуждается в уточнении его характеристик. Представления об импрессионизме в литературе и по сей день нередко сохраняют черты спорности и запутанности (О. Вальцель, И.И. Иоффе, А. Хаузер, Ф.М. Форд, Б.В. Михайловский, Л.Г. Андреев и др.).

Недостаточной разработанностью данной проблематики в отечественном литературоведении обусловлен ее дискуссионный характер, сохраняющийся и в настоящее время. Множественность интерпретаций термина «литературный импрессионизм», основные характеристики этого явления и сегодня составляют литературоведческую проблему. Не решен и вопрос и о том, является ли импрессионизм самостоятельным творческим методом, понимаемым как особая система прин-

ципов отбора, оценки и художественного осмысления действительности, или он может быть эксплицирован как совокупность приемов, направленных на художественное воспроизведение впечатлений от мира в их динамике. Сохраняется неопределенность и в решении вопроса об истоках и о времени формирования литературного импрессионизма, о возможности выделения определенного периода, когда импрессионизм оказался наиболее влиятелен в литературе (Ф. Брюнетьер, Р. Гаман, Ф. Донельсон, Л.Г. Андреев, Л.В. Усенко, И.В. Корецкая и др.).

Тем не менее, импрессионизм осознается в литературе как специфическое художественное явление рубежа XIX–XX веков, когда появляются произведения братьев Э. и Ж. де Гонкур, Э. Золя, Ги де Мопассана, Ж.-К. Гюисманса, Т. Гарди, О. Уайльда, С. Моэма, Д. Джойса, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, И.А. Бунина, И.С. Шмелева и др. Начало этого периода связывают обычно с 1860–1870 гг. Сближение художественной литературы и живописи этого времени неоспоримо. Это

подтверждали и сами писатели, ссылаясь на опыт своих собратьев-живописцев и успешно перенося в свою область многие открытия изобразительного искусства (Ж.-К. Гюисманс, Э. Золя, О. Уайльд и др.) [1]. Например, влияние живописи отмечается в романе Э. Золя «Чрево Парижа» (1873), где он использует передачу игры света, своим движением и мерцанием вырывающегося из тьмы то одни, то другие красочные пятна в цветочных, овощных, рыбных или мясных павильонах [2]. Данный импрессионистический прием создает поистине поразительную симфонию цветовых оттенков. Э. Золя улавливает в этих картинах не только многочисленные красочные оттенки, но и непрерывность движения, и другие мгновенные изменения. Он рисует словами зыбкие очертания стелющегося тумана, постепенное восхождение солнца, сгущение или растворение облаков, трепетную игру мельчайших брызг света. Именно этот прием презентует уникальную способность импрессионизма зафиксировать в тексте мгновенные изменения, происходящие в живой природе.

Новаторство литературного импрессионизма выходит за рамки оперирования чисто визуальными приемами. Наиболее значительных результатов в установлении сходств и различий между импрессионизмом в литературе и импрессионизмом в живописи достиг Ж.-К. Гюисманс. Писатель провел сравнительный анализ творчества Э. Дега и братьев Гонкур: «...чтобы сделать видимым, почти осязаемым, внешний облик человеческого существа в той среде, в которой оно действует, разобрать механизм его страстей, объяснить ход и изменение его мыслей, отклонения в его привязанностях, естественное зарождение его пороков, чтобы выразить самые мимолетные из его ощущений, Жюль и Эдмон де Гонкур должны были выковать острый и мощный инструмент, создать новую палитру тонов, оригинальный словарь, новый язык; точно так же, чтобы выразить видение живых существ и вещей в свойственной им атмосфере, чтобы показать движения, позы, жесты. <...> разные аспекты в чертах лица и одежде, <...> чтобы передать непонятные или казавшиеся до сих пор невозможными для зарисовок эффекты, мсье Э. Дега должен был создать инструмент од-

новременно очень тонкий и щедрый, гибкий и жесткий. Он также должен был заимствовать во всех словарях живописи, комбинировать разные элементы: акварель и пастель, масляную краску и гуашь, ковать неологизмы цветов, ломать предписанные сюжеты» [3, р. 136-137].

Ж.-К. Гюисманс различает нюансы специфических проявлений импрессионизма, вербально выражающих «мимолетные ощущения» и «невозможные для зарисовок эффекты». Тем самым, Ж.-К. Гюисманс устанавливает общие черты литературного и живописного импрессионизма, состоящие в фиксации мимолетных впечатлений от быстро меняющегося мира. А различия заключаются в том, что, что живопись не может зафиксировать некоторые ощущения (например, слуховые, осязательные и обонятельные), тогда как литература способна описать и их.

Сходные взгляды на творчество братьев Гонкур были присущи Э. Золя. Если Ж.-К. Гюисманс учитывал наличие в творчестве этих писателей-импрессионистов оригинального словаря, то Э. Золя указывал на принципиально новый подход к изображению мира, способный передать «трепетность первого впечатления» [4, с. 524]. В своей статье «Эдмон и Жюль де Гонкур» (1875) Э. Золя охарактеризовал стремление Гонкуров сделать фразу «моментальным и точным снимком ощущений». В данной фразе, как отмечает сам писатель, «...мы находим ту подспудную глубину, где сохраняется впечатление, полученное от предметов внешнего мира. Они рисуют даже мимолетное ощущение тепла, пробегающее по коже. Все, что попадает в их поле зрения, сейчас же оживает и перенимает их чувства... Это литературный язык, специально изобретенный для того, чтобы приобщить нас к миру открытых ощущений» [4, с. 524, 527]. В статье «Об описаниях» Э. Золя снова обращается к опыту Гонкуров, утверждая при этом, что в их творениях человек «смешивается с миром вещей и одушевляет их нервным трепетом своих эмоций» [4, с. 426].

Следует отметить, что если не определить основные точки соприкосновения литературного импрессионизма с аналогичными явлениями в живописи и музыкальном ис-

кусстве, то осмысление импрессионизма останется незавершенным.

Импрессионизм – это явление, которое постоянно обогащается за счет взаимодействия разных видов искусства. Импрессионистические приемы в живописи, музыке и литературе, взаимодействуя друг с другом, способствуют возникновению новых синтетических средств художественной выразительности.

Импрессионизм в живописи зародился в 1860-х гг. во Франции и не сразу привлек внимание большой аудитории [5]. Отличие художников-импрессионистов было в том, что они писали на пленэре (под открытым небом). Но их полотна отражали не только этюды, которые изображались художниками и ранее, но и всю картину целиком. «Работая на натуры, они убеждались, что окраска предметов постоянно меняется в зависимости от изменения освещения, состояния атмосферы, от соседства других предметов, отбрасывающих цветные рефлексы; видели, как преобразуется облик природы, предметов при утреннем свете или в сумерках, в ясный или пасмурный день в зависимости от времени года, и стремились запечатлеть на холсте эти мгновенные перемены», – пишет искусствовед В.В. Стародубова [6]. В связи с этим художники могли изображать на своих полотнах один и тот же мотив в разное время дня или года, создавая порой целые серии картин. Импрессионисты пишут раздельными, широкими, свободными мазками, подбирая краски чистых оттенков и более светлых тонов, не используя для их смешивания палитру. Благодаря этому эффекту, в восприятии зрителя образуется нужный тон. «Так, для листвы деревьев, травы используется, наряду с зеленым, синий и желтый, дающие на расстоянии нужный оттенок зелени» [6]. Примером использования данного цветового приема является картина Клода Моне (1840–1926) «Ловля рыбы на реке Эпте» (1887).

Этот прием позволил наполнить картину чистотой и свежестью цвета, что заставляет зрителя думать, что работа написана совсем недавно. В каждом отдельном мазке, которые в целом составляли рельефную поверхность, ощущается постоянное движение жизни. Контуры, которые ранее были четкими, становятся более размытыми, что наполняет общее пространство картины воздухом и

светом. Природа словно дышит. Человек же является неотъемлемой частью в этом изменчивом и живописном мире, он органично вливается в этот мир.

Заслуга живописцев-импрессионистов состояла в том, что они заставили зрителя увидеть красоту окружающего мира, взглянуть на их искусство иначе, что способствовало обострению восприятия живописи [7]. Их полотна приучали зрителя замечать тончайшие взаимопереходы цвета (нюансы и оттенки). Основная задача импрессионизма – передать субъективное восприятие, ощущение, сохраняя при этом внешние источники впечатлений. Импрессионизм раскрывает реальный мир как источник впечатлений, а также эмоциональных чувствований и быстро меняющихся настроений. Изображая особую сторону действительности (игра солнечного света, полнота красок окружающих предметов, воздушность пространства и переливы цвета), импрессионисты пытались найти путь к пониманию окружающего мира, поэтически его воссоздать. Чтобы передать свежесть полученного впечатления, художнику приходилось выбирать лишь мгновение, фрагмент (ничем не выделяющийся среди предшествующих и последующих) из общего потока бытия. Зритель ощущает себя как бы свидетелем происходящего, где каждое мгновение жизни само по себе имеет эстетическую ценность и исполнено поэзии. Некая случайность выбранного художником момента подчеркивалась композицией, которая включала в себя срезы предметов и фигур и предполагала возможность продолжения изображаемого за пределами полотна.

В музыке – искусстве, отражающем действительность в звуковых образах, также наблюдаются импрессионистические черты (М. Равель, П. Дюка, Ф. Шмит, О. Респиги, А. Казелла, А.Н. Скрябин, Н.Н. Черепнин и др.). Одним из ярчайших представителей импрессионизма в музыке является Клод-Ашиль Дебюсси (1862–1918). Его оркестровая «Прелюдия к «Послеполудню фавна» (по эклоге С. Малларме, 1892–1894) явилась своего рода манифестом импрессионизма в музыке [8, с. 174-176]. Оркестровый триптих «Ноктюрны» (1897–1899), в частности, первый из них «Облака» – произведение, в котором композитору удалось достичь непосред-

ственной и правдивой передачи впечатлений. Музыкант смог представить картину свободной импрессионистской звукописи. В творчестве К. Дебюсси воплотились образы, родственные некоторым тенденциям импрессионизма в живописи.

К. Дебюсси писал: «Музыка должна стихийно регистрироваться слушателем, без того, чтобы он испытывал потребность в обнаружении абстрактных идей, в ухищрениях сложного развития тем... Это искусство свободное, искрящееся, искусство открытого воздуха, искусство, соразмерное со стихиями, с ветром, небом, морем!.. Я только пытаюсь выразить с наибольшей искренностью ощущения и чувства, которые испытываю: остальное мало для меня значит...» [9, р. 290]. Ю.А. Кремлев, музыковед и композитор, автор статьи в Музыкальной энциклопедии, пишет о К. Дебюсси следующим образом: «К. Дебюсси создал импрессионистскую мелодику, отличающуюся деликатностью и гибкостью нюансов, но в то же время известной расплывчатостью, неопределенностью. В его мелодике переходы-переливы преобладают над ясностью рисунка, движение – над кристаллизацией, изменчивость – над устойчивостью. Важнейшие ее качества – хрупкость, капризность, ступенчатость контуров» [8, с. 176-177].

Очевидно, что К. Дебюсси стремится передать в музыке нюансы чувственно-эмоционального постижения мира, что дает основания говорить об импрессионистичности его искусства. Таким образом, стремление к передаче впечатлений от быстротечности, мимолетности настроений способствует появлению новых форм художественного осмысления мира в музыке. Музыка становится будто бы «осязаемой» (Равель М. Игра воды) и порождает непрерывный поток ассоциаций. Импрессионистическое творчество композиторов способствовало обогащению средств музыкальной выразительности.

Вобрав в себя достижения других видов искусства, литературный импрессионизм привел к расширению возможностей художественного слова, обогатив его новыми средствами для изображения объективного мира и индивидуальной жизни человека. Такое художественное слово тонко воспроизводит динамичность мира и вызванные им

ощущения. К примеру, одной из характерных особенностей импрессионизма является передача чувств, которые вызывает у человека живая природа.

Следует отметить, что импрессионизм в литературе едва ли может быть квалифицирован как самостоятельный метод или стиль творчества. Скорее, можно говорить о совокупности импрессионистических приемов, используемых тем или иным автором и сообщающих тексту определенную импрессионистическую окрашенность. При этом импрессионизм может быть характерен для творчества писателей, связанных с разными литературными направлениями (реализмом, натурализмом, символизмом и др.), и проявляет себя в литературных произведениях разных жанров: романе, новелле, лирическом стихотворении и др. [10].

Импрессионизм в литературе отнюдь не является чем-то застывшим и неподвижным, всегда равным самому себе. В силу своей имманентной двойственности (воссоздание *субъективных* впечатлений от *объективного* мира. – Курсив мой. – С. Б.), он подвержен определенным колебаниям. Однако, накладываясь, тесно переплетаясь и смешиваясь с другими художественными явлениями в творчестве автора, импрессионизм не утрачивает свою главную функцию – «впечатлять», а наоборот, создает совершенно новую палитру тонов и оттенков художественного слова, а в целом – художественного мира произведения. Импрессионизм запечатлевает и воспроизводит эмоциональный строй произведения и внутренний мир самого автора.

Таким образом, импрессионистические приемы, которые сформировались в живописи, музыке и литературе на определенном историческом этапе, оставили значимый след в искусстве следующих эпох, вплоть до настоящего времени, – обогатив его новыми средствами изображения мира и человека. Импрессионизм в литературе, вобрав и синтезировав в себе эти достижения, привел к существенному повышению выразительности художественного слова.

Список литературы

1. Импрессионисты, их современники, их соратники / под ред. А.Д. Чегодаева. М.: Изд-во «Искусство», 1976. 320 с.

2. Золя Э. Собрание сочинений: в 26 т. М.: Худож. лит., 1962. Т. 4. 756 с.
3. Huysmans J.-K. Oeuvres complètes: in 23 vols. P.: Les Éditions G. Crès et Cie, 1929. Vol. 6. 315 p.
4. Золя Э. Собрание сочинений: в 26 т. М.: Худож. лит., 1966. Т. 24. 568 с.
5. Андреев Л.Г. Импрессионизм. М.: Изд-во МГУ, 1980. 202 с.
6. Стародубова В.В. Моне, Клод // Европейское искусство: Живопись. Скульптура. Графика: Энциклопедия: в 3 т. М.: Белый город, 2006. Т. 2.
7. Ревалд Д. История импрессионизма. М.: Изд-во «Республика», 1999. 189 с.
8. Кремлев Ю.А. Дебюсси Клод Ашиль // Музыкальная энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. Ю.В. Келдыш. М.: Изд-во «Сов. энциклопедия», 1974. Т. 2.
9. Debussy C. Monsieur Croche et autres écrits. P.: Éditions Gallimard, 1971. 364 p.
10. История зарубежной литературы конца XIX – начала XX века / под ред. Л.Г. Андреева. М.: Изд-во МГУ, 1978. 336 с.

Поступила в редакцию 12.12.2017 г.

Отрецензирована 17.01.2017 г.

Принята в печать 08.02.2018 г.

Информация об авторе

Бегина Светлана Анатольевна, аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: onceawake@rambler.ru

Для цитирования

Бегина С.А. Проблема импрессионизма в литературе: историко-теоретический аспект // Нефилология. 2018. Т. 4, № 13. С. 39-44.

THE PROBLEM OF THE IMPRESSIONISM IN LITERATURE: HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

Svetlana Anatolyevna BEGININA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: onceawake@rambler.ru

Abstract. It is concerned the problem of the current problem of literary impressionism which requires a theoretical, historical and literary research, including the materials of specific authors, associated with different national cultures and different stages of literary development. The aspects of this problem that still preserve debatable nature are indicated. The goal and the objectives of the developed approaches description of the impressionism interpretation are implemented. Impressionism is interpreted as an aesthetic phenomenon based on the interaction results of the impressionistic phenomena in painting, music and literature. Conclusions about the importance of these phenomena for the development of the interpretive and mimetic (or imitative) functions of art are made. The interpretation of literary impressionism as a combination of subjective impressions of the world is offered on this basis. These impressions inform the text the increasing dynamic and substantially enrich the expressiveness of a word, consisting of the fixing of the instant changes occurring in the world: in the living nature, in the emotional state of a human and so on. The status of literary impressionism is defined as a specific characteristic of the writers' creativity that can be associated with different literary trends and creative methods (realism, naturalism, symbolism, etc.), different kinds and genres (novel, short story, lyric poem, etc.).

Keywords: problem of the Impressionism; Goncourt brothers; E. Zola; J.-K. Huysmans; artistic expressiveness; impressionistic techniques

References

1. Chegodaev A.D. (ed.). *Impressionisty, ikh sovremenniki, ikh soratniki* [Impressionists, Their Coeval, Their Comrade-in-Arms]. Moscow, "Iskusstvo" Publ., 1976, 320 p. (In Russian).
2. Zolya E. *Sobranie sochineniy: v 26 t.* [Completed Works: in 26 vols.] Moscow, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1962, vol. 4, 756 p. (In Russian).
3. Huysmans J-K. *Oeuvres complètes: in 23 vols.* Paris, Les Éditions G. Crès et Cie, 1929, vol. 6, 315 p. (In French).
4. Zolya E. *Sobranie sochineniy: v 26 t.* [Completed Works: in 26 vols.] Moscow, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1966, vol. 24, 568 p. (In Russian).
5. Andreev L.G. *Impressionizm* [Impressionism]. Moscow, Moscow State University Publ., 1980, 202 p. (In Russian).
6. Starodubova V.V. Mone, Klod [Monet, Claude]. *Evropeyskoe iskusstvo: Zhivopis'. Skul'ptura. Grafika: Entsiklopediya: v 3 t.* [European Art: Painting. Sculpture. Graphics: Encyclopedia: in 3 vols.]. Moscow, "Belyy gorod" Publ., 2006, vol. 2. (In Russian).
7. Revald D. *Istoriya impressionizma* [History of the Impressionism]. Moscow, "Respublika" Publ., 1999, 189 p. (In Russian).
8. Kremlev Y.A. Debyussi Klod Ashil' [Debussy Claude Achille]. In: Keldysh Y.V. (executive ed.). *Muzykal'naya entsiklopediya: v 6 t.* [Musical Encyclopedia: in 6 vols.]. Moscow, "Sovetskaya entsiklopediya" Publ., 1974, vol. 2. (In Russian).
9. Debussy C. *Monsieur Croche et autres écrits.* Paris, Éditions Gallimard, 1971, 364 p. (In French).
10. Andreev L.G. (ed.). *Istoriya zarubezhnoy literatury kontsa XIX nachala – XX veka* [History of Foreign Literature of the End of 19th – Beginning of 20th Century]. Moscow, Moscow State University Publ., 1978, 336 p. (In Russian).

Received 12 December 2017

Reviewed 17 January 2017

Accepted for press 8 February 2018

Information about the author

Beginina Svetlana Anatolyevna, Post-Graduate Student, Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: onceawake@rambler.ru

For citation

Beginina S.A. Problema impressionizma v literature: istoriko-teoreticheskiy aspekt [The problem of the Impressionism in literature: historical and theoretical aspect]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 13, pp. 39-44. (In Russian).

УДК 82-1/-9

«ТРОЦКИСТЫ»: ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАРС И САТИРИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «РОКОВЫЕ ЯЙЦА»

Владимир Викторович КОЛЧАНОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Аннотация. Проанализирована повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца». Рассмотрен ее сатирический вектор – тайный литературный фарс, направленный на Л.Д. Троцкого и его окружение. Определены композиция фарса, границы его встроенности в текст. Прослежены связи с дьяблерией, мистерией-буфф, политическим фарсом, разыгранным советской пропагандой по освещению «московских процессов» над «троцкистами». В качестве литературных источников привлечены романы-фельетоны «Москва» А. Белого и «Остров Эрендорф» В.П. Катаева. Значительное место отведено игровым особенностям произведения, в частности, разновидности аллюзии – приему суггестивного маркирования. Предложена гипотеза атрибуции повести.

Ключевые слова: фарс; дьяблерия; аллюзия; гротеск; П. Шеффер; Л.Д. Троцкий; А.Л. Парвус; И.П. Колесов; Л.Г. Рабинович; Я.А. Яковлев

Сатирическая повесть «Роковые яйца» – энциклопедия политической жизни страны 1917-го – 1930-х гг. Мы не раз обращались к этому факту в последнее время [1–4]. В докладе «Три лика нового Мандро: образ журналиста Степанова и проблема атрибуции в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» описывалась едкая сатира на видного московского революционера, антирелигиозного организатора-пропагандиста, экономиста и философа 1910–1920-х гг. И.И. Скворцова-Степанова; в статье «Сквозь магический кристалл»: образ А.К. Воронского в сатирической повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» декодировался литературный силуэт крупнейшего общественного деятеля в области советской печати, референта В.И. Ленина по литературе белой эмиграции А.К. Воронского; в статье «Катабасис как сатирический мотив в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»: образ профессора Персикова в свете античной, западноевропейской и русской церемониальной магии» в нумерологическом ключе освещалась биография «основателя первого в мире социалистического государства» В.И. Ленина; наконец, в работе, печатающейся одновременно с настоящей, – «Тамбов на карте генеральной...»: сатирическая повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца» и «куриная история», в сем граде случившаяся, а также в столице и государстве, до и по-

сле того» – даются силуэты ближайшего ленинского окружения: крупных деятелей партии, правительства, знатных женщин. Все эти затушеванные, скрытые приемом суггестивного маркирования литературные силуэты деятелей постреволюционной эпохи представляют из себя тайные литературные пародии и памфлеты, включенные в жанр повести-фельетона.

На этот раз мы рассмотрим дополнительный сатирический вектор – литературно-политический фарс, направленный на Л.Д. Троцкого, его окружение и других «врагов народа», как окрестили тогда всех оппозиционно настроенных сталинскому режиму граждан в стране и за рубежом. Фарс этот незаметно встроен в текст и является частью его сложной и многоуровневой композиции. Объяснение этому видится в том, что М.А. Булгаков, как мы знаем, был не только выдающимся прозаиком и ярким фельетонистом; огромная часть его творческой деятельности была связана с театром, причем с театром сатирической направленности, обличающим человеческие пороки и берущим начало в таких явлениях театральной жизни, как драматургия Ж.Б. Мольера, Лопе де Вега, Н.В. Гоголя. Все обозначенные драматурги, которым писатель уделял первостепенное внимание в жизни, использовали жанр коме-

дии и, в частности, такую его разновидность, как фарс.

Драматический фарс имел длинную историю и восходил к средневековой драме на библейскую тему – мистерии. По словам А.А. Гвоздева и В.С. Сисикина, «сценой для мистерии являлся весь город, <...> местом действия – весь мир, ибо мистерия разворачивалась во всей вселенной, как ее представлял себе человек средневековья, с ее са크ральными пространствами ада и рая» [5, с. 139]. Первоначально это средневековое зрелище в перерывах начиналось своеобразными комедийными номерами – «фарсами», имеющими развлекательный, устрашающе-скабрёзный характер. Затем фарс выделился из мистерии, изменил свой характер, получил название дьяблерии (бесовского действия) и стал иметь собственную композицию и архитектуру. Теперь он делился на три акта: местом первого акта объявлялся ад, второй акт разворачивал место действия на земле (в том же городском храме или ратуше), а вот третий проходил под открытым небом – на улицах и площадях. Третий акт представлял из себя карнавал, встроившийся в евангельскую историю, в конце которого все «заблудшее стадо» вновь отправлялось в храм. Всех грешников по пути следования дьяблерии по земле ожидал неминуемый суд, – их поочередно проглатывала огромная «адова пасть», а до того эти лица подвергались глумлению со стороны Сатаны и бесов. Интересными в нашем случае оказываются мистерии, и, соответственно, их фарсы, связанные с новозаветной темой Апокалипсиса – когда финал представлял из себя трагическую сцену из «Откровения» Иоанна Богослова.

Для показа такого средневекового фарса возьмем 5-ю главу «Куриная история» и 6-ю главу «Москва в июне 1928 года». Обе главы имеют двухчастное строение (проиндексированное в тексте звездочками); соответственно, учитывая композицию средневекового фарса, мы можем первую часть 5-й главы обозначить как I акт под названием «Действие в аду», вторую часть как II акт «Действие в храме», 1-ю часть 6-й главы как III акт «Действие на улицах и площадях» и 2-ю часть 6-й главы как финал «Пришествие Антихриста». I акт фарса «Действие в аду» в

свете данной темы мы описываем параллельно. В статье «Тамбов на карте генеральной...»: сатирическая повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца» и «Куриная история», в сем граде случившаяся, а также в столице и государстве, до и после того» доказывается, что место действия в 1-й части 5-й главы «Куриная история» «действительно напоминает ад» (подробнее см. [4]). Поэтому нет необходимости вновь обращаться к этому действию.

Вторая часть 5-й главы начинается с того, что вечером, по дороге домой, Персиков на экране «Рабочей газеты» видит прошлый день в искаженном свете. Аберрация зрения создает чудовищный эффект: вместо себя и «капитана» Степанова он обнаруживает в таксомоторе «чертей» («Это какие-то черти, а не люди», – сквозь зубы бормочет зоолог), а по приезде на Пречистенку удостоивается ночного визита. В квартиру неожиданно заявляется ужасный «полномочный шеф торговых отделов иностранных представительств при Республике советов» Пеленжковский.

Поздний «гость» так пугает профессора, что доводит до бешенства, превращая в кота, непереносимого участника имажинаций в магии и волшебной сказке. Ученый дважды – в первые минуты встречи с ним и в разговоре с Марьей Степановной (как бы прислуживающей ведьмой) – произносит троекратное «мур-мур-мур» и этим вызывает смех. В то же время фраза «мур-мур-мур» диагностирует и другое, уродливое, подавленное состояние человеческой психики, вызванное шоком от встречи с «врагом народа», состояние, хорошо знакомое советскому обывателю в 1930-е гг. Поэтому страх, смешанный с дисфорией, заставляет героя обратиться не непосредственно в МУР (московский уголовный розыск) на Петровке, а в ГПУ на Лубянке. Так достигается кульминация во II акте фарса. К тому же во второй части 5-й главы, как мы сейчас увидим, так много диалогов, что ее действительно легко преобразовать в драматическое явление и поставить на сцене. Приведем из него первый фрагмент и будем считать, что он является в то же время I явлением II акта скабрёзной пьески – фарса «Троцкисты».

«В 10 с 1/4 того же вечера раздался звонок, и профессор вынужден был беседовать с неким ослепительным по убранству гражданином. Принял его профессор благодаря визитной карточке, на которой было изображено (без имени и фамилии):

Полномочный шеф торговых отделов иностранных представительств при Республике советов.

– Черт бы его взял, – прорычал Персиков, бросил на зеленое сукно лупу и какие-то диаграммы и сказал Марье Степановне:

– Позовите его сюда, в кабинет, этого самого уполномоченного.

– Чем могу служить? – спросил Персиков таким тоном, что шефа несколько передернуло. Персиков пересадил очки с переносицы на лоб, затем обратно и разглядел визитера. Тот весь светился лаком и драгоценными камнями и в правом глазу у него сидел монокль. «Какая гнусная рожа», – почему-то подумал Персиков.

Начал гость издали, именно попросил разрешения закурить сигару, вследствие чего Персиков с большой неохотой пригласил его сесть. Далее гость произнес длинные извинения по поводу того, что он пришел слишком поздно: «но... господина профессора невозможно днем никак поймать... хи-хи... пардон... застать» (гость, смеясь, всхлипывал, как гиена).

– Да, я занят! – так коротко ответил Персиков, что судорога вторично прошла по гостю.

Тем не менее он позволил себе беспокоить знаменитого ученого:

– Время – деньги, как говорится... сигара не мешает профессору?

– Мур-мур-мур, – ответил Персиков. – Он позволил...

– Профессор ведь открыл луч жизни?

– Помилуйте, какой такой жизни?! Это выдумки газетчиков! – оживился Персиков.

– Ах, нет, хи-хи-хи... он прекрасно понимает ту скромность, которая составляет истинное украшение всех настоящих ученых... о чем же говорить... Сегодня есть телеграммы... В мировых городах, как-то: Варшаве и Риге, уже все известно насчет луча. Имя проф. Персикова повторяет весь мир... Весь мир следит за работой проф. Персикова, затаив дыхание... Но всем прекрасно известно, как тяжело положение ученых в советской России. Антр ну суа ди... Здесь никого нет посторонних?... Увы, здесь не умеют ценить ученые труды, так вот он хотел бы переговорить с профессором... Одно иностранное государство предлагает профессору Персикову совершенно бескорыстно помощь в его лабораторных работах. Зачем здесь метать бисер, как говорится в Священном Писании. Государству известно, как

тяжко профессору пришлось в 19-м и 20-м году во время этой, хи-хи... революции. Ну, конечно, строгая тайна... профессор ознакомит государство с результатами работы, а оно за это финансирует профессора. Ведь он построил камеру, вот интересно было бы ознакомиться с чертежами этой камеры...

И тут гость вынул из внутреннего кармана пиджака белоснежную пачку бумажек...

Какой-нибудь пустяк, 5000 рублей, например, задатку, профессор может получить сию же минуту... И расписки не надо... Профессор даже обидит полномочного торгового шефа, если заговорит о расписке.

– Вон!!! – вдруг гаркнул Персиков так страшно, что пианино в гостиной издало звук на тонких клавишах.

Гость исчез так, что дрожащий от ярости Персиков через минуту и сам уже сомневался, был ли он или это галлюцинация.

– Его калоши?! – выл через минуту Персиков в передней.

– Они забыли, – отвечала дрожащая Марья Степановна.

– Выкинуть их вон!

– Куда же я их выкину. Они придут за ними.

– Сдать их в домовую кабинет. Под расписку. Чтоб не было духу этих калош! В комитет! Пусть примут шпионские калоши!..

Марья Степановна, крестясь, забрала великопленные калоши и унесла их на черный ход. Там постояла за дверью, а потом калоши спрятала в кладовку.

– Сдали? – бушевал Персиков.

– Сдала.

– Расписку мне.

– Да, Владимир Ипатьевич. Да неграмотный же председатель!..

– Сию. Секунду. Чтоб. Была. Расписка. Пусть за него какой-нибудь грамотный сукин сын распишется!

Марья Степановна только покрутила головой, ушла и вернулась через 1/4 часа с запиской:

«Получено в фонд от проф. Персикова 1 /одна/ па кало. Колесов».

– А это что?

– Жетон-с.

Персиков жетон истоптал ногами, а расписку спрятал под пресс. Затем какая-то мысль омрачила его крутой лоб. Он бросился к телефону, вызвонил Панкрата в институте и спросил у него: «Все ли благополучно?». Панкрат нарычал что-то такое в трубку, из чего можно было понять, что, по его мнению, все благополучно. Но Персиков успокоился только на одну минуту. Хмурясь, он уцепился за телефон и наговорил в трубку такое:

– Дайте мне эту, как ее, Лубянку. Мерси... Кому тут из вас надо сказать... у меня тут какие-то подозрительные субъекты в калошах ходят, да... Профессор IV университета Персиков...

Трубка вдруг резко оборвала разговор, Персиков отошел, ворча сквозь зубы какие-то бранные слова.

– Чай будете пить, Владимир Ипатьевич? – робко осведомилась Марья Степановна, заглянув в кабинет.

– Не буду я пить никакого чаю... мур-мур-мур, и черт их всех возьми... как взбесились все равно».

В этом условно выделенном нами 1 явлении II акта фарса можно сразу определить и первого «врага народа»; он пока еще нерелятивный, литературный, можно так выразиться, предтеча «троцкистов» в повести, и восходит к произведению современника М.А. Булгакова – роману-фельетону А. Белого «Москва» (писавшегося и публиковавшегося фрагментами с 1918-го по 1930-й г.).

В основе романа-трилогии «Москва» лежала история взаимоотношений немецкого шпиона Э.Э. фон-Мандро с русским профессором математики И.И. Коробкиным: в ней описывались попытки фон-Мандро овладеть изобретением Коробкина, в том числе – и средствами подкупа. Сцена визита в «Роковых яйцах», таким образом, как бы повторяет одну из встреч заклятых врагов. Причины в обоих случаях также оказываются схожими. Изобретения главных героев Персикова и Коробкина являлись, по сути, изобретениями оружия массового поражения, – и разнились они лишь способом уничтожения: «московский чудак» А. Белого изобретал бомбу, а «ученый чудак» М.А. Булгакова – биологическое оружие, сила которого в обоих случаях не была еще осознана кремлевскими правителями. Малоосведомленные о настоящем его заказчике – «звере из бездны», дьяволе, любящем принимать в России образ иностранца, черта-немца¹, они, как явствует из

¹ См., напр., популярный иллюстрированный сборник, задуманный в виде альманаха большого формата: «Иллюстрированный бес, инкогнито странствующий по всем закоулкам России: Проза, стихи, рис. рус. писателей и художников: Рассказы, очерки, сцены, приключения, шутки, анекдоты, картинки, портр. и наблюдения: Серьезное, смешное, забавное, веселое и поучительное. Вып. 1 / рис. А.С. Янова и Н.П. Чехова. М.: Тип. Н.И. Смирнова, 1880.

содержания произведений, отдали изобретение на волю рока и божественного провидения.

Приведем отрывок из «Москвы», чтобы сравнить речь и поведение Пеленжковского с речью и поведением «чорта» и «гиены», немецкого шпиона фон-Мандро. Для наглядности отрывок из «Роковых яиц» придется повторить:

«Роковые яйца»

«... гость, смеясь, всхлипывал, как гиена). <...>

Здесь никого нет посторонних?.. Увы, здесь не умеют ценить ученые труды, так вот он хотел бы переговорить с профессором... Одно иностранное государство предлагает профессору Персикову совершенно бескорыстно помощь в его лабораторных работах. Зачем здесь метать бисер, как говорится в Священном Писании. Государству известно, как тяжело профессору пришлось в 19-м и 20-м году во время этой, хихи... революции. Ну, конечно, строгая тайна... профессор ознакомит государство с результатами работы, а оно за это финансирует профессора. Ведь он построил камеру, вот интересно было бы ознакомиться с чертежами этой камеры...

И тут гость вынул из внутреннего кармана пиджака белоснежную пачку бумажек... **Какой-нибудь пустяк, 5000 рублей, например, задатку, профессор может получить сию же минуту...** <...> (выделено мною. – В. К.)»

«Москва»

«– ...Но, профессор, могли ли вы думать, что первый визит мой к вам будет – последним визитом?»

Старался он дверь заслонять: ну, как, чорт подери, он жарнет!

– Между нами сказать, – знаменитости в данное время влекут очень жалкую жизнь; они – щепки, кидаемые во все стороны всплесками волн социальной стихии; но, но – обрываю себя; буду краток: явился я, – с просьбой покорной открыти **ваше продать одной фирме**, – скажу откровенно теперь, – **поглядел он лицом как-то вбок**, а глазами – на сторону; и продолжал с тихой хрипою, точно комок застрял в горле, – скажу откровенно, что «ф и р м а» – **правительство мощной, великой державы...** – тут сделал он паузу. – Были ж вы слепы, профессор, – не знаю, что вас побудило тогда пренебречь предложением моим; я давал **пятьсот тысяч; но вы,**

при желании, могли бы с меня получить миллион (выделено мною. – В. К.)» [6, с. 346].

Обратимся теперь ко 2 явлению акта визита Пеленжковского; оно как раз и позволяет рассмотреть первостепенных виновников всех бед в СССР, якобы завербованных в разное время иностранными спецслужбами и названными за это «врагами народа». Дополнительно фигуры главных «врагов народа» подкрепляются здесь образом известного русского писателя В.П. Катаева. В легком журнальном жанре фельетона в середине 1920-х гг. В.П. Катаев являлся преуспевающим сатириком, совершавшим, вслед за тяжелыми погромными статьями И.И. Скворцова-Степанова, смелые нападки на «вождей Красной армии» Л.Д. Троцкого и его ближайшее окружение.

«Роковые яйца»:

Ровно через десять минут профессор принимал у себя в кабинете новых гостей. Один из них приятный, круглый и очень вежливый, был в скромном, защитном, военном френче и рейтузах. На носу у него сидело, как хрустальная бабочка, пенсне. Вообще он напоминал ангела в лакированных сапогах. Второй, низенький, страшно мрачный, был в штатском, но штатское на нем сидело так, словно оно его стесняло. Третий гость повел себя особенно, он не вошел в кабинет профессора, а остался в полутемной передней. При этом освещенный и пронизанный струями табачного дыма кабинет был ему насквозь виден. На лице у этого третьего, который был тоже в штатском, красовалось дымчатое пенсне.

Двое в кабинете совершенно замучили Персикова, рассматривая визитную карточку, расспрашивая о пяти тысячах и заставляя описывать наружность гостя.

– Да черт его знает, – бубнил Персиков, – ну, противная физиономия. Дегенерат.

– А глаз у него не стеклянный?

– А черт его знает. Нет, впрочем, не стеклянный, бегают глаза.

– Рубинштейн? – вопросительно и тихо отнесясь ангел к штатскому, маленькому. Но тот хмуро и отрицательно покачал головой.

– Рубинштейн не даст без расписки, ни в каком случае, – забурчал он, – это не рубинштейнова работа. Тут кто-то покрупнее.

История о калошах вызвала взрыв живейшего интереса со стороны гостей. Ангел молвил в телефон домовой конторы только несколько слов: «Государственное политическое управление сию

минуту вызывает секретаря домкома Колесова в квартиру профессора Персикова, с калошами», и Колесов тотчас, бледный, появился в кабинете, держа калоши в руках.

– Васенька! – негромко окликнул ангел того, который сидел в передней. Тот вяло поднялся и, словно развинченный, припнулся в кабинет. Дымчатые стекла совершенно поглотили его глаза.

– Ну? – спросил он лаконически и сонно.

– Калоши.

Дымные глаза скользнули по калошам и при этом Персикову почудилось, что из-под стекол вбок, на одно мгновение, сверкнули вовсе не сонные, а наоборот, изумительно колючие глаза. Но они моментально угасли.

– Ну, Васенька?

Тот, кого называли Васенькой, ответил вялым голосом:

– Ну, что тут ну. Пеленжковского калоши.

Немедленно фонд лишился подарка профессора Персикова. Калоши исчезли в газетной бумаге. Крайне обрадовавшийся ангел во френче встал и начал жать руку профессору, и даже произнес маленький спич, содержание которого сводилось к следующему: это делает честь профессору... Профессор может быть спокоен... больше его никто не потревожит, ни в институте, ни дома... меры будут приняты, камеры его в совершеннейшей безопасности...

– А нельзя ли, чтобы вы репортеров расстреляли? – спросил Персиков, глядя поверх очков.

Этот вопрос развеселил чрезвычайно гостей. Не только хмурый маленький, но даже дымчатый улыбнулся в передней. Ангел, икрясь и сияя, объяснил, что это невозможно.

– А что это за каналья у меня была?

Тут все перестали улыбаться и ангел ответил уклончиво, что это так, какой-нибудь мелкий аферист, не стоит обращать внимания... тем не менее он убедительно просит гражданина профессора держать в полной тайне происшествие сегодняшнего вечера. И гости ушли <...>

Когда Бронский появился в кабинете, Персиков настолько простер свою ласковость, что рывкнул ему:

– Садитесь!

И Бронский, восхищенно улыбаясь, сел на винтающийся табурет.

– Объясните мне, пожалуйста, – заговорил Персиков, – вы пишете там, в этих ваших газетах?

– Точно так, – почтительно ответил Альфред.

– И вот мне непонятно, как вы можете писать, если вы не умеете даже говорить по-русски. Что это за «пара минуточек» и «за кур»? Вы, вероятно, хотели спросить «насчет кур»?

Бронский почтительно рассмеялся:

– Валентин Петрович исправляет.

– Кто это такой Валентин Петрович?
 – Заведующий литературной частью.
 – Ну, ладно. Я, впрочем, не филолог. В сторону вашего Петровича! Что именно вам желательно знать насчет кур?»

В портретах этих следователей без труда угадываются черты трех главных фигурантов, проходящих по делу «троцкистов» в ОГПУ-НКВД: «левых» коммунистов Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева. Все они, как было доказано на многочисленных судебных заседаниях, были завербованными иностранными агентами, в первую очередь немецкими, и вели тайную войну против родной страны и ее правительства. Сатира получалась блестящая. Фельетонист М.А. Булгаков виртуозностью игры затмевал как А. Белого, так и В.П. Катаева. И первое, что отличало от них М.А. Булгакова, были не изящество стиля, не зримость и выпуклость художественных образов и даже не едкость и тонкость саркастических деталей, а способность воспроизводить аллюзийное поле, создавать широкий литературный контекст, играть с фельетонами писателей-современников.

Убедимся в этом на примере следующих художественных деталей. Имя следователя Васенька, оставшегося в полутемной передней, напоминает имя шапки-кота из романа А. Белого «Москва», живущего в прихожей фон-Мандро (в конце визита, в состоянии крайнего возбуждения, профессор Коробкин натягивает живое чудовище на свою голову). «Стеклянный глаз» из вопроса «ангела» переключает внимание на «мелкого афериста» – картежного шулера и хромоножку Мигуэля-Санто-Мадраццо из романа-фельетона В.П. Катаева «Остров Эрендорф» («1 апреля 1924»). Он тоже имел «стеклянный глаз».

На роман-фельетон В.П. Катаева «Остров Эрендорф» указывают еще две детали. Ими обыгрывается центральный образ романа – страшный фиолетовый луч, созданный буржуазией на погибель трудящихся. В 4-й главе читаем: «ослепительнейший фиолетовый луч ударил в глаза профессора, и все кругом вспыхнуло», и Персики «закрылись кулаками от фиолетового света», а в 5-й главе он вновь «закрывается кулаками от фиолетового луча». Вторая деталь выглядит, возможно, несколько слабее, подана осторожнее

и переключается только в подтексте. Датировка фельетона «Остров Эрендорф» явно привязана ко дню смеха «1 апреля 1924 года», но в то же время по месяцу совпадает с днем рождения В.И. Ленина (впоследствии второй праздник вытеснит первый), датировка же повести «Роковые яйца» соотносится с праздником Октября и годом смерти вождя: «Октябрь. 1924 г.». И в том, и в другом случае, таким образом, возникают сомнения в истинности даты создания произведений.

Усиливает аллюзию на роман-фельетон В.П. Катаева сюжет «Роковых яиц». Главный герой романа В.П. Катаева Арчибалд Грант был профессором и тоже загонял ошибку в божественную систему, – предуготованная его математическими расчетами мировая катастрофа превратилась в локальную лишь потому, что арифмометр, к всеобщему счастью выживших в ней людей труда, оказался с браком, и фиолетовый луч погиб, погрузившись вместе с островом в бурные воды Атлантики.

Фельетонный юмор, погруженный в фарсовую стихию, сквозит в каждой строчке приведенного фрагмента, практически с первых минут. От перенесенного шока профессор, как читаем выше, совсем не помнит преступника («бубнит: «черт его знает»), но лубянские чекисты не теряются, – пытаются установить личность Пеленжковского практически сразу, «по горячим следам», и это ведет к еще большей эмоциональной разрядке. Смех вызывают не только гротескно-уродливое изображение отношений героев и их поведение, но и средство «холодного передвижения» – калоши, оставленные в кабинете профессора заезжим гастролером, – обувь, достаточно символичная в плане интертекста.

Но прежде чем взглянуть на интертекст, любопытно декодировать по калошам еще одно вражеское лицо, которое хранит калоши и передает их «троцкистам» в качестве эстафеты. Оно скрыто в образе секретаря домкома Колесова: в 1 явлении он оказывается в роли «грамотного сукина сына», который подписывается за «неграмотного председателя», во 2 явлении – оперативным исполнителем приказа «ангела». Выделим из первого процитированного выше фрагмента аллюзию на прототип:

«Получено в фонд от проф. Персикова 1 /одна/ па кало. Колесов».

– А это что?

– Жетон-с».

Исходя из принципа суггестивного маркирования, здесь прототип выводится путем добавления букв (для наглядности они увеличены) и выделения требуемых жирным шрифтом. Сравните верхний и нижний тексты:

«Получено в фонд от пОЛЬСКОгО рОС-
СИЙСКОГО фРОНТА. ПерВОЙ си-
коННОЙ вАРМИИ 1 /одна/ паВШАЯ
кавалерийская лошадь. Колесов».

– А это что?

– Жетон-с».

Дешифрованный таким необычным способом отрывок позволяет установить лицо героя Гражданской войны – Ивана Петровича Колесова, кавалера двух орденов Боевого Красного Знамени, легендарного комбрига Первой конной армии (1 КА), умудрившегося стать непримиримым врагом советской власти. К последнему привело следующее обстоятельство. В 1920 г. в результате значительных потерь Конармии в ходе неудачной польской кампании он по распоряжению Реввоенсовета Республики, с оказанным ему революционным доверием, осенью 1920 г. отбыл за набором в родные царицынские станицы и хутора, где встретил настоящий грабеж населения продотрядами. Возмущенный политикой продразверстки, И.П. Колесов создал из революционного казачества «антибольшевистское сопротивление», которое вплоть до апреля 1921 г. вело ожесточенную борьбу с продотрядами и ЧК. Он явился, таким образом, первым предателем и, соответственно, «врагом народа».

Любопытны детали завершающей части военной биографии И.П. Колесова. Они в значительной степени повторяют реконструированную часть текста. Фраза «1 /па/ кало. Колесов» воссоздает три редкой исключительности факта. У Ивана Петровича Колесова был младший брат, комбриг 1 КА Николай Петрович Колесов, который не изменил Л.Д. Троцкому и Красной армии, и более того, имел три ордена Красного Знамени, откуда фразу можно прочесть как «1 /пара/

комбригов армии. КолесовЫХ». Второй факт. Второй орден Красного Знамени И.П. Колесов получил в 1922 г., что называется «посмертно», – в бюрократическом аппарате РВС, видимо, скрыли неблагоприятное прошлое и замели следы, возможно, перепутали, а, может быть, забыли, что именно этот И.П. Колесов год назад стал «врагом народа». Приказ № 75 от 13 марта 1922 г. по личному составу армии тогда подписали: заместитель Председателя РВС Республики Склянский и Главнокомандующий Всеми Вооруженными Силами Республики С.С. Каменев [7].

И, наконец, третий факт. Он состоит в том, что И.П. Колесов в качестве секретаря домового комитета мог принести лубянским следователям только свои калоши, так как «Марья Степановна, крестьян, забрала великоленные калоши и унесла их на черный ход. Там постояла за дверью, а потом калоши спрятала в кладовку». И только когда Персиков потребовал принести расписку от «какого-нибудь грамотного сукина сына», явилась с распиской от Колесова. К тому же колесовское происхождение вражеских калош объясняется и исторической реальностью: последние часы жизни И.П. Колесов провел в леваше (пойменных лесах, заливаемых в половодье), где его окружили и застрелили чекисты. Намек на мертвого И.П. Колесова, явившегося с того света прославленного комбрига Конармии, лежит в заключительном слове диалога: «жетон-с». Обратимся к истории его возникновения, ведь И.П. Колесов имел к нему самое непосредственное отношение: в Первую мировую войну казак получил звание Георгиевского кавалера.

«В январе 1917 г., Николаем II был подписан указ о введении особых шейных знаков для опознания убитых и раненых и для отметки Георгиевских наград нижних чинов. Знак представлял собой медальон, состоявший из двух половинок, в который вкладывалась пергаментная бумага с данными нижнего чина. Сюда необходимо было мелким почерком записать звание, имя, фамилию, год и место рождения, год призыва, сословие, вероисповедание, номер роты, эскадрона или сотни, номер и название полка, батареи, дивизиона или артиллерийской бригады, год призыва, да еще и имеющиеся награды. В приказе по военному ведомству разъяснялось, что знак должен из-

готовливаться из жести и носится под мундирной одеждой на шнурке или тесемке»².

Применен М.А. Булгаковым был и прием стилизации: подделка под секретную военную телеграмму, требующую работы шифровальщиков, или даже под хозяйственный расчет при постановке на учет в российской армии или снятие с учета вооружения, амуниции, тягловой силы (лошадей) и людей.

Следовательно, вражеские калоши, которые опознали лубянские чекисты в повести, имели к И.П. Колесову непосредственное отношение: Л.Д. Троцкий всегда ценил и защищал царских военспецов, что припомнят ему и им в годы «больших чисток». Вспомнят и то, что сам он считался плохим военспецом («Да неграмотный же председатель!..» – восклицает Марья Степановна) и набирал в ряды Красной армии таких неустойчивых, «несознательных элементов» и предателей, как И.П. Колесов («Пусть за него какой-нибудь грамотный сукин сын распишется!» – приказывает Персиков).

Теперь обратимся к еще одному художественному плану – универсальному, интертекстуальному, игровому, – без игрового дресс-кода мимикрия еще одного прототипа, его масштаб, протеизм и многоликость будут ощущаться в повести не совсем явственно и полно, а рецепция его в сознании массового читателя не достигнет той фазы, когда «враг всегда должен быть найден», а «если его нет, выдуман». Поэтому в игровом плане, преднамеренно, а может быть, спонтанно, со свойственным обычаем булгаковского ума все мистифицировать, можно предположить, что калошный след преступника Пеленжковского попадает на мгновение, как можно выразиться, в настоящий калошный (или как в старину выражались: калашный) ряд и далее призрачно фигурирует в области военной разведки.

Присмотримся сначала к калошному ряду. Дело здесь состоит в том, что в 1920-е гг. центрами по изготовлению калош считались две фабрики в стране – Меленковский комбинат в Муроме и «Красный треугольник» «в городе Ленина на Неве». Перенос географических обозначений и названий этих комби-

натов в сферу мистики и колдовства помогает объяснить исчезновение обладателя «шпионских калош». Первый, муромский комбинат, маркирует национальную нечистую силу в русском фольклоре («муромские леса» и «дороженьки» с Соловьем-разбойником, лешими, кикиморами и водяными), от которого идут такие поговорки русского народа, как: «черт его знает», «леший его знает», «черт унес» и т. д. Персиков, как мы видели, многократно «бубнит» первую из них на перекрестном допросе. Второй маркер, комбинат «Красный треугольник» «в городе Ленина на Неве», перекликается с Бермудским треугольником, международным дьявольским центром по исчезновению людей. Наконец, с исчезновением людей связана и этимология фамилии Пеленжковский: она разыгрывает технический термин аппарата военной разведки: слово «пеленг» голландского происхождения (гол.: *peiling*) и на языке контрразведчиков означает нахождение координат шпиона средствами радиоизлучения.

Радиосвязь между шпионом и резидентом действительно включается: в 4-й главе «Попадья Дроздова», придя в состояние аффекта от появления «капитана» Степанова, профессор на запрос германской газеты «Берлинер Тагеблатс» отвечает по телефону на чистом немецком. Тогда бы его и схватить. Но вместо пеленга горе-контрразведчики пользуются дореволюционным методом сыска – поиском преступника с помощью собаки (после попытки дачи взятки). Если следовать по тексту далее, то можно увидеть, что на следующий день к зоологическому институту чекисты приставляют двух странных охранников: чекистов в «модных зеленых котелках» со значками за бортами пиджаков.

Этот розыгрыш снова вызывает одновременно ужас и смех. В 1920-е гг. советский человек оставался свидетелем того, что на значках полицейских шпииков и ищеек до Октября была изображена собака охотничьей породы легавая, откуда в блатном мире новой эпохи закрепилось презрительное по отношению к сыщикам прозвище «лежавый». Запеленгованный таким устаревшим способом немецкий шпион Пеленжковский (черт Персикова) ускользает, и, соответственно, оказывается невредимым. Сухим из воды

² Жетон военнослужащего. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 06.10.2017).

выходит и сам Персиков (Ленин), хотя, как мы читали, – во время объявления Панкратом о приходе «гостя» он сам держал в руках перед «зеленым сукном» «лупу и какие-то диаграммы» – предметы явно из шпионской среды и области радиолокационной разведки.

Но вернемся вновь к историческому прототипу. В политическом плане, вероятнее всего, роль дьявола-«шефа», резидента вражеской разведки Пеленжковского в повести М.А. Булгакова мог сыграть легендарный проходимец и авантюрист Александр Львович Парвус (настоящее имя Израиль Лазаревич Гельфанд) – «деятель российского и германского социал-демократического движения, теоретик марксизма, публицист, доктор философии»³. Родился А.Л. Парвус в краю лесов и болот под Минском, в Белоруссии, поэтому калоши Пеленжковского в некоторой степени намекают на его происхождение. Как и Пеленжковский «без имени и отчества», А.Л. Парвус скрывал свои настоящие имя и отчество, представляясь псевдонимом; как и Пеленжковский, «светящийся лаком и драгоценными камнями», А.Л. Парвус также любил блеск и бриллианты; как и Пеленжковский, «изображенный» «на визитной карточке» «полномочным шефом торговых отделов иностранных представительств», А.Л. Парвус также не имел постоянного гражданства; как и Пеленжковский, судя по той же карточке, А.Л. Парвус был крупным торговым агентом: до периода Балканских войн 1912–1913 гг. представителем того или иного государства, а позже «официальным представителем ряда немецких компаний, в том числе концерна Круппа»⁴, заинтересованных в поставках военной техники и продовольствия. Все стоило денег, и уж всегда сопутствующая торговле на войне разведка тем более. Поэтому можно вслед за некоторыми историками утверждать, что уже тогда, в период Балканского кризиса, А.Л. Парвус «стал платным германским агентом», а не только «русским» или «турецким»⁵.

Примечательно, что и вернулся он из Турции и с Балкан необыкновенно разбогатевшим: «А.Л. Парвус неожиданно появился

среди социал-демократов, ослепляя их блестящим бриллиантовым запонком и золотых перстней. Теперь он стал выступать как защитник прогрессивной миссии германского милитаризма, фактически играющего на руку мировому социализму, и как ярый противник русского царизма – старого врага социализма»⁶.

Всегда мечтающий любыми путями превратиться в «денежный мешок», он делал из военной информации и демократических революций доходный бизнес, и только в этом ключе следует рассматривать его деятельность, в том числе его связь с В.И. Лениным практически во все годы своей подрывной работы против Российской империи, вплоть до Октября. Поэтому то, что В.И. Ленин считался германским шпионом, осуществляющим революцию в России на немецкие деньги, переданные через А.Л. Парвуса, многих современников М.А. Булгакова не смущало. Не смутило даже тогда, когда А.Л. Парвус от такого революционного сценария наотрез и публично отказался. «Когда в июле 1917 г. большевиков обвинили в связях с германским генштабом, и главным доводом оказалась созданная им экспортно-импортная компания, А.Л. Парвус в своем берлинском издательстве выпустил брошюру под названием «Мой ответ А.Ф. Керенскому и компании»: «Я всегда, – писал А.Л. Парвус, – всеми имеющимися в моем распоряжении средствами поддерживал и буду поддерживать российское социалистическое движение. Скажите вы, безумцы, почему вас беспокоит, давал ли я деньги В.И. Ленину? Ни В.И. Ленин, ни другие большевики, чьи имена вы называете, никогда не просили и не получали от меня никаких денег ни в виде займа, ни в подарок...» Но ему не поверили»⁷. Позднее Белое движение дружно и искренне распространяло этот буржуазный миф, доставшийся последующим поколениям русских людей⁸.

⁶ Казус Парвуса. URL: <http://zagadki-istorii.ru/zlo-dei-37.html#ixzz54BGU0AAU> (дата обращения: 06.10.2017).

⁷ Парвус Александр Львович. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 06.10.2017).

⁸ См., напр., современные многосерийные фильмы, вышедшие на экраны российского телевидения в конце 2017 – начале 2018 гг.: «Демон революции», или «Меморандум Парвуса» (2017, реж. В. Хотиненко), «Троцкий» (2017, реж. А. Котт, К. Статский).

³ Парвус Александр Львович. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 06.10.2017).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Этому, как видно из текста, тайно способствовал и М.А. Булгаков.

Памятуя предательское поведение А.Л. Парвуса по отношению к своей бывшей родине и его большую страсть к «роскошным виллам, прибыльным акциям, золотым цацкам и бриллиантам»⁹ [6], В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий полностью отвернулись от него после 1917-го. «Не получив разрешения вернуться в Россию, А.Л. Парвус, по свидетельству Л.Д. Троцкого, какое-то время еще пытался издали участвовать в русской революции: «После Октября А.Л. Парвус сделал было попытку сблизиться с нами; он даже стал издавать для этой цели где-то в Скандинавии газетку на русском языке, кажется, под заглавием «Извне»... Помню, как весело мы смеялись по поводу неуклюжей попытки «бывшего» человека взять русскую революцию под свою высокую руку. «Надо поручить «Правде» его отхлестать...» – такими примерно словами откликнулся В.И. Ленин на парвусовскую попытку»¹⁰. Думается, сделал это лучше всех впоследствии М.А. Булгаков. Сатирик учел даже то мистическое обстоятельство, что, образно говоря, кроме русских калош, вещественных доказательств пребывания А.Л. Парвуса в мире после смерти, случившейся в год смерти В.И. Ленина, не стало: «не осталось никаких его бумаг, исчезло все его состояние»¹¹.

Стоит снова обратить внимание на метод шифровки, часто используемый М.А. Булгаковым – мы называем его приемом суггестивного маркирования [8]. В этом новом для русской литературы приеме скрытое слово-денотат (по отношению к фразе) или новый текст-денотат (по отношению к фрагменту произведения) реконструируются по большому количеству маркеров, своеобразному литературному штрих-коду, воссоздающих аллюзийное поле (иногда с сигнификатами). Выше мы уже рассмотрели, на примере прототипа секретаря домкома Колесова, как работает прием. Теперь обратимся к надписи на визитке:

⁹ Казус Парвуса. URL: <http://zagadki-istorii.ru/zlo-dei-37.html#ixzz54BGU0AAU> (дата обращения: 06.10.2017).

¹⁰ Парвус Александр Львович. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 06.10.2017).

¹¹ Там же.

«Полномочный шеф торговых отделов иностранных представительств при Республике советов».

В этой фразе последовательно встречаются буквы, составляющие фамилию «Парвус»:

Полномочный шеф торговых отделов иностранных

представительств при Респ**У**блике **С**оветов.

Мы вряд ли бы стали затевать такой экскурс в историю жизни легендарного представителя европейского капитала и ростовщичества, если бы не то важное обстоятельство, что после II съезда РСДРП, когда произошел знаменитый раскол партии на «большевиков» и «меньшевиков», А.Л. Парвус стал для Л.Д. Троцкого культовой фигурой и, что называется, учителем до конца дней своих: теория «перманентной революции», из-за которой Л.Д. Троцкий разошелся с И.В. Сталиным и поплатился жизнью, была внушена будущему вождю именно тогда А.Л. Парвусом. Даже впоследствии, в годы Балканского кризиса, в статье «Некролог живому другу» Л.Д. Троцкий публично признавался: «На миг отвернувшись от фигуры, которая появляется на Балканах под столь заслуженным псевдонимом, автор сих строк считает долгом личной чести отдать должное человеку, которому он обязан своими идеями и умственным развитием больше, чем любому другому представителю старшего поколения европейских социал-демократов...»¹². Поэтому без тени сомнения нужно признать, что главным следователем по делу «каналы» Пеленжковского выступил его старый друг и «ангел»-хранитель Л.Д. Троцкий: «во френче», в пенсне в виде «хрустальной бабочки» на носу, «в рейтузах» и «лакированных сапогах».

В облике Пеленжковского могли отразиться и другие политические деятели эпохи – редакторы немецкой газеты «Берлинский ежедневник» («Berliner Tageblatt», или «Берлинер тагеблатт», в повести – «Берлинер Тагеблатт») Теодор Вольф (ред. 1906–1933) и Пауль Шеффер (ред. 1934–1936). Первый считался «одним из главных зачинщиков

¹² Там же.

кампании против СССР»¹³ – по крайней мере, такую характеристику под фотографическим портретом давал ему советский журнал «Красная Панорама» на последней странице 6-го номера за 1930 г. Номер оказался последним, после его выпуска журнал закрыли, но думается, что активный читатель «Красной Панорамы» М.А. Булгаков мог воспользоваться этой характеристикой и его портретом в пенсне.

Второй представитель немецкой прессы относился не менее враждебно к Советскому Союзу, первоначально по отношению к его внутренней политике, а затем, с приходом к власти фашистов, к политике внешней. Еще до занятия поста главного редактора газеты П. Шеффер стал «первым иностранным журналистом, которому было отказано в повторном въезде в Советский Союз, так как в 1929 г. он опубликовал отрицательные отчеты о пятилетке и предсказал наступление голода»¹⁴. С назначением же на пост редактора, а в 1937 г. на должность «специального уполномоченного» доктора Геббельса в США, П. Шеффер повел себя еще круче. «Одна из его главных функций, – писали М. Сейерс и А. Кан, – заключалась в возбуждении общественного мнения Соединенных Штатов против Советской России. Антисоветские статьи «эксперта по русским делам» Шеффера регулярно появлялись в популярных американских журналах и газетах. Одной из его излюбленных тем были московские процессы. Своим многочисленным американским читателям П. Шеффер изображал эти процессы, на которых сам он был разоблачен как германский агент, в виде «гигантских фальсификаций». Н.И. Бухарина, Г.Л. Пятакова, К.Б. Радека и других представителей русской «пятой колонны» он характеризовал как «подлинных большевистских вождей». Самые неумеренные похвалы он, однако, приберегал для Льва Троцкого» [9].

Заметим: образ Пеленжковского снова связан нерасторжимыми узами с ролью Л.Д. Троцкого в истории. На этот раз после Л.Д. Троцкого как поклонника германского агента А.Л. Парвуса мы встречаемся с германским агентом – поклонником Л.Д. Троц-

кого. И штрих-код «агента по русским делам» (маркирование фамилии в визитке) прочитывается не иначе как:

Полномочный шеф торговых отделов иностранных представительств при Республике советов.

Образы и впрямь сверкают у писателя «сквозь магический кристалл». И кристалл этот, как персиковский микроскоп, «сменивший увеличение с 5 на 10 тысяч», многократно усиливший силу мага, показывал все ту же чудовищную оборотническую натуру литературного персонажа – черта.

На двойниковую родственность профессора Персикова дьяволу («шефу» шпионов Пеленжковскому) указывают не только детали «лупа и какие-то диаграммы», но и сцена во 2-й главе с перепутыванием калош, выражаемая в русской поговорке «черт попутал». Профессор шагал по улице в правой калоше, надетой на левую ногу, что само собой вызывает смех и намекает на хромоту походки, присущую существам ночного мира – дьяволу и бесам. Кроме того, этот атрибут, защищающий от влаги и сырости, намекает на хтоническое происхождение обоих. Оба героя к тому же и остаются без калош на ногах. На маргинальное, а значит, уродливое, перевернутое и в то же время смешное положение Персикова по отношению к солнечному миру указывает также смех молодой разудалой компании, застающей бредущего на утренней заре «ученого чудака» с одной калошей в руке.

Подчеркнем еще раз: персоны, которых профессор вызывает с Лубянки в свой кабинет для расследования инцидента, являются вполне узнаваемыми. Изображенные сатирически – в погоне за чертом, доведенные до газетно-площадной карикатуры, они полностью отвечали эстетическим вкусам «недоучившегося семинариста». Другое дело, что в начавшуюся эпоху пятилетних планов недавние герои попадали в состояние табу: оговаривать их имена и деятельность могли только официальная пропаганда и литературная критика, но рассуждать в быту или изображать в художественной литературе уже боялись.

¹³ Красная Панорама. 1930. № 6. С. 16.

¹⁴ Berliner Tageblatt. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Berliner_Tageblatt (дата обращения: 06.10.2017).

Возможно, что из-за них, а конкретнее, из-за единоличного наследника этой тройки кремлевских «заговорщиков», зорко всмотревшегося в страницы произведения варианта 1925 г. и заказавшего художественный спич-список своих заклятых врагов и соперников, повесть тайно была подменена на полках библиотек, а сам «сатиры смелый властелин» после знаменитой телефонной аудиенции в 1930 г. стал его «тайным другом». «Заячий тулупчик», в свое время сберегший царского офицера Петра Гринева от народного гнева в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина, превратился в тулупчик кошачий – «Васенькин». Далеко не каждый (а тем более «бывший сменовеховец» и белогвардеец, воспевавший «золотопогонную сволочь» в «Днях Турбиных») мог похвастаться, не вступая в противоречие со своей совестью, столь высоким покровительством. Продолжать писать и одновременно оставаться режиссером крупнейшего театра страны, подготавливая к постановке помпезную пьесу о И.В. Сталине «Батум», – что еще могло быть мистичнее для «МИСТИЧЕСКОГО ПИСАТЕЛЯ», служащего тому, чьи личные амбиции в групповой борьбе оказывались выше общественных взглядов на природу врага. Если бы вождь нарушил в 1939 г. принцип «не ставить пьесы о себе», М.А. Булгаков навсегда заставил замолчать всех травивших его и хулящих, всех завистливых и бранящих. Но, может, тогда и не был бы написан на последнем вздохе последний роман «Мастер и Маргарита», – «роман о поиске покровителя»? [10, с. 266].

(Окончание в следующем номере.)

Список литературы

1. Колчанов В.В. Три лика нового Мандро: образ журналиста Степанова и проблема атрибуции в повести М. Булгакова «Роковые яйца» // 19 Державинские чтения: Институт филологии. Материалы Общероссийской научной конференции. Февраль 2014 года. Тамбов, 2014. С. 49-56.
2. Колчанов В.В. «Сквозь магический кристалл»: образ А.К. Воронского в сатирической повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Неофилология. 2017. Т. 3. № 3 (11). С. 61-74.
3. Колчанов В.В. Катабасис как сатирический мотив в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»: образ профессора Персикова в свете античной, западноевропейской и русской церемониальной магии // Русская литература XX–XXI веков в национальном культурно-историческом контексте: коллективная монография. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 170-188.
4. Колчанов В.В. «Тамбов на карте генеральной...»: сатирическая повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца» и «куриная история», в сем граде случившаяся, а также в столице и государстве, до и после того // Филологическая регионалистика. 2018. № 1-2.
5. Сисикин В. Дионисов мастер // Подъем. 1989. № 3.
6. Белый А. Москва / сост., вступ. ст и примеч. С.И. Тиминой. М.: Сов. Россия, 1989.
7. Савин И. Трагедия комбрига Колесова. URL: <http://www.donskoy-westnik.ru/index.php/don/14-combcoles> (дата обращения: 06.10.2017).
8. Колчанов В.В. Между мистерией и буфф: повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца» в свете театральные модернистских жанров первой трети XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2016. Вып. 2 (6). С. 53-65.
9. Колчанов В.В. «Тамбов на карте генеральной...»: сатирическая повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца» и «куриная история», в сем граде случившаяся, а также в столице и государстве, до и после того // Филологическая регионалистика. 2018. № 1-2.
10. Сейерс М., Кан А. Тайная война против Советской России. URL: <http://ansya.ru/health/majkl-sejers-alebert-kan-tajnaya-vojna-protiv-sovetskoj-rossii/pg-13.html> (дата обращения: 06.10.2017).
11. Скороспелова Е.Б. М.А. Булгаков // История русской литературы XX века (20–90-е годы). Основные имена / отв. ред. С.И. Кормилов. М.: Изд. отдел филол. фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998.

Поступила в редакцию 10.12.2017 г.

Отрецензирована 15.01.2018 г.

Принята в печать 08.02.2018 г.

Информация об авторе

Колчанов Владимир Викторович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Для цитирования

Колчанов В.В. «Троцкисты»: литературно-политический фарс и сатирические средства его выражения в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Неофилология. 2018. Т. 4, № 13. С. 45-58.

“TROTSKYISTS”: LITERARY AND POLITICAL FARCE AND SATIRICAL MEANS OF ITS EXPRESSION IN THE NOVEL OF M.A. BULGAKOV “THE FATAL EGGS”

Vladimir Viktorovich KOLCHANOV

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Abstract. The novel “The Fatal Eggs” of M.A. Bulgakov is analyzed. Its satirical vector is in a secret literary farce focused on L.D. Trotsky and his surroundings. The composition of farce and its borders of embeddedness in the text are defined. The connections with diablerie, mystery bouffe, political farce, which was done by Soviet propaganda in order to show “Moscow Trials” towards “Trotskyists”, are found. As literary references we use roman feuilleton “Moscow” by A. Bely and “Erendorf Island” by V.P. Kataev. The main place is given to playing peculiarities of the work, particularly, varieties of allusion – suggestive marking mode. We present the hypothesis of attribution of the novel.

Keywords: farce; diablerie; allusion; grotesque; P. Scheffer; L.D. Trotsky; A.L. Parvus; I.P. Kolesov; L.G. Rabinowitz; Y.A. Yakovlev

References

1. Kolchanov V.V. Tri lika novogo Mandro: obraz zhurnalista Stepanova i problema atributsii v povesti M. Bulgakova «Rokovye yaytsa» [Three faces of new Mandro: image of the journalist Stepanov and the problem of attribution in the novel of M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs”]. *19 Derzhavinskie chteniya: Institut filologii. Materialy Obshcherossiyskoy nauchnoy konferentsii. Fevral' 2014 goda* [19th Derzhavin Readings. Institute of Philology. Papers of the All-Russian Scientific Conference. February 2014]. Tambov, 2014, pp. 49-56. (In Russian).
2. Kolchanov V.V. «Skvoz' magicheskiy kristall»: obraz A.K. Voronskogo v satiricheskoy povesti M.A. Bulgakova «Rokovye yaytsa» [“Through crystal ball”: the image of A.K. Voronskiy in satirical story of M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 3 (11), pp. 61-74. (In Russian).
3. Kolchanov V.V. Katabasis kak satiricheskiy motiv v povesti M.A. Bulgakova «Rokovye yaytsa»: obraz professora Persikova v svete antichnoy, zapadnoevropeyskoy i russkoy tseremonial'noy magii [Katabasis as a satirical motive in the novel of M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs”]. *Russkaya literatura XX–XXI vekov v natsional'nom kul'turno-istoricheskom kontekste* [Russian Literature of 20th–21st Century]. Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2017, pp. 170-188. (In Russian).
4. Kolchanov V.V. «Tambov na karte general'noy...»: satiricheskaya povest' M.A. Bulgakova «Rokovye yaytsa» i «kuri-naya istoriya», v sem grade sluchivshayasya, a takzhe v stolitse i gosudarstve, do i posle togo [“Tambov on the general chart...”: satirical novel of M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs” and “chicken story” happened in that town and also in the capital and state, before and after that]. *Filologicheskaya regionalistika – Philological Regional Science*, 2018, no. 1-2. (In Russian).
5. Sisikin V. Dionisov master [Dionysus's master]. *Pod'em* [Rise], 1989, no. 3. (In Russian).
6. Bely A. *Moskva* [Moscow]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1989. (In Russian).
7. Savin I. *Tragediya kombriga Kolesova* [Tragedy of the brigade commander Kolesov]. (In Russian). Available at: <http://www.donskoy-westnik.ru/index.php/don/14-combcoles> (accessed 06.10.2017).

8. Kolchanov V.V. Mezhdú misteriei i buff: povest' M.A. Bulgakova «Rokovye yaysa» v svete teatral'nykh modernistskikh zhanrov pervoy treti XX v. [Miracle-play and comic play: novella by M.A. Bulgakov "The Fatal Eggs" from the point of theatre modernist genres of the first third of 19th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kulturologiya – Tambov University Review. Series Philology and Culturology*, 2016, no. 2 (6), pp. 53-65. (In Russian).
9. Seyers M., Kan A. *Taynaya voyna protiv Sovetskoy Rossii* [Secret war against Soviet Russia]. (In Russian). Available at: <http://ansya.ru/health/majkl-sejers-alebert-kan-tajnaya-vojna-protiv-sovetskoj-rossii/pg-13.html> (accessed 06.10.2017).
10. Skorospelova E.B. *M.A. Bulgakov. Istoriya russkoy literatury XX veka (20–90-e gody). Osnovnye imena* [M.A. Bulgakov. History of Russian Literature of 20th Century (20s–90s). Main names]. Moscow, Publ. Department of Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University, 1998. (In Russian).

Received 10 December 2017

Reviewed 15 January 2018

Accepted for press 8 February 2018

Information about the author

Kolchanov Vladimir Viktorovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

For citation

Kolchanov V.V. «Trotskisty»: literaturno-politicheskiy fars i satiricheskie sredstva ego vyrazheniya v povesti M.A. Bulgakova «Rokovye yaysa» [“Trotskyists”: literary and political farce and satirical means of its expression in the novel of M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 13, pp. 45-58. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 811.161.1

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И РИТУАЛЫ: УСТОЙЧИВОСТЬ И МОДИФИКАЦИЯ В ПОЛИЭТНИЧНОМ СОЦИУМЕ

Евгения Александровна ЖУРАВЛЕВА

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

010008, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Сатпаева, 2

E-mail: zhuravleva_ea@enu.kz

Аннотация. Рассмотрена проблема сохранения и модификации национальной идентичности культуры и национальности. В современный период развития общества – период открытия государственных границ и создания полинациональных государств, не может не происходить взаимовлияние национальных культур и национальных языков, все это, в свою очередь, приводит к модификации определенных стереотипов, ментальных черт личности и формированию новых, актуальных для людей разных национальностей, долгое время проживающих на одной территории. Проанализирован характер взаимоотношений русского и казахского этносов в Казахстане, который накладывает определенный отпечаток как на развитие менталитета личности обоих народов, так и на формирование единого понятийного базиса носителей языков, актуального именно для данного социума. При рассмотрении гостеприимства как черты русских и казахов, свойственной им исторически, нами сделана попытка выяснить, как происходит изменение образа мышления в условиях взаимодействия культур. Социолингвистический и статистический анализ данных анкетирования двух этнических групп из России и Казахстана позволяет получить данные о возможных модификациях этностереотипов казахстанских русских, происходящих в процессе длительного проживания в Казахстане.

Ключевые слова: менталитет; культура; полинациональный социум; русский этнос; этностереотипы; модификация

В современный период, период глобальной межэтнической интеграции и создания мультикультурных государств, проблемы сохранения национальной культуры и языка в условиях поликультурного социума весьма актуальны.

Казахстан – полиэтничное государство, на территории которого функционируют и развиваются многие языки и культуры. Численность населения Республики Казахстан, по данным Комитета по статистике, на начало 2016 г. составляет 17417673 человека, по отдельным этносам: казахи – 66,48 %; русские – 20,61 %; другие национальности – 12,91 % (в основном русскоязычные)¹. Основными языками являются казахский и русский, их взаимодействие влияет на формирование единого понятийного базиса носителей языков, актуального именно для данного социума.

Постоянное нахождение в этногетерогенной среде и необходимость вступать в активное межэтническое взаимодействие способны формировать определенный образ жизни, при котором человек существует и действует в разных этнокультурных средах. Корпус вариативных элементов, как вербальных, так и невербальных, помогает обеспечивать реализацию коммуникативных потребностей личности в социокультурном пространстве Казахстана. Этническая неоднородность общества характеризуется как языковая неоднородность (вкрапление единиц из близкострадающего языка), поведенческая неоднородность (использование стратегий и тактик другого этноса, переключение коммуникативных кодов), ментальная неоднородность (вкрапление элементов картины мира другого этноса). Рассмотрим процессы устойчивости и модификации языкового сознания, представляющие расхождения на ментальном уровне, выраженные невербальным способом у представителей русского этноса, проживающих в разных государствах.

¹ Численность Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2016 г. // Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике. URL: https://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publBullS14-2016 (дата обращения: 20.05.2017).

Цель исследования – изучить процесс изменения образа мышления в условиях взаимодействия культур на примере репрезентации концепта «гостеприимство». Гостеприимство – одна из важнейших черт ментальности русских и казахов, свойственная им исторически.

Проведенное исследовательским коллективом анкетирование [1] на базе лаборатории межкультурной коммуникации и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева позволяет проследить, как модифицируются этностереотипы при взаимодействии народов, проживающих в многонациональном Казахстане. В анкетировании приняли участие представители двух этнических групп: русские, проживающие в Российской Федерации (125 респондентов); русские (100 респондентов) и казахи (100 респондентов), проживающие в Республике Казахстан. Материалом исследования послужили данные анкетирования, а также наблюдения, проводимые в России и Казахстане.

Социолингвистический и статистический анализ данных анкетирования двух этнических групп из России и Казахстана позволяет получить данные о возможных модификациях этностереотипов казахстанских русских, происходящих в процессе длительного проживания в Казахстане, в результате которого представители каждого из этносов не только сохраняют свою родную культуру, но и усваивают национальную культуру других этносов. Анкетирование респондентов выявило понимание близкого и дальнего родства, закрытости/открытости родственных отношений и дружеских связей, традиций в приглашении и приеме гостей, ритуалах хождения в гости и др.

Рассмотрим некоторые примеры, представляющие происходящие изменения в сознании русских в процессе взаимодействия культур.

Интерес представляют ответы на вопрос, связанный с традицией приглашения в гости у русских и казахов: «*Как часто Вы приглашаете гостей?*». Результаты следующие.

Русские России: а) очень часто – 8 %; б) раз в месяц – 19 %; в) раз в неделю – 8 %; г) очень редко – 31 %; д) по праздникам –

27 %; е) сообразно с национальными традициями – 7 %; ж) другое – нет ответов.

Русские Казахстана: а) очень часто – 20 %; б) раз в месяц – 18 %; в) раз в неделю – 2 %; г) очень редко – 26 %; д) по праздникам – 4 %; е) сообразно с национальными традициями – 30 %; ж) другое – нет ответов.

Казахи: а) очень часто – 14 %; б) раз в месяц – 3 %; в) раз в неделю – нет ответов; г) очень редко – 3 %; д) по праздникам – 32 %; е) сообразно с национальными традициями – 44 %; ж) другое – хожу, не часто, а как приглашают; всегда по разному, очень часто или совсем редко; месяц на месяц не приходится – 4 %.

Ответы на этот вопрос связаны особым отношением к ритуалу приема гостей, со степенью открытости семьи для родных, друзей и знакомых. Наиболее высокую частотность приема гостей показывают русские Казахстана – 20 %, сюда же можно отнести и ответы 2 % респондентов, выбравших ответ «раз в неделю», итого – 22 % положительных ответов. При этом почти такое же количество респондентов (городские жители) отметили, что приглашают гостей «очень редко» – 26 %. Для сравнения: русские, проживающие в России, выбравшие ответ «очень часто», составляют только 8 %, при прибавлении ответов 8 % респондентов, выбравших вариант «раз в неделю», выявляется 16 % положительных ответов, а выбравшие ответ «очень редко» – 31 %. Как видим, расхождения в ответах у русских Казахстана и России не столь значительны.

Несколько иначе обстоит дело с целью приглашения. Русские России приглашают гостей в основном «по праздникам» – 27 %, при этом только 7 % респондентов делают это «сообразно с национальными традициями» (все они сельские жители). У русских Казахстана приглашение в гости связывается в первую очередь «с национальными традициями» – 30 % и только 4 % – «по праздникам». Как видим, основное различие русских Казахстана и России касается, прежде всего, двух моментов: частотности приема гостей (в Казахстане приглашают в гости чаще, чем в России) и следования национальным традициям. Проживание на неисконной территории заставляет русских более трепетно относиться к национальным традициям (праздни-

кам), сохранять их и, следовательно, отмечать, приглашая друзей и родственников в гости. Следует подчеркнуть, что русские России не нуждаются в специальном сохранении этих традиций, так как они находятся в своей этнической среде.

Несмотря на то, что ответы респондентов-казахов в группе «очень часто» составили всего 14 %, а «раз в неделю» не отметил никто, показателем частотности может служить цель приглашения – 32 % приглашают гостей «по праздникам» и 44 % – «сообразно с национальными традициями». Показателем того, что этот вопрос весьма важен для казахского гостеприимства, являются дополнительные пояснения, которые представлены только в анкетах казахов.

Респондентам был задан вопрос и о личном посещении гостей «Как часто ходите в гости сами?». Результаты следующие.

Русские России: а) очень часто – 5 %; б) раз в месяц – 14 %; в) раз в неделю – 3 %; г) очень редко – 45 %; д) по праздникам – 29 %; е) сообразно с национальными традициями – 4 %; ж) другое – нет ответов.

Русские Казахстана: а) очень часто – 12 %; б) раз в месяц – 9 %; в) раз в неделю – 11 %; г) очень редко – 25 %; д) по праздникам – 19 %; е) сообразно с национальными традициями – 24 %; ж) другое – нет ответов.

Казахи: а) очень часто – 17 %; б) раз в месяц – нет ответа; в) раз в неделю – 6 %; г) очень редко – 2 %; д) по праздникам – 36 %; е) сообразно с национальными традициями – 29 %; ж) другое – 10 % (приглашаю на все праздники; приглашаю гостей только на день рождения; на религиозные праздники собираются близкие родственники; собираемся с родственниками на выходных; не приглашаю, встречаю всех, кто сам хочет прийти; всегда приглашаю).

Ответы на этот вопрос близки с ответами на предыдущий вопрос, однако, есть и особенности. Кардинально различается желание россиян и казахстанцев самим ходить в гости. 45 % русских России указали, что ходят в гости «очень редко», тогда как казахи отличаются тем, что ритуал хождения в гости – одна из главных особенностей национальной психологии, сохранившаяся от кочевой культуры, именно поэтому только 2 % респондентов отметили, что ходят в гости «очень

редко». Русские Казахстана занимают среднее положение между двумя крайними точками – 25 % ходят в гости «очень редко», поскольку не принять приглашение считается неприличным в казахстанском обществе. Дополнительные пояснения также представлены только в анкетах казахов и носят уточняющий характер.

Важным компонентом гостеприимства и ментальности является предупреждение. Ответы на вопрос «Считаете ли Вы нужным предупредить хозяев о том, что Вы придете к ним в гости? Или это будет сюрприз?» показали, насколько сохраняется уровень открытости/закрытости в семейных отношениях и личном пространстве.

Русские России: а) всегда предупреждаю – 38 %; б) люблю сюрпризы – 8 %; в) могу придти без предупреждения только к самым близким – 44 %; г) не люблю сюрпризов, поэтому предупреждаю всегда – 7 %; д) другое – 3 % (идея пришла по дороге; шел мимо; встретила с подругой, пошли в гости).

Русские Казахстана: а) всегда предупреждаю – 47 %; б) люблю сюрпризы – 5 %; в) могу придти без предупреждения только к самым близким – 32 %; г) не люблю сюрпризов, поэтому предупреждаю всегда – 10 %; д) другое – 6 % (не люблю ходить в гости; предупреждаю, если в гости, а когда иду по делу – нет; хожу всегда без предупреждения; по настроению).

Казахи: а) всегда предупреждаю – 26 %; б) люблю сюрпризы – 14 %; в) могу придти без предупреждения только к самым близким – 50 %; г) не люблю сюрпризов, поэтому предупреждаю всегда – 10 %; д) другое – нет вариантов.

Современное общество трактует свои условия, и предупреждать о приходе в гости становится нормой даже для членов одной семьи, проживающих в разных домах. Более всех следуют этой новой традиции русские Казахстана – 47 % «всегда предупреждают» и 10 % при этом уточняют, что «не любят сюрпризов», итого 57 % респондентов не приходят в гости без предупреждения. 45 % русских России и 36 % респондентов-казахов также «всегда предупреждают» и «не любят сюрпризов».

Сделать свой приход «сюрпризом» любят 14 % казахов, 8 % русских России и 5 %

русских Казахстана. Традиция приходить в гости без предупреждения сохраняется лишь по отношению к близким родственникам, этому следуют 32 % русских Казахстана, 47 % русских России (с учетом 3 % – см. пояснения) и 50 % казахов. Как видим, отношение к этому вопросу близко у казахов и русских России, думается, что это связано с тем, что и те, и другие живут на исконной территории распространения этноса, а русские Казахстана находятся между несколькими культурами, которые необходимо учитывать.

Исследуя процесс функционирования культуры и обычаев на примере гостеприимства, можно выделить множество особенностей, дополняющих этнические стереотипы, не свойственные культуре русских, но весьма устойчивых для русских в Казахстане. Даже по нескольким примерам можно увидеть, как изменяется модель поведения при приглашении гостей у казахстанских русских. В настоящее время в процессе длительного совместного проживания в поликультурном сообществе происходит активное взаимодействие традиций, что позволяет говорить об общей культуре гостеприимства, свойственной всем представителям современного Казахстана. Сегодня речь идет уже о **казахстанском гостеприимстве**, свойственном всем гражданам Казахстана. Подтверждением этого могут служить и примеры использования данного словосочетания в текстах СМИ последнего десятилетия: «Кокмен выразил благодарность за традиционное *казахстанское гостеприимство...*» (Казахстанская правда. 2011. 19 апр.); «По его словам, его поразило *казахстанское гостеприимство*, и он обязательно расскажет о нем в Японии...» (Казахстанская правда. 2011. 14 июня); «Нам предстоит не только проде-

монстрировать *казахстанское гостеприимство*, но и показать высокий уровень прогресса...» (Казахстанская правда. 2012. 7 дек.); «В организационном плане важную роль сыграло наше традиционное *казахстанское гостеприимство*, уважение и почтение к гостям...» (Казахстанская правда. 2014. 11 дек.); «Начальству перечить никто не стал, даже знаменитое *казахстанское гостеприимство* осталось на втором плане...» (Казахстанская правда. 2015. 16 янв.); «И. Дульцева приехала из Луганска и в полной мере ощутила *казахстанское гостеприимство...*» (Казахстанская правда. 2016. 10 марта) и мн. др.

Главным показателем взаимовлияния культур является понимание, что чужая культура не хуже своей, она просто другая, а в сознании вместо оппозиции «свой – чужой» возникает оппозиция «свой – иной», при которой «иные» могут влиять на изменение «своих» ритуалов и традиций. Проблемы межэтнической и межкультурной коммуникации являются для Казахстана весьма важными, требующими постоянного внимания.

Список литературы

1. Журавлева Е.А., Лакомкина Е.В. Функционирование этностереотипов в условиях казахстанского социума // Трансформация социокультурной структуры казахстанского общества и языкового сознания казахстанцев: коллектив. моногр. / под общей ред. Ш.К. Жаркынбековой. Астана: ТОО «KazServicePrint LTD», 2014. С. 81-110.

Поступила в редакцию 05.11.2017 г.

Отрецензирована 18.12.2017 г.

Принята в печать 01.02.2018 г.

Информация об авторе

Журавлева Евгения Александровна, доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан. E-mail: zhuravleva_ea@enu.kz

Для цитирования

Журавлева Е.А. Национальные стереотипы и ритуалы: устойчивость и модификация в полиэтничном социуме // Неофилология. 2018. Т. 4, № 13. С. 59-63.

NATIONAL STEREOTYPES AND RITUALS: STABILITY AND MODIFICATION IN A POLYETHNIC SOCIETY

Evgeniya Aleksandrovna ZHURAVLEVA

L.N. Gumilyov Eurasian National University
2 Satpaev St., Astana 010008, Republic of Kazakhstan
E-mail: zhuravleva_ea@enu.kz

Abstract. The problem of preservation and modification of national identity and culture is examined. Nowadays, when countries are opening their borders and we can witness the formation of multiethnic states, the interaction of national cultures and the formation of multiethnic states are not surprising at all. All this has led to the modification of certain stereotypes and personality traits and has caused the formation of new stereotypes and personality traits relevant for people of different nationalities who have long shared the same territory. The nature of relationship between the Russian and Kazakh ethnic groups which bears on the formation of mentality of both ethnic groups as a result of which a common conceptual basis relevant for the speakers of these languages comes about are analyzed. Considering hospitality as the common trait of the Russians and Kazakhs, we have attempted to determine the extent to which the outlook of these ethnic groups has changed in the process of mutual cultural interaction and, most importantly, how the change in thinking occurs. Sociolinguistic and statistical analysis of the survey data of the two ethnic groups from Russia and Kazakhstan provides data on possible modifications of ethnic stereotypes of the Russians who have been living in Kazakhstan for a long time.

Keywords: mentality; culture; multiethnic society; Russian ethnic group; ethnic stereotypes; modification

References

1. Zhuravleva E.A., Lakomkina E.V. Funktsionirovanie etnostereotipov v usloviyakh kazakhstanskogo sotsiuma [Fuction of ethnostereotypes in the conditions of Kazakh society]. In: Zharkynbekova S.K. (general ed.). *Transformatsiya sotsiokul'turnoy struktury kazakhstanskogo obshchestva i yazykovogo soznaniya kazakhstantsev* [Transformation of Sociocultural Structure of Kazakh Society and Linguistic Consciousness of Kazakh People]. Astana, Limited Liability Partnership "KazServicePrint LTD", 2014, pp. 81-110. (In Russian).

Received 5 November 2017

Reviewed 18 December 2017

Accepted for press 1 February 2018

Information about the author

Zhuravleva Evgeniya Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor. L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan. E-mail: zhuravleva_ea@enu.kz

For citation

Zhuravleva E.A. Natsional'nye stereotipy i ritualy: ustoychivost' i modifikatsiya v polietnichnom sotsiume [National stereotypes and rituals: stability and modification in a polyethnic society]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 4, no. 13, pp. 59-63. (In Russian)

УДК 92

**ИЗ КОКАНДА В ТАМБОВ: ТОПОЛОГИЯ ЖИЗНИ.
К столетию профессора, доктора филологических наук
Лии Соломоновны Кауфман (17.04.1918–23.04.2016)**

Нина Петровна ДРОНОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: dronovanina @yandex.ru

Аннотация. Посвящено памяти профессора, доктора филологических наук Лии Соломоновны Кауфман в связи с ее столетием. Выпускница легендарного Московского института философии, литературы и истории отдала около 60 лет жизни становлению высшего образования на Тамбовщине. За годы работы в Тамбовском государственном педагогическом институте/Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина прошла путь от ассистента до профессора, внесла значительный вклад в подготовку научно-педагогических кадров, как заведующий кафедрой немецкого языка создала благоприятные условия для международного сотрудничества уже в 1960–1970-е гг., является основателем второго по России международного Тамбовского общества Гете.

Ключевые слова: 100-летие; Московский институт философии, литературы и истории; Тамбовский государственный педагогический институт/Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; Тамбовское общество Гете

Не мы ли частицы наших учителей?
Не мы ли разобраны на частицы нашими
учениками?

А. Левинтов

В апреле 2018 года доктору филологических наук, профессору Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина Лие Соломоновне Кауфман исполнилось бы 100 лет. Два года ей оставалось дожить до этой замечательной даты, но не удалось по болезни. В своих воспоминаниях она отме-

чала: «Та жизнь, которую я прожила, связана с нашей общей жизнью, жизнью всей страны и другой быть не могла. Каждый из нас выбирает свой путь, который ему важен и интересен» [1]. Ее ПУТЬ начинался в 1918 г. в далеком от Тамбова древнем городе Коканде на востоке Узбекистана, бывшей столице Кокандского ханства. Трагичность исторического времени проявилась в двойной дате рождения Лии Соломоновны: она родилась 17 апреля, а была зарегистрирована отцом в г. Оренбурге только лишь 15 августа 1918 г., после установления советской власти в Средней Азии. Дата регистрации стала одновременно датой рождения по паспорту.

Детство Лии Соломоновны, начавшееся в Коканде, где она в разные годы жила в том числе и у деда – врача-дантиста Исаака Пильмана, проходило в ряде городов после-революционной страны по месту жительства ее родителей, окончивших в 1922 г. Самарский университет и оставленных в ординатуре при том же университете. Отец – Кауфман Соломон Вениаминович (1897–1983) по специальности терапевт, мать – Пильман Надежда (Нехама) Исааковна (1897–1984) – окулист – начинали профессиональную карьеру в Самаре, затем работали в Коканде, Омске, Самарканде, а с 1931 г. и до начала войны в

течение 10 лет – в Воронеже, где стали кандидатами медицинских наук. В 1941 г. были призваны на фронт, дошли до Берлина, имели одинаковое воинское звание – майор медицинской службы, оба награждены орденами Красной Звезды и орденами Отечественной войны 2 степени и медалями. Послевоенная жизнь родителей Л.С. Кауфман связана с городом Киев, где оба до конца жизни работали по специальности. Оба были неординарными личностями, каждый в своей области знаний считался крупнейшим специалистом. Не случайно, к 110-летию Н.И. Пильман Всеукраинская общественная организация «Ассоциация детских офтальмологов Украины» в 2007 г. учредила награду – медаль имени Надежды Исааковны Пильман «За достижения в детской офтальмологии».

В 1933 г. Лия Соломоновна приезжает в Москву (скорее всего из Воронежа), где, по воспоминаниям, «ее судьбу определили два прибора – теодолит и нивелир. Детей интеллигенции в старшие классы не принимали, поэтому пришлось устроиться в геодезическую партию, а учиться по вечерам на рабфаке» [2]. Таким образом, по ее словам, она стала относиться к рабочему классу, что помогло ей поступить в 1936 г. на литературный факультет легендарного Московского института философии, литературы и истории. Поступить в тридцатые годы в Московский институт философии, литературы и истории было исключительно трудно: нужно было сдавать экзамены по всем предметам школьного аттестата, а конкурс был настолько огромным, что ходила даже поговорка: «Не миф ли МИФЛИ?». Лия Соломоновна поступила и училась успешно, окончив институт в июне 1941 г. Диплом о высшем образовании будет выдан лишь в августе 1946 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, поскольку МИФЛИ был объединен с МГУ во время эвакуации в ноябре 1941 г. в Ашхабаде.

В начале войны Лия Соломоновна живет в Воронеже, где после окончания аспирантуры при МИФЛИ с февраля 1941 г. и до защиты кандидатской диссертации по философии в июле 1941 г. работал ее муж Циколь Яков Наумович (1908–1983), но вскоре он был мобилизован на фронт, как и ее родители, поэтому Лия Соломоновна отправляется с

грудным ребенком (дочерью Ирмой) в Коканд. В конце войны с марта 1944 г. по сентябрь 1949 г. она работает преподавателем Сумского педагогического института (Украина). Кампания борьбы с космополитами (1948–1953) трагически прошла и по ее личной судьбе: в сентябре 1949 г. она была арестована в Сумском пединституте, осуждена в феврале 1950 г. и направлена в Ахтырский лагерь Сумской области, в апреле 1951 г. отпущена «за недоказанностью вины» согласно справке соответствующих инстанций. После освобождения из лагеря семья не осталась (да и не могла остаться!) на Украине, ее муж Яков Наумович уже с 1950 г. работал сначала несколько месяцев в Воронеже, затем с сентября 1950 г. в Тамбове, куда его пригласил друг, выпускник и однокурсник МИФЛИ, кандидат философских наук, доцент А.Л. Хайкин, заведующий кафедрой философии Тамбовского государственного педагогического института. Яков Наумович так и остался на этой кафедре до ухода на заслуженный отдых.

Как Тамбов стал самой главной точкой ее жизненного пути, объяснить трудно, хотя и возможно, уповав на давление обстоятельств. Лия Соломоновна не сразу, по ее воспоминаниям, приехала в малоизвестный провинциальный Тамбов. В 1950-е гг. она пыталась устроиться в Москве, но работать приходилось нередко под псевдонимом, поскольку чудовищная кампания против космополитов продолжалась до 1953 г. Но именно в Тамбове началось ее профессиональное восхождение как педагога, ученого (германиста-литературоведа), руководителя, талантливого организатора. С 1 сентября 1956 г. Лия Соломоновна была принята ассистентом на кафедру немецкого языка факультета иностранных языков Тамбовского государственного педагогического института (ТГПИ). Через шесть лет ее переводят на должность старшего преподавателя кафедры, а еще через год (октябрь 1963 г.) Л.С. Кауфман избирается на должность зав. кафедрой немецкого языка ТГПИ и работает на этой должности более 10 лет (до 1 сентября 1975 г.) [3; 4]. За это время она уже защитила в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина (ныне МГПУ) кандидатскую диссертацию, посвященную

творчеству немецкого писателя Г. Фаллады (1964) на тему: «Социальные романы Ганса Фаллады». Как признанный крупнейший специалист по Г. Фалладе, Лия Соломоновна участвовала в подготовке ряда авторитетных энциклопедических изданий. Ее справочные статьи о Г. Фалладе имеются в Краткой литературной энциклопедии (т. 7), в БЭС (т. 27). Объемный раздел «Фаллада» опубликован также в пятитомном академическом издании «История немецкой литературы (1918–1945)» (т. V, 1976). Она не оставит Г. Фалладу и при подготовке докторской диссертации, а в 2000-е гг. снова вернется к его творчеству, консультируя аспирантку О.А. Дронову, защитившую в 2005 г. кандидатскую диссертацию на тему: «Человек и история в романах Г. Фаллады» (научный руководитель профессор, доктор филологических наук Н.Л. Потанина).

1960–1970-е гг. – годы интенсивного поиска в различных сферах жизнедеятельности. Она усердно занимается преобразованием учебно-воспитательного процесса по иностранному языку на факультете. По инициативе Л.С. Кауфман на кафедре вводится практика «закрепления» преподавателя за одним курсом, а не за группой, в которой один и тот же преподаватель ведет практику языка все четыре–пять лет, как это было ранее. Такая практика обучения языку на протяжении всего срока обучения одним преподавателем была известна ей по личному опыту. Несмотря на то, что в МИФЛИ в ее группе четыре года преподавала носитель языка Элиза Генриховна Ризель (1906–1989), выпускница Венского университета, в будущем известный советско-австрийский ученый, теоретик немецкого языка, Лия Соломоновна считала данный подход недостаточно эффективным. Ею была внедрена также «аспектизация» в учебный процесс, то есть преподавание по аспектам (фонетика, грамматика, лексика, аналитическое чтение и др.), что позволило каждому преподавателю более целенаправленно и глубоко заниматься своим предметом. По профилю своей квалификации Лия Соломоновна читала различные курсы лекций: по истории зарубежной литературы, истории немецкой литературы, основам этики и эстетики, стилистике, аналитическому чтению по немецкому языку. Широ-

кий кругозор, гуманистический склад мышления, унаследованная от «старой академической школы» эмоциональная манера чтения лекций – все это завораживало студентов, учителей школ, совершенствовавших знания при областном Институте повышения квалификации, и многих других слушателей.

Во взаимодействии с известными учеными страны (В.Г. Адмони, Б.А. Абрамов, Н.А. Булах, В.Д. Девкин, С.Ф. Шатилов и др.) ей удалось раздвинуть географические, интеллектуальные и культурные границы провинциального образовательного пространства, при этом она сама задавала темп общему движению. На протяжении многих лет по ее рекомендации около 20 человек поступили в аспирантуру вузов различных городов СССР (Москвы, Ленинграда, Ярославля, Нижнего Новгорода и др.) по специальностям, необходимым для организации учебного процесса в институте (Н.В. Вязовова, Е.И. Григорьев, В.С. Григорьева, Н.П. Дронова, Л.Г. Казарян, Е.В. Милосердова, Т.А. Мейлувене, В.Е. Пожилова, Н.В. Ушкова, Л.Г. Попова, Т.Н. Ткаченко и др.). Некоторые из них стали не только кандидатами наук, но и докторами, профессорами.

Начиная с 1960-х гг., пространство деятельности Л.С. Кауфман выходит за рубежи не только Тамбова, но и СССР, поскольку уже в 1966 г. впервые Министерством Просвещения РСФСР в ТГПИ на кафедру немецкого языка направлена по ходатайству зав. кафедрой немецкая делегация, возглавляемая ректором Лейпцигского пединститута Г. Фелькелем (H. Völkel). В последующие годы на кафедре будут работать преподаватели из Восточной Германии в 1969, 1974, 1979 гг. Немецкий литературовед доктор Б. Игель писал в своем дневнике «Тамбов в сердце моем» (1969): «Когда я вспоминаю о моей преподавательской работе в Тамбовском педагогическом институте, то прошедшие 40 лет (теперь уже почти 50 лет. – Н. Д.) представляются мне одним единственным пролетевшим днем. Все живо стоит перед глазами в четких очертаниях: решительная заведующий кафедрой немецкого языка профессор Л.С. Кауфман, ее и мои коллеги, полные ожидания, дисциплинированные студенты, ректор профессор В. Виноградов, здание института, построенное до революции, город со

своей историей, достопримечательности с типично русским флером»¹. Копия дневника была подарена Лие Соломоновне к 90-летию со дня рождения и хранится в музее Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина.

Представляя немецкие города Эрфурт, Магдебург, Лейпциг, Эйзенах и другие, немецкие преподаватели втягивали всех присутствующих с помощью поразительной энергии и темперамента Лии Соломоновны в диалог культур, почти не соприкасавшийся с политикой и идеологическими догмами, хотя это не всегда удавалось: ведь праздновали же 25-летие, 30-летие ГДР, что требовали обстоятельства времени. Диалог был всегда двусторонним. Сколько разных визитов было сделано немецкими гостями: птицефабрика «Арженка», текстильная фабрика в Рассказово, посещение музея И.В. Мичурина в г. Мичуринск, трехдневная поездка в г. Волгоград и т. д. О русском непомерном хлебосольстве немецкие гости всегда вспоминают с удовольствием и юмором: «После посещения птицефабрики – праздничная еда с водкой, коньяком, вином, шампанским, копчеными курами. Речи дружбы, песни, тосты как в последние дни, сердечно, захватывающе, незабываемо... Потом «на чашку чая» к frau доктор Лили Кауфман. «Еда» после обеда продолжается: салаты, отварные грибы в сметане, красное вино, фаршированные яйца, пирожные, фруктовое желе, шампанское и, наконец, чай. Куда же все это?» (Игель 1969). Лия Соломоновна с гордостью вспоминала об этом времени: «Долгие годы, да и сейчас мы поддерживаем добрые отношения с побывавшими у нас коллегами. Пребывание гостей – носителей языка вносило оживление в нашу жизнь, не говоря уже о пользе постоянного общения. Вместе мы были не только на занятиях. Мы проводили также все свободное время вместе. В живом общении получали сведения о стране и ее жителях» [5, с. 214].

Образовательное пространство факультета иностранных языков ТГПИ углублялось в содержательном плане и на основе стажировок преподавателей кафедры в ГДР, личного участия Л.С. Кауфман во многих науч-

ных мероприятиях за рубежом, что отмечается в одной из «Характеристик» (1983) в связи с предстоящей защитой докторской диссертации: «По распоряжению Министерства Просвещения РСФСР Кауфман Л.С. неоднократно выезжала в ГДР для чтения лекций по литературе и стилистике на курсах повышения квалификации преподавателей высших учебных заведений. По приглашению писательских организаций ГДР выступала в городах Лейпциг, Веймар, Берлин, Нойбранденбург с докладами на юбилейных сессиях, посвященных памяти немецких писателей-антифашистов. Является научным консультантом дома-музея Г. Фаллады в Фельдберге (ГДР). Дважды была участником международных конгрессов германистов. По поручению Министерства Просвещения РСФСР была руководителем делегации ученых Российской Федерации на международном конгрессе германистов в Лейпциге (ГДР)»². К сказанному можно добавить, что с 1978 по 1986 г. она постоянно участвовала в работе месячного семинара писателей, была знакома лично с немецкими писателями: Анной Зегерс, Бруно Апитцем, Эрвином Штрिटтматтером и многими другими, состояла с ними в переписке.

В 1984 г. Л.С. Кауфман защищает докторскую диссертацию на тему: «Творчество писателей-антифашистов в Германии в годы нацизма. Проблематика. Поэтика» в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. В связи с празднованием ее 90-летия (2008 г.) Лия Соломоновна вспоминала: «Докторская была одна, но защиты ждала двенадцать лет, потому что вдруг оказалось, что тема работы – немецкое сопротивление гитлеровскому режиму – каким-то странным образом перекликается с советским диссидентством. Эти переклички вполне можно оставить на совести тех, кому они послышались» [2]. В июле 1985 г. решением ВАК Лии Соломоновны Кауфман присуждена ученая степень доктора филологических наук, с первого сентября 1985 г. она избрана по конкурсу на должность профессора кафедры немецкого языка ТГПИ. В феврале 1987 г. решением ВАК ей присвоено ученое звание профессора по кафедре немецкого языка. Таким образом, на факультете впервые

¹ Семейный архив Л.С. Кауфман. Хранится в музее Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина.

² Там же.

начинает работать вузовский, по нынешней терминологии – «ваковский» профессор.

Она снова раздвигает рамки привычного провинциального течения жизни, несмотря на солидный возраст. До сих пор вызывает искреннее восхищение ее неослабевающий интерес к любым событиям, происходящим в университете. На вопрос о здоровье старалась отвечать кратко, без подробностей, в целом, не жалуясь, и быстро переходила к вопросу: «А что там в университете?». Никогда не была безучастной, она обязательно должна была кому-то помогать, кого-то консультировать, просвещать. Через нее прошло немало кандидатских и докторских диссертаций, которые она рецензировала, неоднократно выезжала оппонентом в различные вузы России. Мало кто удивился, когда Лия Соломоновна в 2000-е гг. без колебаний приняла приглашение заведующего кафедрой истории зарубежной литературы Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина профессора Н.Л. Потаниной взять научное руководство аспирантами по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (литература стран германской и романской языковых семей). Спешила дать новый толчок исследованию творчества немецких писателей-антифашистов с учетом собственной концепции и современных достижений в литературоведении. В это время под ее научным руководством защитили кандидатские диссертации 4 аспиранта, ныне кандидаты филологических наук: Е.М. Лукинова, М.В. Никитина, Н.И. Платицына, Н.Н. Сутягина. Преодолев 90-летие, Лия Соломоновна издает две монографии о немецких писателях Э. Вихерте (2009), Г. Вейзенборге (2010).

С падением Берлинской стены (1989 г.) география контактов кафедры немецкого языка Тамбовского пединститута с Германией пополняется новыми наименованиями городов теперь уже объединенной Германии, куда стало возможным преподавателям и студентам попасть на курсы, стажировку по линии международного института Гете (Геттинген–Москва), также при поддержке Немецкой академической службы (ДААД). Именно в этот период в 1990-е гг. Лия Соломоновна оказывает активную помощь Тамбовской епархии в установлении контактов с церк-

вью г. Вецлар (ФРГ), а затем создает в 1994 г. Тамбовское общество Гете при содействии председателя общества Гете г. Вецлар Фридриха Вильгельма Гедриха. Президент международного Гете-общества (г. Веймар) (центра, объединяющего все существующие на сегодняшний день общества в мировом пространстве), профессор, доктор Вернер Келлер, приветствуя создание общества Гете в Тамбове и его председателя Л.С. Кауфман, отмечал: «Гете не принадлежит одному народу: Гете, как Пушкин и Толстой, принадлежит всем людям, которые занимаются его творчеством. Тамбовское общество Гете является завещанием нашего друга Фридриха Вильгельма Гедриха. С юношеским восторгом он много раз рассказывал о Вас. С именем Вашего общества будет навсегда связано его имя. Это общее начало должно нас двигать впредь»³.

Культурные события в Гете-обществе, организуемые по инициативе Лии Соломоновны, до сих пор впечатляют многообразием и интеллектуальной насыщенностью: многочисленные выставки немецкой литературы, учебных пособий, словарей; выставки картин тамбовских художников (Н.Н. Воронков), рисунков немецких военнопленных, находившихся в плену на Тамбовщине, содержательные лекции профессоров Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, музыкальные встречи (например, с камерным хором им. С.В. Рахманинова под управлением заслуженного деятеля искусств РФ профессора В.В. Козлякова), с актерами Тамбовского драматического театра, ежегодное празднование Рождества. Уникальный проект проведения Дней российско-немецкой культуры в октябре 1997 г. под патронатом посольства ФРГ при поддержке Гете-общества Веймар–Вецлар на Тамбовской земле стал своеобразным эталоном для всех последующих встреч и событий международного сотрудничества. Программы практических ежегодных встреч с членами Гете-общества из г. Вецлар (Ангеликой Кункель, Гертом Калленбахом, Карин Унзикер, Корнелией Кюн-Ляйц, Вильфридом Фабером и мн. др.) тщательно продумывались, страст-

³ Семейный архив Л.С. Кауфман. Хранится в музее Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина.

но обсуждались и реализовывались с большим энтузиазмом, все проживали в это время особую не повседневную жизнь, в центре которой находилась «Лили Кауфман» – так называли ее немецкие коллеги. В знак признания заслуг Лии Соломоновны за огромный вклад в гуманистическую деятельность по просвещению молодежи и разных социальных слоев населения в России и Германии ей было присвоено в 2007 г. звание Почетного члена общества Гете г. Веймар.

В доме на улице Студенецкая, 26, где Л.С. Кауфман прожила почти всю жизнь, всегда были открыты двери для всех. Практически до последних дней жизни можно было видеть Лию Соломоновну, сидящую за рабочим столом, читающую при свете лампы очередной реферат кандидатской или докторской диссертации, научные издания, листки собственных сочинений. И не удивительно, что посмертно вышла в свет ее статья, опубликованная в 2016 г. в академическом издании ИМЛИ РАН «История литературы XX века», в соавторстве с известным литературоведом-германистом Е.А. Зачевским и Е.В. Кудрявцевой под названием «Областническая литература», в которой особый акцент ставится на необходимость дальнейшего исследования литературы немецких регионов: «Лишенная каких-либо изысков, насыщенная реалиями узнаваемой повседневной действительности, с вкраплениями диалектальных речений, эта литература завоевала провинцию», – подчеркивают авторы данной статьи [6, с. 794]. Заявка проблемы открывает новые перспективы изучения немецкой литературы теперь уже для других ученых. Накануне 98-летия (апрель 2016 г.), незадолго до смерти, в последнем

интервью члену Союза журналистов РФ Л.Е. Хохловой Лия Соломоновна говорила: «Мне в жизни повезло... Большое счастье выбрать работу, которая тебе по душе. Мне нравится путь профессиональный, который я выбрала. Я люблю своих студентов. Я люблю им рассказывать, делиться знаниями. Люблю свой университет»⁴.

Список литературы

1. Кауфман Л.С. Для меня человек – самое интересное открытие. Беседа с членом Союза журналистов РФ Л.Е. Хохловой. URL: <http://www.germanistenverband.ru/vznosy/132-lia-kaufman> (дата обращения: 20.10.2017).
2. Самойлова О., Хворостов А. В институт ее зачислил Шиллер // Тамбовская жизнь. 2008. 23 апр.
3. День Кауфман в календаре института иностранных языков // Державинский вестник. 2009. Июнь.
4. Дронова Н.П. Лия Соломоновна Кауфман // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 8 (124). С. 425-427.
5. Кауфман Л.С. Мне, пришедшей со стороны, в коллективе работалось без трудностей // Иняз в лицах / под ред. Н.П. Дроновой. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009.
6. Зачевский Е.А., Кауфман Л.С., Кудрявцева Т.В. Областническая литература // История литературы Германии XX века. Т. 1. 1880–1945: в 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Кн. 1. Литература Германии между 1880 и 1918 годами. С. 786-805.

Поступила в редакцию 26.12.2017 г.

Отрецензирована 25.01.2018 г.

Принята в печать 01.02.2018 г.

Информация об авторе

Дронова Нина Петровна, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: dronovanina@yandex.ru

Для цитирования

Дронова Н.П. Из Коканда в Тамбов: топология жизни. К столетию профессора, доктора филологических наук Лии Соломоновны Кауфман (17.04.1918–23.04.2016) // Неофилология. 2018. Т. 4, № 13. С. 64-70.

⁴ Семейный архив Л.С. Кауфман. Хранится в музее Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина.

**FROM KOKAND TO TAMBOV: TOPOLOGY OF LIFE.
To the 100th anniversary of the Professor, Doctor of Philology
Lia Solomonovna Kaufman (17.04.1918–23.04.2016)**

Nina Petrovna DRONOVA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya, Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: dronovanina @yandex.ru

Abstract. It is devoted to the memory of Professor, Doctor of Philology Lia Solomonovna Kaufman in connection with her 100th anniversary. A graduate of the legendary Moscow Institute of Philosophy, Literature and History gave about 60 years of her life to the establishment of higher education in Tambov. For years of work in Tambov State Pedagogical Institute/Tambov State University named after G.R. Derzhavin she goes all the way from the Assistant to the Professor, made a considerable contribution to preparation scientifically-pedagogical personnel, as the Head of German Language Department she created favorable conditions for the international cooperation even in 1960–1970s, was also the founder of the the second in Russia international Goethe's society in Tambov.

Keywords: 100th anniversary; Moscow Institute of Philosophy, Literature and History; Tambov State Pedagogical Institute/Tambov State University named after G.R. Derzhavin; Goethe's society in Tambov

References

1. Kaufman L.S. *Dlya menya chelovek – samoe interesnoe otkrytie. Beseda s chlenom Soyuzha zhurnalistov RF L.E. Khokhlovoy* [Kaufman L.S. As for me, a human is the most interesting discovery. Conversation with a member of Union of Journalists of the Russian Federation L.E. Khokhlova]. (In Russian). Available at: <http://www.germanistenverband.ru/vznosy/132-lia-kaufman> (accessed: 20.10.2017).
2. Samoylova O., Khvorostov A. V institut ee zachislil Shiller [She was enrolled to the university by Shiller]. *Tambovskaya zhizn'* [Tambov Life], 2008, April 23. (In Russian).
3. Den' Kaufman v kalendare instituta inostrannykh yazykov [Kaufmann's day in the calender of the Foreign Languages Institute]. *Derzhavinskiy vestnik* [Derzhavin Bulletin], 2009, June. (In Russian).
4. Dronova N.P. Liya Solomonovna Kaufman [Lia Solomonovna Kaufman]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2013, no. 8 (124), pp. 425-427. (In Russian).
5. Kaufman L.S. Mne, prishedshey so storony, v kollektive rabotalos' bez trudnostey [I worked without difficulties although I was different]. In: Dronova N.P. (ed.). *Inyaz v litsakh* [Insitute of Foreign Languages in Faces]. Tambov, Publ. House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2009. (In Russian).
6. Zachevskiy E.A., Kaufman L.S., Kudryavtseva T.V. Oblastnicheskaya literatura [Regional literature]. *Istoriya literatury Germanii XX veka. T. 1. 1880–1945: v 2 kn. Kn. 1. Literatura Germanii mezhd 1880 i 1918 godami* [History of the German Literature of 20th Century. Vol. 1. 1880–1945: in 2 bks. Bk. 1. German Literature Between 1880 and 1918]. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 786-805. (In Russian).

Received 26 December 2017

Reviewed 25 January 2018

Accepted for press 1 February 2018

Information about the author

Dronova Nina Petrovna, Candidate of Philology, Professor, Professor of Foreign Philology and Applied Linguistics Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: dronovanina@yandex.ru

For citation

Dronova N.P. Iz Kokanda v Tambov: topologiya zhizni. K stoletiyu professora, doktora filologicheskikh nauk Lii Solomonovny Kaufman (17.04.1918–23.04.2016) [From Kokand to Tambov: topology of life. To the 100th anniversary of the Professor, Doctor of Philology Lia Solomonovna Kaufman (17.04.1918–23.04.2016)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 13, pp. 64-70. (In Russian).

УДК 82-1/-9

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ О.В. ЛЕБЕДЕВОЙ
«АНГЛИЙСКАЯ НОВЕЛЛА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»
(Великий Новгород: Изд-во НОВГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. 158 с.)**

Наталья Леонидовна ПОТАНИНА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Аннотация. Осуществлен аналитический обзор монографии, посвященной актуальной проблеме жанрообразования и жанровой поэтики. Эта проблема рассмотрена в монографии на материале английской новеллы, ее происхождения и исторической эволюции с XIV до начала XXI века. Обоснованы актуальность и теоретическая значимость научных результатов, представленных в рецензируемой книге. Показана специфика современного этапа в развитии литературоведения, состоящая в обострении научного интереса к «пульсации» художественных идей, вариациям жанров и жанровых взаимодействий. Отмечена новизна представленных в монографии наблюдений и выводов о путях трансляции традиции и особенностях ее рецепции на разных этапах развития художественного сознания. Подтверждена значимость и научная перспективность вклада автора монографии в исследование исторической поэтики английской новеллы.

Ключевые слова: художественная парадигма; английская новелла; жанровые процессы; историческая поэтика

Монография Ольги Владимировны Лебедевой посвящена исследованию генезиса и развития английской новеллы на всем протяжении ее существования, начиная с XIV века до наших дней [1].

В современном литературоведении происходит формирование новых подходов к изучению процессов восприятия и интерпретации художественного опыта прошлых эпох. При этом актуализируются сложные проблемы «пульсации» художественных идей, взаимных притяжений и отталкиваний литературных жанров и стилей, вопросы о путях и способах восприятия традиции в их соотношении со спецификой воспринимающего художественного сознания. Переосмысление опыта постмодернизма обусловило сегодня новый подъем интереса к новелле, которая в силу своего небольшого формата обладает целым рядом свойств, не только привлекающих к ней читательское внимание, но и делающих ее благодатным полем для исследования как общих закономерностей историко-литературного процесса, так и национальной обусловленности отдельных жанровых форм и их функционирования на разных этапах литературного развития.

Тема, избранная автором монографии, открыла возможность глубоко и всесторонне трактовать тот емкий и в силу своей изменчивости нередко ускользающий от понятийного постижения художественный феномен, которым является английская новелла в ее соотношении с основными тенденциями развития английской литературы. Выбранное направление свидетельствует не только об актуальности, но о новизне и теоретической значимости исследования, результаты которого представлены в рецензируемой книге. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что проблемы жанра и жанровых взаимодействий представляют особую важность для современного литературоведения.

В теоретических трудах отечественных и западноевропейских ученых сконцентрирован значительный по многообразию точек зрения и концепций материал, который остро нуждается в систематизации, обобщении и практическом применении к поэтологическому анализу новеллы, как современной, так и принадлежащей к другим историческим периодам. Именно такие задачи и ставит перед собой автор рецензируемого издания. Теоретические проблемы новеллистики

в контексте общих проблем «короткой» (или «малой») прозы, вопросы об условиях возникновения этого жанра, исторической поэтике новеллы и ее жанровых дефинициях и дифференциациях в пределах малой английской прозы, внутрижанровых процессах и межжанровых взаимодействиях, художественной структуре современной английской новеллы до недавнего времени оставались недостаточно изученными. В книге эти вопросы представлены подробно и в системе. Здесь дано теоретическое и историко-типологическое обоснование генезиса, развития и исторической поэтики английской новеллы, что открывает возможности для развития теории малых жанров на основе применения системного подхода. Этот подход позволяет учитывать взаимодействие философского, культурно-исторического и литературно-эстетического контекстов для решения вопросов, связанных с определением художественной модели мира в новелле. Теоретическую значимость имеет и обоснованное в монографии уточнение жанровых дефиниций новеллы в их отнесенности с другими жанровыми дефинициями малой прозы.

В монографии О.В. Лебедевой не только теоретически обоснованы жанровая специфика и историческая эволюция новеллы, но и определено ее национальное своеобразие, описаны межжанровые взаимодействия (новеллы и очерка, новеллы и романа и др.). Отдельно рассмотрены поэтологические изменения, которые произошли в английской новелле в XX–XXI веках. В связи с этим можно констатировать, что научная новизна книги заключается и в том, что в ней достоверно воссоздана парадигма поэтологического развития английской новеллы от ее истоков до наших дней, убедительно показана длительность и непрерывность традиции этого жанра, выявлены и детально проанализированы конститутивные свойства английской новеллы. Нельзя не отметить и то, что в монографии впервые осуществлены научно продуктивное обобщение и систематизация существующего историко-литературного материала по данной проблеме. Нельзя не отметить и тот факт, что наряду с широко известными русской публике обсуждаемое исследование вводит в научный обиход и произведения, еще не переведенные на русский язык.

Обозначенные направления исследования обусловили практическую ценность данной книги, связанную с применением ее материалов не только в преподавании курсов истории зарубежной литературы (ИЗЛ) XIX/XX и XX/XXI веков, но и в курсах по другим периодам ИЗЛ (начиная с эпох средневековья и Возрождения). Кроме того, конечно, возможно использование результатов исследования в практике изучения творчества отдельных новеллистов, как английских, так и связанных с другими европейскими (включая русскую) и американскими литературами.

Соединение в монографии элементов культурно-исторического, сравнительного (типологического и генетического), поэтологического, интертекстуального, нарратологического **методов и подходов** закономерно, так как позволяет учесть и показать общие и особенные черты исторической эволюции английской новеллы и обосновать ее статус в современной литературе Великобритании.

Композиция книги, которую можно назвать целесообразной в своей основе, дает возможность последовательно рассмотреть историческую поэтику английской новеллистики от ее истоков до современности. При этом в поле зрения автора монографии закономерно оказываются и пограничные явления литературного процесса, что помогает лучше понять специфику английской новеллы в ее становлении.

Теоретическую значимость монографии придает и вдумчиво проведенный анализ концепций жанра английской новеллы, существующих в западноевропейской и отечественной науке. Здесь представлены ключевые характеристики новеллы, позволяющие выделить этот жанр среди других жанровых образований, подпадающих под общее определение «малой прозы».

На профессиональном уровне проведен анализ проблематики, связанной с происхождением английской новеллы, и определением национального своеобразия предвозрожденческой английской новеллы на материале «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера. Убедительно обосновывается генетическая связь английской новеллы с ирландской сагой, для чего выявляются ее отличительные характеристики на основе анализа художественных

венной структуры кельтских прозаических повествований. Выявлены отличительные черты английской новеллистики: индивидуализация как принцип изображения человека, многогранность персональных характеристик, структурообразующий характер конфликта между человеком и обстоятельствами (судьбой), искусная композиция, использование техники пуантизма как отличительной жанровой черты новеллы и др. Наряду с итальянским влиянием в монографии справедливо отмечается наличие французской литературной традиции в жанровой истории английской новеллы.

Рассуждая о назначении и поэтологической специфике вставной новеллы в английском плутовском романе, автор монографии стремится доказать, что новелла здесь является жанрообразующим компонентом. Вместе с тем отмечается, что вставная новелла совершенствует собственную структуру, мастерство интриги, диалога, развивает повествовательную технику, осваивает эстетическую стихию частной жизни. Эти выводы хорошо укладываются в общую концепцию книги о становлении жанра английской новеллы. Выводы, сделанные на этой основе, претендуют на обобщение тех трансформаций, которые произошли в структуре жанра в течение трех столетий, но художественного материала, на который опираются эти выводы, не так уж много: это произведения Т. Нэша, Г. Филдинга, Т. Смоллета, Л. Стерна, А. Рэдклиф, Х. Уолпола, К.С. Льюиса, К. Рив. При этом некоторые из вышеперечисленных авторов (К. Рив, К.С. Льюис, Х. Уолпол), скорее, просто называются, а их художественные достижения констатируются без опоры на анализ художественного текста.

Далее рассмотрены пути развития жанра новеллы в XIX веке: стремление к синтезу, психологизация и романизация малого жанра. Существенно, что здесь вводятся в литературоведческий обиход продуктивные сведения о том многообразном жанровом фоне, на котором складывалась история английской новеллы. Эти сведения, ценные сами по себе, могут стать импульсом и для дальнейшего изучения феномена малой прозы. Кроме

того, этот материал дополняет сложившиеся представления об условиях и путях осуществления межжанровых взаимодействий.

Вместе с тем, как и всякое серьезное и перспективное исследование, эта книга ориентирует на постановку новых исследовательских задач и вопросов, вызывает потребность в отдельных уточнениях и дополнениях. Так, трактуя вопросы о функционировании английской новеллы XIX века в контексте других форм малой прозы, О.В. Лебедева исключает из поля своего исследовательского внимания целый ряд крупных создателей таких форм: Ч. Лэма, Д. Макдональда, Э. Гаскелл, Т. Харди, С. Моэма и др. Таковую редукцию эмпирического материала в исследовании историко-литературного характера едва ли можно признать оправданной.

Анализируя особенности преобразования английской новеллы в XX–XXI веках, О.В. Лебедева констатирует изменения в поэтике психологизма, полижанровость, жанровый полиморфизм (Д. Джойс, В. Вульф, Д.Г. Лоуренс). При этом в поле внимания автора книги закономерно оказывается механизм взаимодействия большого и малого эпических жанров, убедительно обосновываются статус и особенности поэтики английской новеллы второй половины XX и начала XXI века. Наблюдения О.В. Лебедевой над этими проблемами, умение исследовать многозначность текста, предлагая разнообразные версии его прочтения и комментарии к ним – вызывают профессиональный интерес и поддержку. Автор демонстрирует эрудированность в сложных вопросах, затрагивающих понятия жанровых дифференциаций и дефиниций, связанных с широкими сферами современного гуманитарного знания.

В заключение следует отметить, что рецензируемая монография вносит существенный вклад как в изучение типологии жанровых процессов в литературе, так и в определение особенностей жанровой поэтики английской новеллы в контексте ее исторического развития, что открывает новые перспективы для исследования новеллы на материале английской и других национальных литератур.

Список литературы

1. Лебедева. О.В. Английская новелла: история и современность. В. Новгород: Изд-во НОВГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. 158 с.

Поступила в редакцию 08.12.2017 г.
Отрецензирована 13.01.2018 г.
Принята в печать 08.02.2018 г.

Информация об авторе

Потанина Наталия Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Для цитирования

Потанина Н.Л. Рецензия на монографию О.В. Лебедевой «Английская новелла: история и современность» (Великий Новгород: Изд-во НОВГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. 158 с.) // Нефилология. 2018. Т. 4, № 13. С. 71-75.

REVIEW OF THE MONOGRAPH BY O.V. LEBEDEVA “ENGLISH SHORT STORY: HISTORY AND PRESENT TIME” (Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2016. 158 p.)

Nataliya Leonidovna POTANINA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Abstract. An analytical review of the monograph devoted to the actual problem of genre formation and genre poetics is presented. This problem is considered in the monograph on the material of the English novel, its origin and historical evolution from the 14th to the early 21st century. The relevance and theoretical significance of the scientific results presented in the book under review is substantiated. The specifics of the present stage in the development of literary criticism are shown, which consists in exacerbating the scientific interest in the “pulsation” of artistic ideas, variations in genres and genre interactions. The novelty of the observations and conclusions about the ways of the translation of tradition and the features of its reception at different stages of the development of artistic consciousness are noted in the monograph. The significance and scientific prospects of the contribution of the author of the monograph to the study of the historical poetics of the English novel have been confirmed.

Keywords: artistic paradigm; English short story; genre processes; historical poetics

References

1. Lebedeva O.V. *Angliyskaya novella: istoriya i sovremennost'* [English Short Story: History and Present Time]. Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2016. 158 p. (In Russian).

Received 8 December 2017

Reviewed 13 January 2018

Accepted for press 8 February 2018

Information about the author

Potanina Nataliya Leonidovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

For citation

Potanina N.L. Retsenziya na monografiyu O.V. Lebedevoy «Angliyskaya novella: istoriya i sovremennost'» (Velikiy Novgorod: Izd-vo NOVGU im. Yaroslava Mudrogo, 2016. 158 s.) [Review of the monograph by O.V. Lebedeva "English Short Story: History and Present Time" (Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2016. 158 p.)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 13, pp. 71-75. (In Russian).

УДК 811.16

МЫСЛИ ВСЛУХ В ДЕНЬ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ**Галина Михайловна ПЕРВОВА**

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: gmp47@yandex.ru

Аннотация. Посвящено Дню славянской письменности и культуры, рассмотрены предпосылки создания праздника, территория его распространения, а также участие конкретных славянских государств в его популяризации. Проанализирована деятельность Форума славянских культур, штаб-квартира которого находится в г. Любляна, Словения. Отмечено, что деятельность форума способствует укреплению культурных связей между славянскими народами, консолидации интересов славян в гуманитарной сфере, а также развитию международных мероприятий, таких как фольклорные праздники, гала-концерты, конференции. Выделена цель деятельности Форума славянских культур, которая заключается в укреплении и защите интересов славян в сферах культуры и науки, а также в сохранении традиций и конфессиональных предпочтений. Кроме того, отмечены современные угрозы целостности культуры славянских народов, названы проблемы в области международного сотрудничества, которые предстоит решить.

Ключевые слова: День славянской письменности и культуры; Форум славянских культур; славянские народы; традиции; культура; письменность; патриотизм

День славянской письменности и культуры отмечается в России 24 мая с 1985 г. Связан он с именами проповедников христианства, создателей славянской азбуки на основе греческого языка, святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия. Значимость этого праздника в его объединительном характере: он отмечается и церковью, и на государственном уровне, в образовательных учреждениях, общественных организациях и не только в России, но и в Болгарии, Чехии, Словении и других территориях земного шара.

Значительная часть славян живет в Восточной, Центральной и Западной Европе, а также на Балканах, Южном Кавказе, в Центральной Азии – всюду у славян свои потребности и проблемы. Политика и идеология разводят славян в различные международные организации, отстаивающие свое видение мироустройства.

В XIX веке появились реальные условия для диалога славянских государств, для создания такой организации, которая сохраняла бы и развивала общеславянские ценности, прежде всего, те этнокультурные гены, которые определяют сходство славян в многонациональном мире. Единство церковно-славянского языка, религиозных корней, тра-

диций национальной жизни – таковы точки единения славян в глобальном мире. Есть и проблемы славян: резкая смена политического режима на Украине на недружественное отношение к России (с 2014 г.), не всегда совпадают социально-экономические позиции славянских государств, политические оценки событий.

Если политические события разделяют людей, то культурные корни действуют на объединение граждан разных славянских стран. Так, в 2004 г. в г. Любляна по инициативе словенцев создан Форум славянских культур (ФСК), избрано Правление ФСК, создан Программный комитет ФСК. Представляют в этой международной организации избранники славянских государств, представляющие 350 миллионов человек славянского мира. Идею Словении поддержали Россия, Беларусь, Украина, Польша, Сербия, Словакия, Хорватия, Чехия, Македония, Болгария – 11 славянских государств.

В начале ноября 2011 г. в Софии (Болгария) проходили заседания Правления и Программного комитета ФСК, в которых приняли участие 8 из 11 государств, ставших учредителями этой международной организации. ФСК призван консолидировать интересы

славянских стран в гуманитарной сфере, он проводит фольклорные праздники, гала-концерты, конференции, организует участие в различных международных мероприятиях. Прежде всего, объединяет славянские народы культура фольклора.

В последнее время электронный портал «Славянский мир» свидетельствует о нерегулярности мероприятий форума. Тем не менее традиционными стали концерты «Славянский базар» в Витебске (Беларусь), международный характер приобрел кинофестиваль «Золотой Витязь», который проводится в разных городах и странах, славянские ценности демонстрируются на фестивалях искусств, книжных ярмарках и выставках.

Россия входит в европейское объединение славян, а также входила в Международную организацию тюркской культуры ТюрКСОЙ – объединение тюркоязычных стран, где хозяйкой является Турция, а вторым языком стал русский, так как в ТюрКСОЙ после распада СССР вошли бывшие советские азиатские республики. В Туркменистане, например, во многих школах изучают русский язык, как и в других дружественных азиатских странах.

В Софии в 2011 г. представители ФСК разговаривали преимущественно на английском языке, хотя в кулуарах встреч звучали и русская речь, и болгарская. Проблема языка, на котором общаются славяне в Европе, во все не проста. Если прислушаться к звучащей речи, славяне могли бы без переводчика понимать друг друга. «Важно только захотеть», – утверждал участник софийских встреч, доктор искусствоведения, заместитель министра культуры РФ М.Е. Швыдкой. «Попытки создать некие панславянские структуры в XIX и XX столетиях заканчивались неудачно. Слишком много разнонаправленных внутренних интересов и внешних влияний определяли судьбу славянства. Можно сказать, что все это не слишком изменилось и по сей день» [1, с. 9].

В конце XIX века русский религиозный философ В. Соловьев, размышляя о судьбах славянского единства, писал о барьерах между этнически братскими народами, которые были предопределены тысячелетие назад разделением христианской церкви на Восточную и Западную (православие и католицизм).

Идея создания новой международной площадки общения народов в XXI веке является актуальной для стран славянского мира, где славяне составляют большинство населения, потому что в конце XX века славяне потеряли мировую гегемонию. Самое маленькое славянское государство захотело напомнить Европе о наличии славянской идентичности.

Сохранение славянской идентичности – всех народов вместе и каждого народа в отдельности, консолидация интересов в сфере науки, культуры, искусства при сохранении традиций и конфессиональных предпочтений – цель учреждения ФСК.

На фоне стремления народов объединяться разительно выглядят угрозы европейской «цивилизации»: толерантность к общественным победам секс-меньшинств, однополые браки, разрешение усыновлять и удочерять однополым семьям, распространение неестественных способов обзаведения детьми, лояльное отношение к педофилии, свобода половой жизни, наркомания, распространение отношений вне брака, сексуальное просвещение детей с 4–5 лет и т. п.

Раскрепощенная Европа внесла изменение ценностей и в Россию: распространились сожительство, красиво называемое гражданским браком, порнографические фильмы, артисты подают пример неестественного деторождения и связей, популярные певицы, танцоры, спортсмены берутся пропагандировать нетрадиционные ориентации в интимной сфере. На Евровидении победу в конкурсе одержал исполнитель, выступающий под женским альтер-эго. Слышны голоса о том, что ребенок может выбирать, кем ему быть, мальчиком или девочкой, а не как Бог создал. Женщин убеждают, что необязательно рожать самой: заплати и получишь готовую «модель», что необязательно создавать семью, когда можно брать свободы «сколько захочешь», что можно до бесконечности перedefинировать свою внешность с целью привлечения противоположного пола.

Надо вспомнить ветхозаветные города Содом и Гоморру, вспомнить о том, что когда-то самая богатая и развратная Римская империя погибла: ее победил демографический кризис. Европейская цивилизация угасает, она на грани физического вырождения:

во Франции алжирцев больше, чем французов, а в Германии турок больше, чем немцев, белое население убывает катастрофически. Активизируются не только секс-меньшинства, но и нацменьшинства, фашисты, психически больные люди, извращенцы.

Вместо духовно-нравственных отношений, которые соединяют людей на всю жизнь, временное одурманивание – химическая любовь, связанная с алкоголем, наркотиками, табаком, таблетками, энергетиками, лишь бы заполучить партнера. Когда очнется человек, оказывается, не с тем живет, о ком мечталось, а родились дети, несчастные, повторяющие судьбу родителей. В 2013 г. в Тамбове на 100 браков насчитывалось 90 разводов.

Социальные службы современности регистрируют следующие категории семей: неполная, с несовершеннолетней матерью, с лишением родительских прав, с родителями из криминальной среды, имеющая ребенка-инвалида, имеющая больного СПИД и ВИЧ, опекунская, многодетная, неблагополучная... Если существует школьная дезадаптация, то чисто школьная причина составляет 10 %, а включающая семейную причину – 90 %¹. В таких семьях дети растут с психологическими и психическими отклонениями, невротизированные, с девиантным поведением.

Еще одна угроза культуре нации – игромания. В США средний возраст геймеров – 35 лет, в России – 33. Виртуальная жизнь привлекает своей легкодоступностью, успехом.

Еще одной проблемой современности являются объединения фашистов в Прибалтике. Фашисты на Украине занимают государственные посты, а их партия называется «Свобода». Свобода от чего? От морали, нравственности, традиций. Фашисты там отрицают холокост, победы в Великой Отечественной войне, прославляют пособников А. Гитлера. Политики Украины выбрали главным врагом Россию, внушают гражданам, что союз с Россией ведет к вырождению пятидесятимиллионной украинской нации. Выдвинута государственная доктрина – формировать новую, чистую нацию, без русской примеси.

Некоторых представителей общественности радует такой разрыв славянских народов, ссора Украины с Россией и другими странами. Разделяй и властвуй – маленькими и слабыми странами легче управлять, манипулировать. Поссорить Россию с дружественным народом, разорвать союз ранее нерушимых государств ради мирового господства – такую перспективу рисовали себе не раз враги России. Чем заканчивалось такое нашествие на Россию знают все, кто изучал историю. Сегодня вновь обострились идеи нового мирового порядка, навязываемого Российскому государству.

Названные проблемы не отменяют сути международного сотрудничества. В России широко отмечается День славянской письменности и культуры как праздничное событие. Тысячные хоровые коллективы поют о Родине, дружбе, любви: «Славься, славься ты, Русь моя, славься, великая наша земля. Да будет во веки веков сильна любимая наша, родная страна», «Широка страна моя родная», «Если с другом вышел в путь – веселей дорога, без друзей меня чуть-чуть, а с друзьями много»... Наши певцы исполняют с любовью мелодичные украинские песни «Ніч яка місячна», «Гляжу я на небо да думку гадаю», казачьи малороссийские песни «Распрягайте, хлопцы, коней», песню А. Пахмутовой и Н. Добронравова о Белоруссии «Беловежская пуша», песню ВИА «Сябры» «Олеся», болгарин Б. Киров поет о своей стране и дружбе народов.

Существует общерусская или восточнославянская цивилизация: от Прикарпатья до Аляски, от русинов до великоруссов, от белорусов до малороссов, русские живут в Приднестровье, на Украине. Русскими часто называют себя люди разных национальностей, живущие в России. Русский еврей режиссер и актер М. Козаков возвратился из Израиля в Россию, когда понял, что в новой стране он таких шедевров, как на русском языке, не создаст: фильм «Покровские ворота», художественное чтение русской поэзии.

Русская цивилизация притягивает людей чистотой, простотой, открытостью, добросердечием. Вначале язычество вырастило в русских людях любовь к природе, культ земли-матери, родины, затем христианство приучило к долготерпению, смирению, любви к

¹ Семья XXI века: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Калининград: Янтарный сказ, 2004. С. 307.

человеку, а вместе они сформировали русскую душу и русский дух, духовность. Этого понятия нет в других языках. В России не было культа денег – его навязали, и переимчивый народ морщится, но тянется за американским долларом. Деньги ссорят людей, а менталитет русского мира – соборность, коллективизм, душевные взаимоотношения, нравственность. У русского народа не было свободы, но ценились «покой и воля», свободу любой ценой, свободу от нравственности, разнузданность навязала худшая часть европейского истеблишмента.

Психологи подсчитали, что большая часть людей поддаются внушению, поэтому и существуют зависимости – хорошие (любовь, дружба) и плохие (лекарства, игромания), хаос в головах неустойчивых людей, где многое перемешано противоречивого, неясного.

Но среди философского хаоса надо выделять приоритеты – то главное, что сделает личность устойчивой. Русские не колонизировали народы, не захватывали чужих государств – расселялись на неосвоенные и дикие территории, вбирали новые просторы Урала, Сибири, Дальнего Востока. В соответствии с широкой душой всех принимали: язычников, иудеев, католиков, исламистов, верующих христиан и атеистов. Были гонения на отдельные народы, но это делал не народ, а политики, люди у власти.

Русские всегда любили и обороняли Родину, поэтому в России и до сих пор активнее других областей экономики развивается оборонная промышленность: слишком много покушающихся на природные богатства страны. Русские всегда мечтали о хорошем будущем, поэтому именно русские первыми полетели в космос, активно развивали авиационную промышленность, военно-космические силы. И сегодня американцы просят русских доставить их за 60 миллионов долларов на Международную космическую станцию. У русских душа, дух, идеалы на первом месте, поэтому у нас лучшие в мире литература и искусство.

Послевоенное поколение выросло в СССР, состоявшем из пятнадцати братских республик и многочисленных автономий. Большинство людей жили в дружбе, гордились достижениями и вместе переживали неудачи. Люди учились и росли в благополуч-

ной, справедливой и счастливой стране, где был один привилегированный класс – дети. Забота о детях имела государственное значение, можно привести тому тысячу доказательств.

Новое поколение XXI века живет в эпоху информационно-психологических войн и противостояний, которые подтачивают фундамент человеческой цивилизации. Молодые люди должны быть разборчивы, что смотреть по телевидению, с кем общаться в Интернете. СМИ у миллионов людей «отключают» критическое восприятие действительности, навязывая странные идеалы, поэтому даже интеллигентные украинцы готовы праздновать день рождения С.А. Бандеры и объявлять героем фашиста. В России тоже существует пятая колонна антипатриотов и сочувствующих националистам. По телевидению показывают интервью, где американская девочка спрашивает русского писателя: «На чьей стороне выступал СССР во Второй мировой войне, в которой США и Англия победили?» Вот как обработано сознание нового поколения политиками, или так хочется лишить СССР статуса страны-победительницы фашизма, в учебниках для американских детей не сообщается о 27 миллионах погибших советских людей в годы этой войны, о героях, защитивших свою Родину и освободивших пол-Европы от фашизма.

Молодежи России сегодня необходимо критическое осмысление жизни, твердые нравственные оценки поведения детей и взрослых, разборчивость в выборе передач, книг, друзей и подруг. Если россияне не будут отстаивать патриотический и позитивный взгляд на свою страну, если мы будем позволять переименовывать, вражески интерпретировать историю родины, уничижительное отношение к России и иным славянским странам сохранится. Наша сила в единстве и братстве народов!

Список литературы

1. Швыдкой М. Язык для славянского мира // Российская газета. 2011. 16 нояб.

Поступила в редакцию 20.12.2017 г.
Отрецензирована 22.01.2018 г.
Принята в печать 08.02.2018 г.

Информация об авторе

Первова Галина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики дошкольного и начального образования. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: gmp47@yandex.ru

Для цитирования

Первова Г.М. Мысли вслух в день славянской письменности и культуры // Неофилология. 2018. Т. 4, № 13. С. 76-80.

THOUGHTS ALOUD ON THE SLAVIC WRITING AND CULTURE DAY

Galina Mikhaylovna PERVOVA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: gmp47@yandex.ru

Abstract. We dedicate our chronicle to the Slavic Writing and Culture Day, consider prerequisites to the creation of the holiday, the territory of its extension, and participation of several Slavic countries in its popularization. The Slavic Culture Forum activities, which headquarters is located in Ljubljana, Slovenia, are analyzed. It is noted that the activities of the forum contribute to the cultural connections consolidation between Slavic nations, and Slavic interests in the humanitarian sphere as well. It also contributes to the development of international events, such as folklore feasts, gala-concerts, and conferences. The purpose of the Slavic Culture Forum activities is identified: the main goal is consolidation and protection of Slavic interests in the culture and science spheres, and preservation of traditions and confessional preferences. Moreover, modern threats to the integrity of Slavic culture are mentioned, as well as problems to be solved in the international cooperation sphere.

Keywords: Slavic Writing and Culture Day; Slavic Culture Forum; Slavic nations; traditions; culture; writing; patriotism

References

1. Shvydkoy M. Yazyk dlya slavyanskogo mira [Language for the Slavic World]. *Rossiyskaya gazeta – The Russian Newspaper*, 2011, November 16. (In Russian).

Received 20 December 2017

Reviewed 22 January 2018

Accepted for press 8 February 2018

Information about the author

Pervova Galina Mikhaylovna, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Theory and Methods of Pre-School and Elementary Education Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: gmp47@yandex.ru

For citation

Pervova G.M. Mysli vslukh v den' slavyanskoy pis'mennosti i kul'tury [Thoughts aloud on the Slavic Writing and Culture Day]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 13, pp. 76-80. (In Russian, Abstr. in Engl.).

